

Сломленный принц

Эрин Уатт

2018

У Рида Ройала есть все: привлекательная внешность, положение в обществе, деньги. Девушки из его элитной школы готовы на все, чтобы встретиться с ним. Парни хотят быть похожими на него. Но Риду нет дела ни до кого, кроме членов семьи, пока в его жизни не появляется Элла Харпер. Сможет ли Рид завоевать неприступную принцессу и доказать, что достоин ее любви?..

© 2016 by Erin Watt

© Е. Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Рид

В доме, когда я захожу туда через дверь рядом с кухней, темно и тихо. Почти тысяча квадратных метров, и никого. На моем лице появляется улыбка. Мои братья разошлись кто куда, экономка давно ушла, а отец уехал и бог знает где, и это значит, что весь особняк Ройалов в нашем с Эллой распоряжении.

Да, черт возьми!

Я быстро прохожу через кухню и бегу вверх по черной лестнице. Надеюсь, Элла уже ждет меня в кровати, вся такая милая и сексуальная, в одной из моих старых футболок, в которых привыкла спать. И пусть футболка будет единственным, что на ней надето... Я проношусь мимо своей комнаты, комнаты Истона, старой комнаты Гида и останавливаюсь перед дверью в спальню Эллы, но она, к моему разочарованию, оказывается закрыта. Стучусь, никто не отвечает. Нахмурившись, я достаю из заднего кармана телефон и отправляю короткое сообщение.

Детка, ты где?

Элла не отвечает. Я хлопаю телефоном по ноге. Наверное, она где-нибудь со своей подружкой Вэлери, что даже хорошо, потому что для начала мне не мешает принять душ. На сегодняшних посиделках у Уэйда парни выкурили чертову тонну травы, и я не хочу, чтобы комната Эллы провоняла этим смрадом.

Новый план: приму душ, побреюсь и отправлюсь на поиски моей девушки. Я стягиваю с себя футболку и, скомкав ее в руке, рывком открываю дверь своей комнаты. Затем, даже не позаботившись включить свет, скидываю кроссовки и иду по ковру к ванной.

Я чувствую ее запах еще до того, как вижу ее саму.

Какого?..

Вдыхая тошнотворный аромат роз, я разворачиваюсь в сторону кровати.

– Да ладно! – рычу я, заметив темную фигуру на матрасе.

Ощущая прилив злости, марширую обратно к двери и щелкаю выключателем. И тут же жалею об этом, потому что заливший комнату бледно-желтый свет освещает полностью обнаженную женщину, с которой мне не хочется иметь ничего общего.

- Какого черта ты тут делаешь? - рявкая я бывшей подружке своего отца.

Брук Дэвидсон жеманно улыбается.

- Я соскучилась по тебе.

У меня отвисает челюсть. Черт, она это серьезно? Я быстро выглядываю в коридор, чтобы проверить, не появилась ли Элла, а потом подхожу к кровати.

- Пошла вон, - рычу я, схватив ее за запястье и стягивая на пол.

Вот черт, придется менять постельное белье, потому что если и есть что-то отвратительнее вони затхлого пива и травки, то это запах духов Брук Дэвидсон.

- С чего это? Раньше ты не жаловался.

Она облизывает красные губы, и наверняка кому-то это может показаться сексуальным, но у меня лишь вызывает тошноту. В моем шкафу достаточно скелетов, о которых Элле ничего не известно. Многие могли бы показаться ей омерзительным. В том числе и женщина, сидящая передо мной.

- Я точно помню, как сказал, что больше никогда не притронусь к тебе. Ты готова лечь под любого.

Губы Брук вытягиваются в тонкую линию.

- А я не раз просила тебя не разговаривать со мной в таком тоне.

- Я буду говорить с тобой как захочу.

Я выплевываю эти слова и снова бросаю быстрый взгляд на дверь. От чувства бессилия меня прошибает пот. Когда Элла вернется домой, Брук не должно быть здесь.

Черт, как я смогу объяснить все это? Я смотрю на разбросанную на полу одежду Брук: вульгарное мини-платье, кружевное белье, пару туфель на шпильках.

Мои кроссовки случайно оказались рядом с ее туфлями. Все выглядит достаточно подозрительно.

Я хватаю туфли Брук и бросаю их на кровать.

- Мне нет до тебя никакого дела, катись отсюда куда подальше!

Она бросает туфли обратно в меня. Одна каблуком царапает мне грудь, и обе падают на пол.

- А ты заставь!

Я сжимаю рукой затылок. Вышвырнуть ее насильно - единственный вариант, который у меня есть. Но что я, черт побери, скажу Элле, если она увидит, как я вытаскиваю Брук из своей спальни?

Эй, детка, не подумай ничего такого. Я тут выбрасываю мусор. Видишь ли, мы пару раз переспали, а теперь, когда папа бросил ее, она, похоже, хочет залезть в мою постель. Ничего сверхъестественного, правда?

И неловкая усмешка в конце.

Я сжимаю руки в кулаки. Гидеон всегда говорил, что у меня склонность к саморазрушению, и, черт, сейчас я, похоже, вышел на совершенно новый уровень. Это все моя вина. Я позволил злости на отца привести меня в постель к этой стерве. Я убедил себя, что после всех страданий, которые перенесла из-за него мама, он заслуживает, чтобы я закрутил шашни с его девушкой у него за спиной.

Что ж, я и остался в дураках.

- Одевайся, - мой громкий шепот похож на шипение. - Разговор окончен...

Я замираю, услышав звуки шагов в коридоре и звук своего имени.

Брук склоняет голову набок. Она тоже все слышит.

Ох, черт. Черт. *Черт!*

Голос Эллы раздается уже прямо за дверью.

- Ой, как славно, Элла тоже дома, - говорит Брук, а у меня в ушах грохочет неровный пульс. - Тогда я поделюсь своей новостью с вами обоими.

Наверное, это будет самая большая в мире глупость, но в голове у меня вертится лишь одна мысль: «Исправь это». Эта женщина должна *исчезнуть* отсюда.

Я бросаю все, что было у меня в руках, и кидаюсь вперед. Схватив Брук за руку, я пытаюсь стащить ее с кровати, но эта дрянь дергает меня вниз. Я изо всех сил стараюсь не трогать ее голое тело и в итоге теряю равновесие. Она тут же пользуется этим и прижимается к моей спине. В ушах звенит ее тихий смех, а накачанное силиконом сиськи касаются моей кожи.

Я в панике наблюдаю, как поворачивается дверная ручка.

- Я беременна, и ребенок твой, - шепчет мне Брук.

Что?

Мир вокруг меня резко замирает.

Дверь распахивается. Прелестное личико Эллы смотрит прямо на меня. Я наблюдаю, как выражение радости на нем сменяется полным шоком.

- Рид!

Я сижу словно парализованный, но мозг работает в усиленном режиме, пытаюсь вычислить, когда мы с Брук были вместе в последний раз. День святого Патрика. Мы с Гидом тусовались у бассейна. Он напился. Я напился. Гид был сильно расстроен чем-то. То ли из-за

папы, то ли из-за Сав, то ли из-за Дины, а может быть, из-за Стива. Мне так и не удалось понять.

Хихиканье Брук доносится как будто издалека. Я смотрю на Эллу, но не вижу ее. Мне нужно сказать хоть что-то, но я молчу, охваченный паникой, лихорадочными размышлениями.

День святого Патрика... Я, запинаясь, поднялся наверх, провалился в сон, а проснулся оттого, что чей-то горячий влажный рот сосал мой член. Это точно была не Эбби – на тот момент я уже расстался с ней, и к тому же она никогда не стала бы прокрадываться ко мне в спальню. Однако зачем отказываться от халявного минета?

Элла открывает рот и что-то говорит. Но я не слышу ни слова. Меня закрутило в вихре из чувства вины и ненависти к самому себе, и я никак не могу вырваться оттуда. Поэтому просто смотрю на нее, на мою девушку, самую красивую девушку в мире. Я не могу оторвать глаз от золотых волос, огромных голубых глаз, которые умоляют меня объясниться.

«Скажи хоть что-нибудь», – мысленно приказываю я себе.

Но губы не двигаются. Ощувив холодное прикосновение к своей шее, я вздрагиваю.

Скажи что-нибудь, черт возьми! Не позволяй ей уйти...

Слишком поздно. Элла вылетает из комнаты.

Громкий хлопок двери выводит меня из ступора. Но не полностью. Я до сих пор не могу пошевелиться. Даже дышать удается с трудом.

День святого Патрика... Это было больше шести месяцев назад... Я не слишком понимаю в сроках беременности, но Брук явно лжет. Этого не может быть.

Не... может... быть.

Не может быть, чтобы ребенок был моим.

Я соскакиваю с кровати, не обращая внимания на то, как сильно трясутся руки, и бросаюсь к двери.

– Серьезно? – раздается довольный голос Брук. – Побежишь за ней? И как ты объяснишь ей все это, сладкий?

Охваченный яростью, я резко разворачиваюсь к ней.

– Клянусь богом, женщина, если ты не уберешься из моей комнаты ко всем чертям, я сам вышвырну тебя отсюда.

Папа всегда говорил, что мужчина, поднявший руку на женщину, опускается ниже некуда. И я никогда не ударил ни одну женщину. У меня и желания такого не возникало до тех пор, пока я не познакомился с Брук Дэвидсон.

Она не обращает никакого внимания на мою угрозу и продолжает дразнить, высказывая вслух все мои страхи.

- Что ты ей наврешь? Что ни разу и пальцем меня не тронул? Что никогда не хотел меня? Интересно, как поступит твоя девушка, когда узнает, что ты трахал подружку своего папочки? Думаешь, после этого ты будешь ей нужен?

Я смотрю в пустой дверной проем. Из комнаты Эллы раздаются приглушенные звуки. Мне хочется пулей промчаться через коридор к ней, но я не могу. Потому что Брук все еще здесь, в этом доме. Что если она выбежит отсюда голышом и объявит, что беременна от меня? Как я объясню это Элле? Как заставлю ее поверить мне? Сначала нужно избавиться от Брук и только потом идти к Элле.

- *Выметайся*, - я выплескиваю на Брук все свое раздражение.

- А ты не хочешь узнать пол ребеночка?

- Нет. Не хочу.

Я всматриваюсь в ее стройное обнаженное тело и вижу, что живот чуть-чуть выдается. К горлу подступает тошнота. Брук никогда бы не позволила себе поправиться даже на миллиграмм, внешность - единственное ее оружие. Значит, стерва не соврала, она действительно беременна.

Но ребенок не от меня.

Возможно, отца, но, черт, точно *не* мой.

Я рывком распахиваю дверь и выбегаю из комнаты.

- Элла!

Не знаю, что буду говорить ей, но это все же лучше, чем молчать. Я до сих проклиная себя, что сидел как парализованный. Боже, какой я кретин!

Я останавливаюсь у двери в спальню Эллы. Там никого. И вдруг слышу низкое урчание заведенного мотора спорткара. Охваченный паникой, я несусь вниз по лестнице, а за моей спиной раздается гоготанье Брук, похожее на хохот хэллоуинской ведьмы.

Я бросаюсь к парадной двери, забыв, что она закрыта, а когда мне удается ее открыть, Эллы уже и след простыл. Она, наверное, неслась отсюда на всех парах. Вот дерьмо!

Каменный пол под ногами заставляет вспомнить, что на мне лишь джинсы. Развернувшись, я возвращаюсь в дом и поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, но мне приходится резко затормозить, потому что передо мной вдруг появляется Брук.

- У тебя ничего не выйдет, это не мой ребенок, - рычу я. Если бы это было не так, Брук уже давно разыграла бы свой козырь, а не ждала сегодняшнего дня. - Сомневаюсь, что он и отца, иначе ты бы не оголялась передо мной как дешевая шлюха.

- Я решаю, чей он, а не ты, - холодным тоном отвечает она.

- И где доказательства?

- Мне не нужны доказательства. Мое слово против твоего, а когда будут готовы тесты на подтверждение отцовства, на моем пальчике уже будет красоваться кольцо.

- Удачи тебе.

Она хватается за руку, когда я пытаюсь обойти ее.

- Мне не нужна удача. У меня есть ты.

- Нет. И я никогда не был твоим, - я стряхиваю с себя ее руку. - Я уйду искать Эллу. Оставайся здесь столько, сколько хочешь, Брук. Мне надоело играть в твои игры.

Ее ледяной голос останавливает меня у двери моей комнаты.

- Если ты заставишь Каллума сделать мне предложение, я скажу, что ребенок его. Не поможешь мне и все поверят, что ребенок твой.

Я приостанавливаюсь в дверях.

- Анализ ДНК покажут, что он не мой.

- Может, и так, - щебечет Брук, - но они покажут, что он от кого-то из Ройалов. Такие анализы не всегда различают родственников, особенно отцов с сыновьями. Достаточно, чтобы посеять сомнения в головке Эллы. И я спрашиваю тебя, Рид: ты хочешь, чтобы я рассказала всему миру, рассказала *Элле*, что ты станешь папочкой? Потому что я так и сделаю. Но если ты согласишься на мои условия, то никто ничего не узнает.

Я медлю с ответом.

- Ну что, мы договорились?

Я стискиваю зубы.

- Если я сделаю это, если... - я стараюсь подобрать правильные слова, - если уломаю отца жениться на тебе, ты оставишь Эллу в покое?

- Что ты имеешь в виду?

Я медленно поворачиваюсь к Брук.

- Я имею в виду, что дерьмо, которое лезет из тебя, стерва, никак не коснется Эллы. Ты не будешь говорить с ней, не станешь объяснять ей этого, - я показываю рукой на ее тело уже в одежде. - Ты можешь улыбаться ей, здороваться, но никаких душевных разговоров.

Я не доверяю этой женщине, но если можно заключить с ней сделку ради Эллы - да и ради себя самого, - я это сделаю. Мой отец сам себе вырыл яму. Пусть теперь сам и выбирается из грязи.

– Хорошо. Ты договоришься с отцом – и вы с Эллой сможете жить долго и счастливо. – Брук смеется, нагибаясь за своими туфлями. – *Если, конечно, ты вернешь ее.*

Глава 2

Спустя два часа я начинаю нервничать. Перевалило за полночь, а Элла до сих пор не вернулась.

Может, она наконец приедет домой и наорет на меня? Пусть скажет мне, что я козел, который не стоит ее времени. Пусть мечет громы и молнии, пусть кричит на меня, пнет, ударит.

Черт, она просто нужна мне.

Я проверяю телефон. После ее ухода прошло несколько часов. Я набираю ее номер, но в ответ только гудки и гудки.

Звоню еще раз, и мой звонок переадресован на голосовую почту.

Тогда я пишу сообщение.

Где ты?

Не отвечает.

Папа волнуется.

Я отправляю ей эту ложь в надежде получить ответ, но телефон по-прежнему молчит. Может, она заблокировала мой номер? От такой мысли колет в груди, но это вполне разумная идея, и я бросаюсь в дом, в комнату брата. Элла не может заблокировать нас всех.

Истон еще спит, но его мобильник лежит на тумбочке и заряжается. Я хватаю его и быстро печатаю новое сообщение. Истон нравится Элле. Она выплатила его долг. Наверняка ему-то ответит.

Привет. Рид сказал, кое-что случилось. Ты в порядке?

Опять ничего.

Может, она припарковалась дальше по дороге и пошла пешком к берегу? Я кладу в карман телефон брата на случай, если Элла все-таки решит связаться с ним, и бегом спускаюсь по лестнице на террасу.

Берег пуст, и я бегу трусцой к поместью Уортингтонов, которое находится через четыре дома от нашего. Но и там ее нет.

Я оглядываюсь вокруг, смотрю на скалистый берег, на океан, но не вижу ничего. Никого. На песке ни одного следа. Эллы нет и здесь.

Чувство бессилия уступает место панике, я несусь обратно к дому и прыгаю в свою машину. Запустив двигатель, стучу кулаком по приборной доске. *Думай. Думай. Думай!*

Вэлери. Должно быть, она у Вэлери.

Не проходит и десяти минут, как я останавливаюсь у дома Вэл, но синего спортивного кабриолета Эллы нигде не видно. Не заглушив двигатель, я вылезая из машины и бегу к подъездной дорожке. Там тоже пусто.

Снова проверяю телефон. Ни одного сообщения. Как и на телефоне Истона. Судя по времени на экране, через двадцать минут у меня начнется тренировка, а значит, Элле уже нужно быть в пекарне, где она работает. Обычно мы ездили вместе. Даже после того, как она получила машину – подарок моего отца, – мы все равно ездили вместе.

Элла говорила, что ей не нравится водить. Я говорил ей, что по утрам ездить опасно. Мы врали друг другу. Мы обманывали самих себя, потому что не хотели признать правду: наше взаимное притяжение не победить. За себя я могу точно сказать. С той секунды, как она вошла в наш дом, с этими огромными глазами, в которых горели настороженность и надежда, я все время хотел быть рядом с ней.

Все внутри меня кричало, что из-за нее будут одни проблемы. Но мои инстинкты ошибались. Из-за нее никогда не было никаких проблем, все проблемы всегда были из-за меня. И это продолжается до сих пор.

Рид Разрушитель.

Это было бы крутое прозвище, но только если бы я не рушил свою и ее жизни.

Когда я подъезжаю к пекарне, на парковке пусто. После пяти минут непрерывного стука в дверь мне открывает владелица – по-моему, ее зовут Люси – и хмуро смотрит на меня.

– Мы откроемся только через час, – сообщает она мне.

– Я – Рид Ройал, Эллин... – Кто я? Ее парень? Сводный брат? Кто я ей? – друг.

Черт, меня даже им назвать нельзя.

– Она здесь? У нас возникли кое-какие семейные обстоятельства.

– Нет, она и не приезжала, – на лице Люси появляется встревоженное выражение. – Я звонила ей, но она не ответила. Элла – отличный работник, так что я подумала, она заболела и не смогла позвонить.

У меня сердце опускается. Элла никогда не пропускала работу в пекарне, хотя ей приходилось вставать спозаранку и работать три часа до начала занятий.

– Ну ладно, должно быть, она дома, в кровати, – отступая назад, бормочу я.

– Погодите минутку, – окликает меня Люси. – Что происходит? А ваш отец знает, что Элла пропала?

– Она не пропала, мэм! – кричу я в ответ, уже почти рядом с машиной. – Она дома. Как вы и сказали, заболела. Лежит в постели.

Я выезжаю с парковки и набираю номер тренера.

- Я не приеду на тренировку. Возникли кое-какие семейные обстоятельства, - повторяю я.

Мне приходится убрать телефон от уха, чтобы не слушать вопли тренера Льюиса. Через пару минут он успокаивается.

- Ладно, сынок. Но чтобы завтра утром ты стоял передо мной в форме и в полной боевой готовности.

- Да, сэр.

Вернувшись домой, я сталкиваюсь с нашей экономкой Сандрой, которая только что приехала, чтобы приготовить завтрак.

- Ты видела Эллу? - спрашиваю я полную брюнетку.

- Не видела. - Сандра смотрит на часы. - В это время она обычно уже уходит. Как и ты, если на то пошло. Что случилось? У тебя не будет тренировки?

- Тренер отменил по семейным обстоятельствам, - вру я.

В обмане мне нет равных. Это становится чуть ли не второй натурой, когда тебе ежечасно и ежедневно приходится скрывать правду.

Сандра цокает языком.

- Надеюсь, ничего серьезного?

- Я тоже. Я тоже.

Поднявшись наверх, вхожу в комнату, которую должен был проверить первым делом, прежде чем ехать куда-то. Может, она пробралась сюда, пока я пытался отыскать ее. Но в спальне Эллы стоит мертвая тишина. Кровать по-прежнему заправлена. На столе - идеальный порядок.

Я проверяю ванную, но там тоже все как было. С гардеробом та же история. Вся одежда развешана на одинаковых деревянных вешалках. Туфли выстроены аккуратным рядком на полу. Некоторые коробки и пакеты с вещами, которые, скорее всего, привезла для нее Брук, никто и не распаковывал.

Подавив в себе чувство вины за то, что копаюсь в ее личных вещах, я проверяю прикроватную тумбочку. Пусто. Я однажды рылся в этой комнате - в те времена, когда еще не доверял ей, - и в тумбочке все время лежали книжка со стихами и мужские часы. Часы были точной копией тех, что носит мой отец. Те, что были у нее, принадлежали папиному лучшему другу Стиву, биологическому отцу Эллы.

Я останавливаюсь в середине комнаты и оглядываюсь. Ничто не указывает на то, что она здесь. Ее телефона нет. Ее книги нет. Ее... черт, только не это! Ее рюкзака тоже нет.

Из комнаты Эллы я несусь напрямиком к Истону.

- Ист, просыпайся. Ист! - грубым голосом бужу я брата.

- Что? - он стонет. - Пора вставать?

Открыв глаза, Истон щурится.

- Ох, черт! Опаздываю на тренировку. А почему ты еще не там?

Он соскакивает с кровати, но я успеваю схватить его за руку.

- Мы не идем на тренировку. Тренера я предупредил.

- Что? Почему...

- Забудь уже об этом. Сколько ты был должен?

- Я что?

- Сколько ты задолжал букмекеру?

Истон моргает.

- Восемь штук. А что?

Я быстро подсчитываю в уме.

- Значит, у Эллы осталось около двух тысяч, верно?

- У Эллы? - брат хмурится. - А что с ней?

- Я думаю, она сбежала.

- Сбежала куда?

- Вообще сбежала, - рычу я, вскакиваю с кровати и подхожу к окну. - Папа платил ей, чтобы она оставалась здесь. Десять штук. Ты только подумай, Ист! Ему пришлось заплатить сироте, которая танцевала стриптиз, дабы сводить концы с концами, десять тысяч долларов, чтобы заставить ее переехать жить к нам. И, наверное, он платил ей столько каждый месяц.

- Почему она ушла? - еще не отойдя ото сна, растерянно спрашивает Истон.

Я продолжаю смотреть в окно. Когда он более-менее придет в себя, то сразу прикинет, что к чему.

- Что ты сделал?

Ну вот, как я и говорил.

Половицы скрипят, когда Истон начинает метаться по комнате. До меня доносятся его приглушенные ругательства, пока он одевается.

– Неважно, – нетерпеливо отвечаю я и, развернувшись, перечисляю ему места, где успел побывать. – Как думаешь, где она?

– У нее достаточно денег, чтобы купить билет на самолет.

– Но Элла очень осторожна с деньгами. По-моему, она даже нисколько не потратила, пока была здесь.

Истон задумчиво кивает. И тут наши взгляды встречаются, и мы, как наши братья-близнецы Сойер и Себастиан, говорим в унисон:

– GPS.

Мы звоним в службу навигационной системы, которая принадлежит «Атлантик Авиэйшн» и которую папа устанавливает на каждую купленную им машину. Консультант сообщает нам, что новенькая «ауди» стоит на стоянке у автовокзала.

Она не успевает назвать нам адрес, как мы уже вылетаем за дверь.

* * *

– Ей семнадцать, вот такого роста, – я поднимаю ладонь под подбородок, описывая Эллу кассирше. – Блондинка с голубыми глазами.

Глазами как Атлантический океан. Глубокими, грозowymi серыми, ледяными голубыми. Я не раз терял себя в этих глазах.

– Она забыла телефон, – я поднимаю свой мобильник. – Нам нужно отдать его ей.

Кассирша цокает языком.

– Ох, еще бы, она так торопилась! Купила билет до Гейнсвилля. У нее бабушка умерла.

Мы с Истоном киваем.

– Когда уехал автобус?

– Несколько часов назад. Сейчас она уже должна быть там, – кассирша огорченно качает головой. – Она сильно плакала, словно ей сердце разбили. В наше время почти и не увидишь, чтобы подростки так переживали о старших. Так мило. Мне было очень жаль ее.

Истон, стоящий у меня за спиной, сжимает руки в кулаки. Злость исходит от него волнами. Если бы мы были сейчас наедине, один из этих кулаков прилетел бы мне в лицо.

– Спасибо, мэм.

– Не за что, дорогой, – она кивает нам на прощание.

Мы выходим из здания и останавливаемся у машины Эллы. Я протягиваю руку, и Истон, разъяренный, опускает на мою ладонь запасной комплект ключей.

Оказавшись в салоне, я нахожу в центральной консоли ее связку ключей и книгу со стихами, в которую, похоже, вложены документы на машину. Свой телефон она оставила в бардачке, и на экране по-прежнему отображаются все мои непрочитанные сообщения.

Она все оставила. Все, что было связано с Ройалами.

- Нам нужно ехать в Гейнсвилл, - решительно объявляет Истон.

- Я знаю.

- Отцу скажем?

Если мы расскажем обо всем Каллуму, существует большая вероятность, что он разрешит нам воспользоваться самолетом. А значит, мы будем на месте в течение часа, а не через шесть с половиной, если отправимся на машине.

- Не знаю.

Стремление как можно скорее отыскать Эллу немного спало. Теперь мне известно, где она. Я могу приехать к ней. Мне лишь нужно разобраться, как именно лучше это сделать.

- Что ты сделал? - снова спрашивает меня брат.

Я еще не готов к той ненависти, которую он обрушит на меня, как только узнает правду, поэтому молчу.

- Рид.

- Она застала меня с Брук, - хриплым голосом отвечаю я.

У него отвисает челюсть.

- Брук? Папиной Брук?

- Да.

Я заставляю себя посмотреть на него.

- Какого черта? И сколько раз у вас было с Брук?

- Пару раз, - честно признаюсь я. - Но не слишком часто. И уж точно ничего не было прошлой ночью. Ист, я даже не прикасался к ней.

Брат сжимает челюсти. Ему нестерпимо хочется врезать мне, но он не станет. Только не на людях. Он тоже помнит мамины слова. «Не запятняйте фамилию Ройалов, мальчики. Разрушить все куда проще, чем построить».

- Тебя надо повесить за яйца и оставить умирать. - Он плюет мне под ноги. - Если ты не найдешь Эллу и не вернешь ее домой, я буду первым в очереди, чтобы сделать это с тобой, братишка.

- Справедливо.

Я стараюсь сохранять спокойствие. Нет смысла расстраиваться. Нет смысла переворачивать машину. Нет смысла кричать, хотя меня подмывает открыть рот и выплеснуть в воздух весь свой гнев и ненависть к самому себе.

- Справедливо? - брат фыркает от отвращения. - Значит, тебе плевать, что Элла в каком-то университетском городке, где ее будут лапать всякие пьяницы?

- Она умеет выживать. Уверен, с ней все в порядке.

Слова звучат очень нелепо. Элла - настоящая красавица, и сейчас она одна. Кто знает, что с ней может случиться?

- Хочешь отогнать ее машину домой, прежде чем мы отправимся в Гейнсвилл?

Истон смотрит на меня, широко открыв глаза.

- Ну? - нетерпеливо спрашиваю я.

- Давай, почему бы и нет? - он выхватывает ключи из моей руки. - Ведь кому какое дело, что она горячая штучка, ей всего семнадцать, а с собой у нее почти две тысячи баксов наличными?

Мои ладони сжимаются в кулаки.

- Наверняка ей не встретится какой-нибудь урод, накачанный метом, который посмотрит на нее и подумает: «Какая легкая добыча. Эта телочка всего-то метр с половиной и весит меньше, чем моя нога, она точно не сможет надрать мне задницу...»

Мне становится тяжело дышать.

- И я уверен, что у каждого парня, с которым она столкнется, будут самые добрые намерения. Никто не потащит ее в темную аллею и не пустит по кругу до тех пор, пока она...

- Заткнись, мать твою! - рычу я.

- Наконец-то, - Истон поднимает руки вверх.

- В смысле?

Я чуть не задыхаюсь от ярости. Из-за картин, которые так образно нарисовал Истон, мне хочется превратиться в Халка и бегом побежать в Гейнсвилл, уничтожая все на своем пути, пока не найду ее.

- Ты вел себя так, будто она ничего для тебя не значит. Может, у тебя камень вместо сердца, но мне Элла нравится. Она... она хорошо влияла на нас.

Его горечь почти физически ощутима.

- Я знаю. - Слова будто вытягивают из меня клещами. - Я знаю, черт побери.

Мое горло сжимается так сильно, что трудно говорить.

- Но... *мы* плохо на нее влияли.

Гидеон, наш старший брат, пытался сказать мне это еще в самом начале. «Держись от нее подальше. Ей не нужны наши проблемы. Не исковеркай ей жизнь, как я...»

- И что это должно означать?

- То, что слышал. Мы – как яд, Истон. Каждый из нас. Я переспал с папиной подружкой, чтобы отомстить ему за то, как он обращался с мамой. Близнецы занимаются каким-то дерьмом, о котором я даже знать не хочу. Твоя страсть к азартным играм стала неуправляемой. Гидеон... – я умолкаю. Сейчас Гид живет в своем собственном аду, и Истону лучше ничего об этом не знать. – Мужик, у нас мозги повернуты не в ту сторону. Может, ей будет лучше без нас.

- Неправда.

А, по-моему, правда. От нас одни неприятности. Элла всегда хотела жить нормальной, обычной жизнью. Но в доме Ройалов такое невозможно.

Если бы я не был конченным эгоистом, то развернулся бы и ушел. Убедил бы Иста, что для Эллы было бы лучше всего держаться от нас подальше.

Но я стою на месте и молча обдумываю, что скажу ей, когда мы найдем ее.

- У меня есть идея, – развернувшись, я иду к выходу.

- Я думал, мы собирались ехать в Гейнсвилл, – раздается за моей спиной голос Истона.

- Это сэкономит нам время.

Мы заходим в отдел службы безопасности автовокзала, я сую сотку охраннику, и он позволяет нам просмотреть видеозаписи с камер в Гейнсвилле. Мужик перематывает пленку на тот момент, когда подъезжает автобус из Бейвью, и я с замиранием сердца начинаю выискивать среди пассажиров Эллу. Но внутри у меня все опускается, потому что ее нигде нет.

- Что за черт! – восклицает Истон, когда мы десять минут спустя покидаем здание автовокзала. – Кассирша сказала, что Элла села в автобус.

Я так сильно сжимаю челюсти, что едва получается выдавить из себя хоть что-то.

- Может быть, она сошла на другой остановке?

Мы тащимся к джипу и залезаем внутрь.

- Что теперь? – спрашивает брат, глядя на меня с угрозой.

Я провожу рукой по волосам. Мы можем объехать все остановки на маршруте, но, по-моему, лишь потеряем время. Элла – умная девчонка, она привыкла убегать, в любой момент покидать город и начинать новую жизнь в другом месте. Она научилась этому от своей матери.

Я чувствую новый прилив тошноты от внезапной мысли: а если она опять найдет работу в стрип-клубе? Уверен, Элла готова на все, чтобы выжить, и от мысли о том, что она будет снимать с себя одежду перед кучкой грязных извращенцев, у меня вскипает кровь.

Мне необходимо отыскать ее. Если с ней что-то случится, я не смогу дальше жить.

- Мы едем домой, - объявляю я.

Мой брат, кажется, удивлен моим ответом.

- Зачем?

- У папы есть частный детектив. Он сможет найти ее куда быстрее, чем мы.

- Папа будет в ярости.

Что правда, то правда. И я постараюсь разобраться со всеми последствиями, но сейчас самое главное - найти Эллу.

Глава 3

Как и предсказывал Истон, когда мы рассказываем папе о том, что Элла пропала, он приходит в бешенство. Я не спал почти двадцать четыре часа и чувствую себя как выжатый лимон, у меня совсем нет сил, чтобы спорить с ним.

- Какого черта вы не позвонили мне раньше? - грохочет отец.

Он расхаживает взад-вперед по огромной гостиной нашего особняка, его ботинки стучат по натертому паркету.

- Мы решили, что найдем ее раньше, чем дело примет такой оборот, - отрывисто отвечаю я.

- Я - ее официальный опекун! Мне нужно было сообщить первым делом, - папина грудь тяжело вздымается. - Что ты сделал, Рид?

Его полный ярости взгляд пронзает меня насквозь. Не Истона, не близнецов, которые сидят на диване с одинаковым выражением беспокойства на лицах. Нет ничего удивительного в том, что папа решил, что во всем виноват я. Он знает, что мои братья все повторяют за мной, и я - единственный из семьи Ройал, из-за кого Элла могла сбежать.

Я сглатываю. Дерьмо. Мне не хочется, чтобы он узнал, чем мы с Эллой занимались прямо у него под носом. Пусть его мысли будут направлены на то, как найти ее, я не хочу отвлекать его новостью, что его сын закрутил роман с его подопечной.

- Рид не виноват.

Тихое признание Истона приводит меня в шок. Я перевожу взгляд на брата, но он смотрит на отца.

- Она уехала из-за меня. Недавно мы столкнулись с букмекером, которому я должен, и Элла испугалась. Этот тип - не самый дружелюбный парень, если ты понимаешь, о чем я.

Пульсирующая вена на лбу папы, кажется, вот-вот взорвется.

- Твоим букмекером? Ты снова ввязался в это?

- Извини, - Истон пожимает плечами.

- Всего лишь «извини»? Ты впутал Эллу в темные делишки и напугал ее так сильно, что она сбежала!

Папа начинает надвигаться на Истона, и я преграждаю ему путь.

- Ист совершил ошибку, - решительно начинаю я, избегая встречаться взглядом с братом. Я поблагодарю его за то, что он принял весь огонь на себя, но позже. Сейчас нам нужно успокоить нашего старика. - Но что сделано, то сделано, давай пока забудем об этом. Сейчас мы должны направить все силы на то, чтобы найти ее.

Папины плечи опускаются.

- Ты прав, - он кивает, и его лицо принимает жесткое выражение. - Я позвоню частному детективу.

Не сказав больше ни слова, он выходит из гостиной, его тяжелые шаги эхом отдаются в коридоре. Спустя несколько секунд до нас доносится хлопок двери его кабинета.

- Ист...

Он поворачивается с таким видом, как будто хочет меня убить.

- Я сделал это не ради тебя, а ради нее.

У меня сжимается горло.

- Знаю.

- Если папа узнает о... - он умолкает и бросает предостерегающий взгляд на близнецов, которые пока не проронили ни слова. - Это отвлечет его.

- Как думаете, папин детектив найдет Эллу? - спрашивает Соьер.

- Да, - отвечаю я с уверенностью, которой на самом деле не чувствую.

- Если она воспользуется документами своей мамы, мы точно сумеем ее отыскать, - уверяет нашего младшего брата Ист. - Но если она найдет способ достать себе липовые документы...

Он понуро опускает плечи.

- Тогда не знаю.

- Она не сможет скрываться вечно, - старается подбодрить нас Себ.

Еще как может. Я еще не встречал никого настолько изворотливого, как Элла. Если она захочет, чтобы ее никто не нашел, так и будет.

В моем кармане жужжит телефон. Я поспешно вытаскиваю его, но звонит не та, голос которой мне хочется услышать. К горлу поднимается тошнота, когда на экране вспыхивает имя Брук.

Птичка напела мне, что твоя принцесса пропала.

- Элла? - с надеждой спрашивает Истон.

- Брук. - Звук ее имени обжигает мне язык.

- Что ей нужно?

- Ничего, - бормочу я в ответ, но на экране появляется новое сообщение.

Каллум, наверное, вне себя. Бедняга. Ему нужен кто-то, кто сможет его утешить.

Я стискиваю зубы. Деликатность не ее конек, это точно.

В наших сумасшедших поисках Эллы я не позволял себе думать о беременности Брук и сделке, которую заключил с ней ночью. Но теперь я не могу игнорировать ее, тем более когда сообщения сыплются одно за другим.

Доведи дело до конца, Рид.

Ты обещал мне.

Ответь мне, мелкий гаденыш!

Хочешь, чтобы мамочка твоего малыша закатила скандал, да?

Господи! Сейчас скандал мне нужен меньше всего. Заглушив ярость, я заставляю себя ответить на сообщения.

Успокойся, дрянь. Я поговорю с ним.

- Что ей нужно? - со злостью переспрашивает Истон.

- Ничего, - снова отвечаю я и тащусь в кабинет отца, оставив Иста и близнецов в гостинной.

Я не хочу этого делать. Безумно не хочу.

Но стучусь.

- Что такое, Рид?

- Как ты узнал, что это я? - распахивая дверь, спрашиваю я.

- Потому что после того, как уехал Гидеон, теперь ты заправляешь вашей шайкой-лейкой.

Папа залпом осушает полный стакан скотча и тянется, чтобы снова наполнить его. Стоит ли удивляться, почему мне никак не удается оторвать Истона от бутылки?

Я делаю глубокий вдох.

- Мне кажется, тебе стоит позвонить Брук.

Папа отрывается от полупустого стакана.

Да, ты все верно услышал, старик. И поверь мне, я в шоке не меньшем, чем ты.

Когда он не отвечает, я заставляю себя надавить еще чуть-чуть.

- Когда мы вернем Эллу, нам может понадобится помощь. Нужен тот, кто выступит в роли буфера. - Меня тошнит от собственных слов. - Женский подход, типа того. Элла была близка со своей мамой. Может, если бы Брук чаще бывала у нас, Элла не убежала бы.

Папа хмуро смотрит на меня.

- Я думал, ты ненавидишь Брук.

- Сколько раз я должен сказать, что вел себя глупо? - я растягиваю губы в улыбке.

Но его не так просто убедить.

- Она хочет кольцо на палец, а я еще не готов к подобному раскладу.

Слава богу. Думаю, несмотря на количество поглощаемого им алкоголя, он еще не утратил здравого смысла.

- Тебе необязательно жениться на ней. Просто... - я облизываю губы. Как же все сложно! Но я заставляю себя, потому что сам впутался в переделку. Нельзя допустить, чтобы Брук всем рассказывала, что адское отродье, которое она носит внутри, - мой ребенок. - Просто будет круто, если ты позволишь ей вернуться. Я многое понимаю. Нам нужно заботиться о людях, которые заботятся о нас.

Хоть это правда. Любовь Эллы заставила меня поверить, что я могу быть лучше.

- Как великодушно с твоей стороны, - сухо отвечает отец. - Хотя, черт, может, ты и прав.

Он обхватывает пальцами стакан.

- Мы найдем ее, Рид.

- Надеюсь.

Папа натянуто улыбается мне, и я выхожу из комнаты. Закрывая дверь, слышу, как он берет трубку и говорит:

- Брук, это Каллум. У тебя есть минутка?

Я быстро отправляю ей сообщение.

Дело сделано. Не говори ему про ребенка. Это только отвлечет его.

Она отправляет мне в ответ смайлик с двумя поднятыми вверх пальцами. Тонкий металлический корпус телефона врезается мне в пальцы, когда я сжимаю его, борясь с желанием швырнуть мобильник в стену.

Глава 4

- Рид. - Вэлери Каррингтон догоняет меня на лужайке, морозный октябрьский ветер раздувает ее короткие волосы. - Подожди.

Я неохотно останавливаюсь и, развернувшись, встречаюсь с парой темных пылающих глаз. Вэл - размером с эльфа, но ее внутренней силе может позавидовать любой. Нам на поле не помешал бы кто-то такой же напористый, как она.

- Я опаздываю на тренировку.

- Мне все равно, - Вэл скрещивает руки на груди. - Тебе пора перестать играть со мной в игры. Если ты не скажешь, что с Эллой, клянусь богом, я позвоню в полицию.

С побега Эллы прошло целых два дня, но от частного детектива по-прежнему нет никаких новостей. Папа заставил нас ходить в школу, как будто все в порядке. Директору он сказал, что Элла заболела, и то же самое я говорю сейчас Вэл.

- Она дома, болеет.

- *Чушь собачья!*

- Но так и есть!

- Тогда почему мне нельзя с ней увидеться? Почему она не отвечает на мои звонки и сообщения? У нее ведь не какая-нибудь холера! Просто грипп - так говорят. А значит, ей можно встречаться с друзьями.

- Каллум посадил ее на карантин, - вру я.

- Я не верю тебе, - напрямую отвечает она. - По-моему, случилось что-то очень серьезное, и если ты, Рид Ройал, не скажешь мне, что именно, я врежу тебе по яйцам.

- Она дома и болеет, - повторяю я. - У нее грипп.

Вэл открывает рот. Закрывает. Потом снова открывает и издает полный злости вопль.

- Какой ты лгун!

И она исполняет свою угрозу, бросившись на меня и пнув коленом прямо в пах.

Меня пронизывает мучительная боль.

- *Мать твою, как больно!*

На глазах выступают слезы, и я хватаюсь за промежность.

Вэлери, не сказав ни слова, марширует прочь.

За моей спиной раздается громкое улюлюканье. Я сжимаю свое ноющее от боли хозяйство и постанываю, когда рядом со мной появляется Уэйд Карлайл.

- Чем ты это заслужил? - спрашивает он с ухмылкой. - Отшил ее?

- Типа того.

Он проводит рукой по своим взъерошенным светлым волосам.

- Сможешь подстраховывать меня или нам лучше сначала найти тебе лед?

- Я в состоянии подстраховать тебя, козел.

Мы идем в спортзал - вернее, я ковыляю, а Уэйд хихикает как девчонка. С трех до шести зал находится в распоряжении футбольной команды, а значит, следующие три часа я буду упражняться до полного изнеможения. Именно этим я и занимаюсь. Качаюсь, пока не начинают болеть руки и я не ощущаю себя донельзя выжатым и истощенным.

Вечером я захожу в комнату Эллы и ложусь на ее кровать. С каждым разом ее запах становится все слабее. И я знаю, что это моя вина. Прошлым вечером Ист просунул голову в дверь и сказал, что комната провоняла мной.

Вообще атмосфера в доме стала невыносимой. С тех пор, как пропала Элла, Брук бывает у нас каждый день, цепляется за папу, но смотрит на меня. Иногда ее рука застывает поверх живота, как немое предостережение мне: если вдруг я выкину что-нибудь, она тотчас расскажет о своей беременности. Должно быть, это ребенок отца, то есть мой брат или сестра, но я не знаю, как относиться к данному факту, как мне его переварить. Для меня важно лишь одно - Эллы нет, а вот Брук здесь. Идеальный пример того, насколько все сложно в моем мире.

* * *

Следующий день проходит в точности, как предыдущий.

Я плыву по течению: сижу на уроках, не слушая учителей, а затем иду на поле для послеобеденной тренировки. К сожалению, она посвящена критическим разборам наших игр, и я не смогу никого ударить.

Сегодня у нас домашний матч против школы Девлин-Хай, чья линия обороны рассыпается как дешевый конструктор. Я утрамбую в землю их квотербека. Я буду играть до потери чувств. А когда вернусь домой, надеюсь, у меня не останется сил, чтобы думать об Элле.

Однажды она спросила меня, неужели я дерусь из-за денег. Нет. Я дерусь, потому что это приносит мне наслаждение. Мне нравится, когда мой кулак врезается в чье-то лицо. И я приветствую боль, растущую изнутри, когда кто-то другой наносит удар мне. Вот настоящие эмоции. Острые ощущения, в которых я никогда не испытывал необходимости. Но лишь до

тех пор, пока в моей жизни не появилась она. Теперь мне трудно даже дышать, если Эллы нет рядом.

Я протягиваю руку, чтобы открыть двери черного входа в здание, когда оттуда высыпает компания парней. Один из них толкает меня плечом, а потом рявкает:

- Смотри, куда идешь, Ройал!

Я тут же напрягаюсь, скрестившись взглядами с Дэниелом Делакортом, мразью, который накачал Эллу наркотиками на одной из вечеринок в прошлом месяце.

- Рад снова видеть тебя, Делакорт, - растягивая слова, говорю я. - Удивительно, что твоя жадная до девчонок в отключке задница по-прежнему в Астор-Парке.

- Чему удивляться, - он презрительно усмехается. - Здесь же позволяют учиться всяким отбросам.

Не пойму, кого он имеет в виду: меня или Эллу.

Но, прежде чем мне удастся ответить, мимо нас пробегает девушка, закрывая лицо руками. Громкие, захлебывающиеся рыдания отвлекают нас с Дэниелом, и мы наблюдаем, как она подбегает к белому «пассату», стоящему на парковке для учеников, и залезает в машину.

Делакорт с усмешкой поворачивается ко мне.

- Разве это не подружка близнецов? Что случилось? Они устали от своей мочалки?

Я разворачиваюсь и опять смотрю на девушку, но это точно не Лорен Донован. Она светловолосая, высокая и стройная, Лорен же - рыжая и миниатюрная.

С презрительным видом я поворачиваюсь к Дэниелу.

- Не понимаю, о чем ты.

У близнецов и Лорен более чем странные отношения, но это их личное дело, и я не собираюсь снабжать Делакорта оружием против моих братьев.

- Ну, еще бы, - его губы кривятся в усмешке. - Вы, Ройалы, больные на голову. Близнецы делят одну девчонку на двоих. Истон трахает все, что движется. А ты и твой папаша суете свои концы в одну и ту же дырку. Вы со стариком обмениваетесь впечатлениями об Элле? Готов поспорить, что да.

Я сжимаю ладони в кулаки. Было бы здорово сейчас вырубить ублюдка, но его отец - окружной судья, и подозреваю, будет весьма непросто откупиться от обвинений в насилии, состряпанных Делакортами.

После моей последней драки в Асторе папа пригрозил, что в следующий раз отправит близнецов в военное училище. Тогда нам удалось все уладить, потому что остальные ребята поклялись, что тот подонок первым полез в драку. Я не помню, так ли было на самом деле. Все, что осталось в памяти, - это как он обозвал мою маму шлюхой и наркоманкой и сказал,

что она специально покончила с собой, чтобы больше никогда не видеть меня и моих братьев. И мои глаза застлала красная пелена.

- А еще я слышал, что твой папочка обрюхатил маленькую сиротку Эллу, - войдя во вкус, продолжает насмехаться Дэниел. - Каллум Ройал - педофил. Бьюсь об заклад, совет директоров «Атлантик Авиэйшн» будет рад об этом узнать.

- Заткни пасть! - предупреждаю я.

И бросаюсь к нему, но рядом вдруг появляется Уэйд и оттаскивает меня назад.

- И что ты собираешься сделать, ударить меня? - задирается Дэниел. - Мой папа судья или ты забыл? Тебя упекут в тюрьму, не успеешь и глазом моргнуть.

- А твой папочка знает, что когда ты подбираешься к телке, то сперва накачиваешь ее наркотой?

Уэйд отталкивает Дэниела.

- Шагай куда шел, Делакуорт. Ты здесь лишний.

Дэниел тупой как баран, и не слушает, что ему говорят.

- Думаешь, он не знает? Он откупался от девок и раньше. А твоя Элла будет молчать, потому что у нее во рту постоянно член кого-то из Ройалов.

Рука Уэйда перехватывает мой удар. Если бы это был только один Уэйд, мне бы удалось отделаться от него. Но появляются еще два парня из моей команды, хватают Дэниела и оттаскивают прочь, а он все никак не может заткнуться.

- Ты теряешь свою власть над школой, Ройал! Скоро ты не будешь королем.

Как будто мне есть какое-то дело до школы.

- Утихомирься, - предупреждает меня Уэйд. - Сегодня у нас игра.

Я выворачиваюсь из его хватки.

- Этот мерзавец пытался изнасиловать мою девушку.

Уэйд моргает.

- Твою девушку?.. погоди, ты хотел сказать, твою сестру? - У него отвисает челюсть. - Ох, мужик, ты закрутил со своей сестрой?

- Она мне не сестра, - рычу я. - Мы не состоим даже в дальнем родстве.

Я отталкиваю Уэйда и наблюдаю, как Дэниел садится в машину. Похоже, он не уяснил урок, который преподали ему Элла и несколько ее друзей, когда раздели его и связали, чтобы отомстить за то, что он проделал с ней.

Но в следующий раз, когда наши пути пересекутся, он так легко не уйдет.

* * *

Пока тренер обсуждает с Уэйдом, нашим квотербеком, последние изменения, я сосредоточенно наматываю пластырь сначала на одну руку, потом на другую. Мой ритуал перед матчем остается неизменным с тех пор, как я начал играть в американский футбол, и обычно эта рутина помогает сконцентрироваться, сфокусироваться только на том, что будет происходить на поле.

Одеться, наклеить пластырь, послушать музыку. Сегодня это *2 Chainz* и Канье Уэст, которые просят меня похоронить их рядом со шлюхами.

Но ритуал не срабатывает. Я могу думать только об Элле. Одинокой. Голодной. Напуганной. Окруженной похотливыми парнями в стриптиз-клубе или на улице. Сцены, которые описывал мне Истон на автовокзале, продолжают снова и снова всплывать в голове. Над Эллой надругались. Элла плачет. Элле нужна помощь, но никто не отзывается.

- Ты еще с нами, Ройал?

Резкий окрик приводит меня в себя, и я поднимаю глаза на раздраженное лицо тренера.

Истон, который стоит напротив меня, делает знак пальцем: пора заканчивать и выходить на поле.

- Да, сэр.

Через короткий тоннель, вслед за играющим в поло Гейлом Хардести и его лошадью, мы выбегаем на стадион. Удивительно, как за все время, что продолжается этот балаган, никто из нас не наступил в лошадиное дерьмо.

Я бью обмотанным пластырем кулаком в ладонь другой руки. Истон подбегает ко мне.

- Разгромим уродов!

- Еще как!

Сейчас между нами полное взаимопонимание. Мы не можем выплеснуть злость друг на друга, но сейчас будет матч, а потом – бои. Может, нам обоим удастся прийти в норму.

Девлин-Хай выигрывает в жеребьевке и выбирает возврат начального удара, получая право первого нападения. Мы с Истоном ударяем шлемами и бежим на защиту.

- Сколько вы заплатили судьям сегодня? – весело кричит тайт-энд, когда я встаю в линию игроков напротив него.

Болтливый придурок. Не помню, как его зовут. Бетми. Беттински. Беттмэн? Да и какая разница. Посмотрю на свитере, когда впечатаю его зад в поле на пути к их квотербеку.

Мяч в игре, мы с Истоном несемся к игрокам нападения за линию розыгрыша. Тайт-энд едва касается меня, и мы уже там, встречаем раннингбэка, который только что получил в руки мяч. Я опускаю голову и врезаюсь плечом ему в живот. Он выпускает мяч, и, судя по тому, как громко взревели зрители, кто-то из Астор-Парка сумел пробежать еще дальше.

Товарищ по команде хватает меня за щитки и поднимает на ноги, а Истон тем временем пересекает голевую линию.

Я опускаю глаза на раннингбэка и подаю ему руку.

- Чувак, осторожнее: мы с Истоном сегодня в паршивом настроении и собираемся оторваться на вас. Передай всем своим.

Парнишка тревожно смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

К нам проталкивается Беттмэн.

- Повезло тебе. Но в следующий раз на земле будет твоя задница.

Я оскаливаюсь.

- Давай, попробуй!

Может, если меня будут сбивать почаще, я смогу хотя бы на пять секунд перестать думать об Элле.

Уэйд хлопает меня по шлему.

- Отличный перехват, Ройал.

Он победно кричит, когда Ист выходит с поля.

- Собираешься оставить нападающих на поле, Истон?

- А что? У нас вся ночь впереди. К тому же, слышал, ты растянул себе пах с той чирлидершей из Норт-Хай.

Уэйд широко улыбается.

- Она гимнастка, а не чирлидерша. Но да, если ты хочешь забить еще, я только «за».

Глядя поверх его плеча, я вижу Лиама Хантера, который со злобой смотрит на нас. Ему хочется проводить в игре побольше времени. Он в выпускном классе, и ему нужно показать себя.

У меня нет никаких проблем с Хантером, но из-за того, как он сейчас смотрит на меня, мне хочется вмазать по его квадратной челюсти. Проклятье. Мне нужно подраться.

Я бью шлемом по руке. В то же время на поле Беттмэн продолжает тарыхтеть, его рот работает лучше, чем блокировки. После первой четверти я встаю прямо перед ним, но Истон оттаскивает меня.

- Оставь силы на потом, - предупреждает он.

К перерыву после половины матча за нами уже четыре тачдауна: еще один во время защиты и два во время нападения. Хантер записывает на свой счет парочку ярких моментов, которые пригодятся ему для колледжа, разметав несколько защитников. Теперь мы должны

быть в хорошем настроении.

Тренер даже не произносит перед нами никаких мотивирующих речей. Он прохаживается, похлопывает игроков по голове, а затем скрывается в своем кабинете, чтобы подумать о перестановках в составе, покурить или подрочить.

Пока остальные парни болтают про вечеринку после матча и телок, я достаю телефон и отправляю сообщение.

Бои будут?

Посмотрев на Истона, я беззвучно произношу: «Ты идешь?».

Он выразительно кивает. Перебрасывая телефон из руки в руку, я жду ответа.

Бой в 11. Док 10. Ист будет?

Будет.

Тренер выходит из кабинета и показывает, что перерыв окончен. Когда защита снова набирает очки, нам говорят, что это будет последний даун для состава, который начал игру. А значит, мне придется просидеть на скамейке до конца третьей четверти и всю четвертую. Отстой.

Когда я встаю на линию напротив Беттмэна, от моего самообладания не осталось почти ничего. Я упираюсь рукой в искусственное покрытие поля и разминаю ноги.

- Слышал, у твоей новой сестрички такая большая дыра, что туда влезают два Ройала.

И я срываюсь. Глаза застилает красная пелена, и я оказываюсь верхом на ублюдке еще до того, как он успевает оторвать руки от искусственного газона. Я срываю с него шлем и бью правым кулаком. Хрящ и кость его носа ломаются. Беттмэн кричит. Я снова бью. Но несколько пар рук оттаскивают меня от него прежде, чем мне удастся нанести очередной удар.

Судья свистит в свисток прямо у меня перед лицом и показывает большим пальцем за свое плечо.

- Ты удален! - орет он, покраснев сильнее, чем вареный рак.

С боковой линии мне кричит тренер.

- Где твоя голова, Ройал? Где твоя гребаная башка?!

Моя голова у меня на плечах. Никому не позволено так говорить про Эллу.

Вернувшись в раздевалку, я снимаю форму и сажусь на полотенце перед своим шкафчиком. До меня доходит, какую ошибку я совершил. Меня больше ничего не отвлекает, и все, что мне остается, - снова думать об Элле.

Я стараюсь отогнать от себя мысли о ней, прислушиваясь к приглушенным свистам и реву трибун, доносящимся с поля, но воспоминания вспыхивают перед глазами, как трейлер

фильма.

То, как она приехала в наш дом, такая сексуальная, что глаз не оторвать.

То, как она заявила на вечеринку у Джордан, разодетая, как на прием к королеве, и мне так хотелось сорвать с нее одежду и наклонить над балюстрадой.

То, как она танцевала. Черт, как же она танцевала!

Я вскакиваю на ноги и иду в душевую. Злой, охваченный вожделением, я выворачиваю барашек на кране с холодной водой и встаю под ледяные струи.

Но это не помогает.

Желание не ослабевает. Черт, есть ли смысл сопротивляться ему?

Я беру свой член в руку и закрываю глаза, представляя, что нахожусь в доме Джордан Каррингтон и наблюдаю за движениями Эллы. Какое у нее соблазнительное тело: длинные ноги, тонкая талия и идеальная грудь. Дребезжащая музыка из телевизора превращается в чувственную мелодию, которая отзывается в покачивании ее бедер и изящных движениях рук.

Я еще сильнее сжимаю в руке свой член. Картинка меняется, и вместо дома Каррингтонов мы оказываемся в ее комнате. Я помню ее вкус. Какая она сладкая. Как ее рот открылся идеальной, соблазнительной буквой «О», когда она кончила первый раз.

И я не выдерживаю. Внизу спину покалывает от напряжения, и я представляю ее под собой, выгоревшие на солнце волосы разметались на моей коже, глаза смотрят на меня с ненасытным желанием.

Когда тело расслабляется, ненависть к самому себе возвращается с новой силой. Я тарашусь на свою руку, сжимающую член. Если можно пасть еще ниже, то я уже на полпути туда.

Оргазм оставляет после себя лишь опустошение. Я включаю горячую воду, моюсь, но не чувствую себя чистым.

Надеюсь, что тот, с кем мне предстоит сегодня драться, будет огромным заносчивым засранцем и заставит меня купаться в боли – то, что должна была бы сделать Элла, но не сделала, потому что ее здесь нет.

Глава 5

Мы с Истоном пропускаем вечеринку после игры и мчимся домой, чтобы убить час перед боем. Когда я съезжу кому-нибудь по морде в доках, самоконтроль частично вернется ко мне и в голове немного прояснится.

– Мне нужно позвонить Клэр, – бурчит Истон, когда мы входим в дом. – Хочу узнать, сможет ли она приехать позже.

- Клэр? - я морщу лоб. - Не знал, что ты еще трахаешь ее.

- А я не знал, что ты трахал Брук. Поэтому мы с тобой квиты.

Он поднимает телефон к уху и оставляет меня в одиночестве.

Мне обидно. Ист почти не общается со мной с тех пор, как Элла уехала.

Поднявшись на второй этаж, я вижу, что дверь в мою комнату слегка приоткрыта, и на меня наступает тошнотворное ощущение дежавю. Как будто меня вдруг вернули в тот вечер понедельника, когда я обнаружил в своей кровати Брук.

Клянусь богом, если сука снова начнет играть со мной в свои игры, я за себя не ручаюсь.

Но я вижу Гидеона. Развалившись на моей кровати, он водит пальцем по экрану телефона. Когда я вхожу, меня встречает его затуманенный взгляд.

- Не знал, что ты приедешь на выходные, - беспечным тоном говорю я.

Во вторник я отправил ему сообщение, дав знать, что Элла пропала, но всю неделю, когда он звонил мне, я скидывал звонок. У меня не было настроения выслушивать, как Гид играет на моей совести.

- Но был бы рад, если бы я не приехал, да?

- Не понимаю, о чем ты.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, я снимаю с себя футболку и надеваю майку.

- Чушь собачья! Ты избегаешь разговора с тех пор, как Элла уехала из города. - Гидеон встает с кровати и подходит ко мне. - Но больше тебе не сбежать, братишка.

- Слушай, нечего делать из мухи слона, ладно? Мы с Эллой... были вместе. Ну и что с того?

- Если в этом нет ничего такого, тогда почему ты скрывал это от меня? Почему мне пришлось узнавать обо всем от Иста? И о чем, черт побери, ты думал, когда закрутил с ней? Хватит впутывать всех в наши заморочки...

- Твои заморочки, - обрываю я его, но уже жалею о сказанном, потому что Гид вздрагивает, как от удара.

- Ты прав, - бормочет он. - Мои заморочки. Наверное, было глупо считать, что мой брат поддержит меня.

- Я поддерживаю тебя. И ты это знаешь. Но Элла тут совершенно ни при чем. - От ощущения беспомощности сжимается горло. - Наши отношения...

Гидеон перебивает меня хриплым смешком.

- Ваши отношения? А ты - счастливчик. Должно быть, это мило. Когда-то у меня тоже такое было.

Я проглатываю резкий ответ. Понимаю, он сейчас в отчаянии, но в том нет ни капли моей вины. Он сделал все сам.

- А знаешь, что у меня есть сейчас? Абсолютно ничего. - Гидеон меряет шагами комнату и, кажется, готов вырвать все свои волосы.

- Мне жаль. - Совершенно неуместный ответ, но больше ничего не приходит на ум.

- Правильно. И держись подальше от Эллы. Она - хорошая девушка, а ты только навредишь ей.

Правдивость его слов прожигает сильнее, чем его осуждающий взгляд. Горло стискивает чувство вины.

- Может, и так, - охрипшим голосом отвечаю я, - но я не могу отпустить ее.

- Не можешь? Вернее, не хочешь. - Лицо Гидеона становится красным. - Забудь Эллу.

Это невозможно.

- Какой ты эгоистичный ублюдок, - шипит мой брат, когда видит в моих глазах отказ.

- Гид...

- У меня тоже была своя Элла. У меня была девушка, с которой я хотел прожить всю жизнь, но я разбил ей сердце. Сейчас она обижена на весь мир и не может мыслить здраво. Ты хочешь, чтобы то же самое произошло и с Эллой? Хочешь стать таким же, как наш отец? Довести человека до самоубийства, потому что она будет вне себя от страданий?

- Хм.

Мы оба разворачиваемся и видим в дверном проеме Истона. Настороженный взгляд его голубых глаз перемещается с меня на Гида.

- Даже не буду спрашивать, не помешал ли вам я, - говорит он. - Потому что это очевидно. Но извиняться тоже не буду.

Гидеон стискивает челюсти.

- Дай нам минуту, Ист. Это тебя не касается.

Щеки нашего младшего брата вспыхивают. Он входит в комнату и закрывает дверь.

- Ни за что. Вам меня больше не выгнать. - Ист тычет пальцем в грудь Гидеона. - Мне до смерти надоели ваши секреты и перешептывания. Дай мне угадать, Гид. Ты знал, что Рид трахал Брук.

Гид пожимает плечами.

Ожесточенный взгляд Иста останавливается на мне.

- Что, я не так много значу, чтобы быть в теме?

От досады я стискиваю зубы.

- Это была просто глупая ошибка, ясно? И с каких пор тебя стали интересовать телки, с которыми я трахаюсь? Хочешь заменить мой член, да?

За это мне прилетает кулаком в солнечное сплетение.

Я, спотыкаясь, делаю несколько шагов назад и ударяюсь плечом об угол комода. Но сдачи не даю. У Иста чуть ли не пена выступает на губах от бешенства. Я еще ни разу не видел его таким злым. Последний раз он бил меня, когда мы были детьми. Спорили из-за видеоигры, наверное.

- Может, мне стоит позвонить Брук? - продолжает кипятиться Истон. - Как думаете? Ведь, похоже, секс с папиной подружкой - это что-то типа условия для получения VIP-пропуска в ваш круг особо приближенных. Если я спущу перед ней штаны, то у вас не будет другого варианта, кроме как держать меня в курсе всего происходящего, верно?

В ответ Гид только молчит.

Я тоже ничего не говорю. Какой смысл, когда Ист в таком расположении духа.

Проводя обеими руками по волосам, он рычит от досады.

- А знаете что? Да пошли вы оба! Катитесь к чертям вместе со своими секретами! Только потом не ползите ко мне, когда вам нужно будет прикрыть спину.

Он вылетает из комнаты и хлопает дверью так, что дрожат стены. Мы продолжаем стоять в оглушающей тишине. У Гида изнеможенный вид. Я тоже как выжатый лимон. Мне нужно подраться. Нужно выплеснуть агрессию, чтобы не обидеть никого, кто находится под этой крышей.

Глава 6

На следующее утро я еле-еле поднимаю себя с кровати, все тело протестует против даже самых простых движений. Честно говоря, вчера вечером я был не в лучшей форме. Да, меня вела слепая ярость, но вот стойкости было недостаточно. Я получил несколько ударов, от которых сейчас морщусь.

Синяк на ребрах слева стал фиолетово-зеленым. Я роюсь в вещах, чтобы достать футболку посвободнее и скрыть место ушиба, а потом надеваю спортивные штаны.

Спустившись на кухню, первым делом я вижу примостившуюся на коленях у отца Брук. Еще только половина десятого, но папина рука уже сжимает стакан скотча, который опять наполнен до краев. Наверное, если бы я был с Брук, то тоже бы пил двадцать четыре часа в сутки, но, черт, почему он не видит ее настоящую?

- Есть новости от детектива? - спрашиваю я у отца.

Он коротко качает головой.

- Пока ничего.

- Меня прямо наизнанку выворачивает, - стонет Брук. - Бедная девчужка, совсем одна.

Она касается папиной щеки.

- Дорогой, тебе следует серьезно поговорить с Истоном о его любви к азартным играм. Ты только представь, каким страшным, должно быть, был тот букмекер, раз так сильно напугал Эллу.

Брук поднимает глаза над папиной головой, встречается со мной взглядом и подмигивает.

Гребаный кошмар, вот что это такое. Я пытаюсь отвлечь себя завтраком. Сандра пришла рано, и в духовке нас ждет стопка гренок и стопка бекона. Я накладываю себе полную тарелку и встаю, прислонившись к столешнице, не желая садиться за стол, где милуются папа и его дьяволица.

Папа замечает это и пересаживает Брук на стоящий рядом стул.

- Садись, Рид. Мы ведь не животные.

Я бросаю на него злобный взгляд.

- Используешь мамины слова против меня? Как подло, - бормочу я и сразу жалею об этом, потому что папа обиженно поджимает губы.

Брук тоже не выглядит особо счастливой, но лишь потому, что ей нравится притворяться, будто Марии Ройал никогда не существовало.

- Гренки еще остались? - голос Себастиана заставляет Брук промолчать.

- Да, давай положу тебе, - предлагаю я. - Сойер спускается?

- Еще нет. Висит на телефоне.

На губах Себа танцует ухмылка. Думаю, Сойер пишет непристойные сообщения Лорен, подружке близнецов.

И мне вдруг вспоминаются подначивания Дэниела.

- Поосторожнее, ладно? - шепчу я Себу, протягивая ему тарелку.

Он хмурится.

- А тебе какое дело?

- По школе ходят слухи. Я не хочу, чтобы кто-нибудь прибежал к папе с этими сплетнями и вас отправили в интернат.

- А ты у нас такой хороший, что не впутываешься в неприятности? - язвительно усмехается Себ.

Я замечаю, что Брук с большим интересом следит за нами, поэтому поворачиваюсь к ней спиной и понижаю голос.

– Слушай, я забочусь о вас и не хочу, чтобы что-нибудь случилось, но ваши маленькие игры никого не одурачат.

– Не суйся не в свое дело. Мы хотя бы не отказываемся от своей девушки и не заставляем ее сбежать. – Наверное, шок от его слов отражается на моем лице, потому что Себ усмехается. – Да, мы знаем, что это твоя вина, а не Истона. Не *настолько* мы глупые. И о ней мы тоже знаем, – он кивает головой в сторону Брук. – Держи свое идиотское мнение при себе. Ты ничем не лучше нас.

Себ хватает тарелку и уходит из кухни.

– И что это было? – спрашивает отец.

– Мальчишки всегда такие мальчишки, – щебечет Брук.

На ее губах играет неподдельная улыбка. Она получает наслаждение от наших ссор. Она *хочет*, чтобы мы ссорились.

Я проглатываю еще гренки, хотя в животе такое ощущение, как будто его нашпиговали свинцом. Не знаю, сможет ли наша семья когда-нибудь оправиться после маминой смерти. Меня всегда будет преследовать эта картина: ее тело, распластанное на кровати, безжизненное лицо, холодные остекленевшие глаза. И только когда Элла рядом, шум в голове затихает.

Теперь же наш мир разваливается на части.

* * *

В доме тихо. Я больше не видел ни Себа, ни Соьера. Не хочу даже думать, где сейчас может быть Гидеон. Ну а Ист избегает меня – он не ответил ни на одно мое сообщение, не перезвонил ни разу.

По-моему, он не будет разговаривать со мной до тех пор, пока не вернется Элла.

Около девяти приходит сообщение от Уэйда – в доме Дикона Миллса намечается вечеринка. Но у меня нет никакого желания напиваться, да и вообще находиться рядом с алкоголем, и я отказываюсь от приглашения. Но следом отправляю еще одно сообщение.

Дай знать, если Истон появится там. Не знаю, где он.

В одиннадцать Уэйд отвечает.

Твой брат здесь. В стельку пьяный.

Паршиво.

Я обуваю кроссовки и набрасываю на себя рубашку с длинными рукавами. Осень в самом разгаре, и на побережье стало прохладно. Я задумываюсь, как там сейчас Элла. Тепло ли ей.

Хорошо ли она спит. Есть ли у нее еда. В безопасности ли она.

Когда я подъезжаю к дому Миллса, там полно народа. Такое ощущение, что зажигает весь наш выпускной класс. После пятнадцати минут безуспешных поисков Истона я сдаюсь и отправляю Уэйду, которого тоже нигде не видно, новое сообщение.

Где он?

В игровой.

Я прохожу мимо гостиной и направляюсь в огромную комнату, которая помимо прочего служит и бильярдной. Уэйд стоит у стола и разговаривает с парнем из нашей команды. Увидев меня, он ловит мой взгляд и кивает налево.

Я поворачиваюсь в ту сторону. Мой брат распластался на диване, на его коленях примостилась блондинка. Белесые волосы закрывают ее лицо словно занавеска, так что мне непонятно, кто это, но зато видно, как ее губы приклеились к губам Иста. Его рука медленно пробирается под ее юбку. Она хихикает, и я застываю на месте. Я знаю этот смех.

Она поднимает голову, и... да, я вижу Эбби.

- Ист! - ору я из дверей.

Он поднимает на меня свои голубые глаза. Они как будто стеклянные, и щеки покраснелись - он напился до потери пульса. Круто, ничего не скажешь.

- Смотри-ка, Эбс, вот и мой старший братец, - заплетающимся языком произносит Ист.

- Пойдем, нам пора, - приказываю я, протягивая ему руку.

Эбби смотрит на меня широко раскрытыми, виноватыми глазами, но сейчас меня волнует Ист. Его демон совсем разошелся, раз он решил замутить с моей бывшей.

- Куда ты спешишь? Мы с Эбс только начали. Правда, детка?

Ее щеки краснеют еще сильнее.

- Рид, - начинает она.

Я не обращаю на нее внимания.

- Поднимайся, - рявкаю брату. - Мы уходим.

- Никуда я не пойду.

- Нет, пойдешь.

Он не двигается.

- Если у тебя никого нет, это не значит, что мой член тоже никому не нужен, правильно, Эбс?

Эбби издает какой-то непонятный звук. То ли соглашается, то ли нет. Мне плевать. Я просто хочу забрать Истона домой, пока он не сделал того, о чем потом пожалеет.

- Твой член получает достаточно внимания.

- Может, мне нужно еще больше, - Ист ухмыляется. - А тебе-то что? Мы оба знаем, что я трахну ее лучше тебя.

Лицо Эбби становится багряным.

- Истон, - натянуто произносит она.

- Что? Ты знаешь, что я прав. - Его нахальный взгляд останавливается на ней. - Ты зря сохнешь по нему, детка. Он хоть раз говорил тебе, что любит? Нет, верно? Потому что он никогда и не любил.

Эбби обиженно ахает.

- Да пошел ты, Истон! Пошли вы оба!

И она пулей вылетает из комнаты.

Истон наблюдает за ее уходом, а потом поворачивается ко мне и начинает смеяться. Холодным, безжизненным смехом.

- Вот и еще одна от тебя сбежала, а, братец? Элла, теперь Эбби...

- Эбби убежала из-за тебя, - я качаю головой. - Оставь ее в покое. Она не игрушка, Ист.

- А что, слишком хороша для такого придурка, как я?

Да.

- Я не это хотел сказать.

Ложь.

- *Чушь* собачья. Ты не хочешь, чтобы я обесчестил твою непорочную, милую Эбби. Не хочешь, чтобы я испортил ей жизнь. - Истон неуверенной походкой делает несколько шагов вперед. Исходящий от него запах алкоголя чуть не сбивает меня с ног. - Чертов лицемер. Это ты паршивая овца в стаде. Ты единственный, кто портит жизнь девчонкам.

Он подходит еще ближе, почти вплотную ко мне, приближает рот к моему уху и шипит:

- Это ты разрушил Эллу.

Я вздрагиваю.

Все смотрят на нас. Ройалы катятся в ад, леди и джентльмены. Близнецы перестали разговаривать со мной. Наверное, Себ что-то сказал Сойеру, и теперь они оба смотрят на меня так, как будто я прокаженный. Ист пытается забыться от боли, перепихиваясь направо и налево. Гид злится на весь мир. А я? Я просто иду ко дну.

– Ладно. С меня хватит. – Я обхожу его, стараясь держать себя в руках. – Делай что хочешь, приятель.

– А в этом ты чертовски прав, – еле ворочая языком, отвечает он.

Я ловлю взгляд Уэйда и киваю на дверь. Он тут же встречает меня там.

– Убедись, что Ист доберется до дома целым и невредимым, – шепчу я. – Он не в состоянии вести машину.

Уэйд кивает.

– Я прослежу. А ты езжай домой. Завтра все станет лучше.

Если Элла вернется, то да. А если нет? Тогда мы в полном дерьме.

Чувствуя себя беспомощным, я еду домой и пытаюсь не думать о том, как моя жизнь катится в ад. Элла уехала. Ист сам не свой. Брук вернулась. Я не знаю, как справиться со злостью. И подраться пока нельзя. Ребра еще очень болят. Но с руками все нормально, и поэтому я спускаюсь в тренажерный зал в цоколе и направляю всю свою агрессию на боксерскую грушу.

Я представляю себя на месте этой груши. Я колочу по ней до тех пор, пока на костяшках не выступает кровь, а на ногах – красные отметины.

Но только вот легче мне совсем не становится.

Я смываю пот и кровь под душем, надеваю спортивные штаны и поднимаюсь наверх. В кухне достаю энергетический напиток и с удивлением обнаруживаю, сколько уже времени – перевалило за час ночи. Я провел в подвале почти полтора часа.

Изнеможенный, я тащу свое уставшее тело вверх по ступенькам. Может, сегодня мне, черт подери, удастся наконец поспать. В коридоре темно, все двери, кроме двери в комнату Истона, закрыты. Интересно, он уже вернулся с вечеринки?

Подойдя к своей спальне, я слышу звуки. Приглушенные стоны, вздохи.

Какого черта?

Не дай бог, там опять Брук!

Я рывком открываю дверь, и первое, что вижу, – это голая задница моего брата. Он на моей кровати. Как и Эбби, которая тихо стонет под Истоном. Ее руки сжимают его плечи, ноги обхватывают его бедра. Волосы веером разметались по моей подушке.

– Вы издеваетесь? – рычу я.

Истон останавливается, но его рука не перестает сжимать грудь моей бывшей девушки. Он смотрит на меня через плечо и злобно улыбается.

– Ох, мужик, так это твоя комната? – насмешливо спрашивает он. – Наверное, перепутал со своей. Прости, брат.

Я захлопываю дверь и, спотыкаясь, отступаю назад по коридору.

* * *

Я сплю в комнате Эллы. Вернее, лежу на кровати Эллы и всю ночь размышляю. Утром на кухне натыкаюсь на Иста.

- Эбби была хороша.

Он усмехается и откусывает кусок от яблока.

Я мысленно задаю себе вопрос, как ему понравится, если я возьму это яблоко и засуну ему в глотку. Он, наверное, рассмеется и скажет, что хочет еще одно, только чтобы показать мне. Но что показать? Что он до смерти меня ненавидит?

- Я и не думал, что мы делим одну девушку на двоих, как близнецы.

Я хватаю кувшин, но с излишним рвением, и фильтрованная вода выливается мне на руку.

Ист вымученно смеется.

- А почему бы и нет? Может, если бы я трахал Эллу, она бы не уехала.

Мои глаза застилает кровавая пелена.

- Только коснись ее, и я...

- Если бы она была здесь, ты, придурок! - Он бросает недоеденное яблоко, и оно разваливается на части, ударившись в край шкафчика в сантиметре от моей головы. - Как бы мне хотелось, чтобы это был гребаный кирпич и чтобы он разбил тебе голову.

Да уж, а мы, Ройалы, тут неплохо справляемся.

До конца дня я избегаю встречи с Истом.

Глава 7

Проходит еще одна неделя. Элла по-прежнему не нашлась, и мои братья по-прежнему не разговаривают со мной. Жизнь пошла наперекосяк, и я понятия не имею, как это изменить, поэтому перестаю даже пытаться. Я сдаюсь перед душевной болью, закрываюсь от всего мира и каждую ночь провожу в раздумьях о том, чем сейчас занимается Элла. В безопасности ли она. Скучает ли по мне... Ну конечно, не скучает. Если бы она скучала, то уже давно бы вернулась домой.

В понедельник я встаю с кровати и иду на тренировку. Всем сразу становится понятно, что мы с Истомом в ссоре. Он стоит на одной боковой линии, я - на другой. Между нами больше чем стадион. Черт, между нами такая пропасть, что туда мог бы вместиться весь Атлантический океан.

После тренировки в коридоре меня останавливает Вэл. У меня возникает непроизвольное желание прикрыть яйца.

- Просто скажи мне, что с ней все в порядке, - умоляет она.

- У нее все отлично.

- Она злится на меня? Я что-то не то сделала? - спрашивает Вэл дрожащим голосом.

Проклятье. Почему никто не может взять себя в руки?

- Я кто, ваш личный психотерапевт? Понятия не имею, почему она не звонит тебе, - рычу я из-за охватившей меня злобы.

Лицо Вэл морщится.

- Это подло, Рид. Она и мой друг тоже. У тебя нет никакого права прятать ее от меня.

- Если бы Элла захотела связаться с тобой, она бы тебе позвонила.

Не надо было мне это говорить, но мир и так уже катится в тартарары. Я не могу забрать свои слова назад, потому что Вэл убегает прочь.

Если Элла еще не питает ко мне ненависти, то она точно возненавидит меня со всей силой, когда вернется и увидит весь этот беспредел, который я натворил.

Взбешенный и растерянный, я поворачиваюсь и бью ногой по шкафчику. Металлическая дверца перекашивается от удара, который отдается по всей ноге. Не сказать, что это приятное ощущение.

В коридоре раздается смех. Я разворачиваюсь и вижу, как Ист протягивает руку, а Доминик Брунфелд что-то кладет ему на ладонь. Еще несколько ребят из нашей команды достают банкноты и отдают их Истону.

- Никогда не думал, что увижу, как ты будешь сходить с ума из-за девчонки, - говорит Дом, проходя мимо меня. - Ты подвел всех нас.

Я показываю ему средний палец и жду, когда со мной поровняется Ист.

- Не хочешь объяснить, что здесь происходит?

Ист машет веером из банкнот перед моим лицом.

- Самые легкие деньги в моей жизни. Ты съехал с катушек, брат. И все в школе об этом знают. Когда ты потеряешь самообладание, было лишь вопросом времени. Поэтому Элла и сбежала.

Я тяжело дышу через нос.

- Она вернется.

– Тебе волшебным образом удалось найти ее этой ночью? – он разводит руки в стороны и вертится на месте. – Потому что ее здесь нет. Ты ее видишь? Дом, ты видишь Эллу?

Взгляд Доминика перемещается с меня на Истона и обратно.

– Нет, он ее не видит. А ты, Уэйд? Ты ее видишь? Или она пойдет с тобой в туалет?

– Заткнись, Ист.

В его глазах вспыхивает боль, и он делает движение рукой, как будто закрывает рот на молнию.

– Затыкаюсь, Мастер Рид. Ты же единственный знаешь, как будет лучше для Ройалов, да? Ты все делаешь правильно. Получаешь хорошие оценки. Играешь в футбол. Трахаешь только правильных девчонок. Но вот только когда ты ошибаешься, это затрагивает всех нас. – Он обхватывает рукой мою шею и притягивает к себе так близко, что мы соприкасаемся лбами. – Так почему тогда тебе не заткнуться, Рид? Элла не вернется. Она мертва, как и наша дорогая мамочка. Только в этот раз это не моя вина. А твоя.

Меня захлестывает чувство стыда. Густая, мерзкая субстанция облепляет мои кости и тянет вниз. Я не могу убежать от истины. Брат прав. В маминой смерти есть доля и моей вины, и если Элла мертва, то здесь вина лежит на мне полностью.

Вывернувшись из хватки Истона, я возвращаюсь в раздевалку. До сегодняшнего дня мы с братьями никогда не ссорились на глазах у других. Мы всегда вели себя по принципу «один за всех и все за одного».

Мама ненавидела, когда мы ссорились дома, но совершенно не терпела этого, если мы были где-то за его пределами. Даже если кто-то из нас насмеялся над остальными, она вела себя так, словно мы не ее дети.

Мальчишкам Марии Ройал нельзя было опозорить ни ее, ни себя при посторонних. Ей достаточно было неодобрительно посмотреть на нас, и мы уже поправляли на себе одежду и закидывали руки друг другу на плечи, как будто это день открытых дверей на бейсбольном стадионе и мы просто счастливы так жить – несмотря на то, что секунду назад готовы были поубивать друг друга.

Дверь в раздевалку открывается. Даже не поднимая глаз, я знаю, кто это. И это точно не Ист. Когда он злится, то предпочитает держаться сам по себе.

– В пятницу, до игры, одна из Пастелей отрезала ножницами волосы у девятиклассницы. Девчонка выбежала из школы вся в слезах.

Я замираю. Плохо дело. Наверное, это та самая девчонка, которую видели мы с Делакортом. Она выскочила из здания и спряталась в «фольксвагене».

– Худенькая блондинка? Водит белый «пассат»?

Он кивает и садится рядом со мной на лавку, которая жалобно скрипит.

– За день до этого Дев Хан уничтожила научный проект Джун Чэнь.

- Джун ведь учится по гранту?

- Ага.

- Ха. - Я заставляю себя сесть ровно. - Еще есть интересные истории?

- Эти были самые интересные. Еще я слышал сплетни о других гнусностях, но подтвердить их не могу. Джордан плюнула на какую-то девчонку на уроке естествознания. Гуди Беллингем предлагает пятьдесят кусков любому, кто захочет пустить по кругу членов школьного совета.

Я устало потираю рукой челюсть. Идиотская школа.

- Прошло почти две недели.

- И за эти две недели твои братья перестали разговаривать с тобой, ты сцепился с Делакуртом, разбил шкафчик. О, а до того, как уехала Элла, ты вдруг решил, что тебе не нравится внешность Скотта Гастонбурга, и немного поправил ему лицо.

- Он дерьмовое трепло.

Чувак оскорбил Эллу. И пусть я этого не слышал, но сразу это понял по нахальному выражению его лица, когда мы были в клубе. Он-то думал, что ему все сойдет с рук. Но он плохо меня знает.

- Может, и так. Все, что слетает с языка Гасти, не стоит того, чтобы слушать. Ты сделал всем огромное одолжение, сломав ему челюсть, но в школе становится все хуже. Тебе нужно взять себя в руки.

- Мне плевать на Астор.

- Возможно. Но если школой не будут управлять Ройалы, то она скатится в отстойник. - Уэйд ерзает на жестком металлическом сиденье. - Про Эллу тоже ходят слухи.

- Плевать. Пусть ходят.

- Ты это сейчас так говоришь. А представь, каково ей будет, когда она вернется? Они с Джордан уже на ножах. Да, их драка была чертовски горячей. Но потом тот случай с Дэниелом, а теперь она пропала. Все говорят, что она либо уехала делать аборт, либо восстанавливается после лечения венерических болячек. Если ты прячешь ее, то пора уже вернуть ее, показать всем свою силу.

Я молчу.

Уэйд вздыхает.

- Я понимаю, как тебе не хочется стоять во главе, но, мужик, ты главный, стал им сразу же, как Гид окончил школу. Если ты всепустишь на самотек, то к Хэллоуину здесь будет твориться адский ад. По стенам будут размазаны кишки и мозги. А на Джордан обрушится чей-нибудь праведный гнев, как в «Кэрри»[1].

Джордан. От этой курицы одни проблемы.

- Почему бы тебе не стать главным? - тихо говорю я. - У твоей семьи достаточно денег, чтобы купить родителей Джордан.

Уэйд из потомственных богатых аристократов. Мне кажется, часть их состояния до сих пор хранится у них в подвале в виде золотых слитков.

- Дело не в деньгах. Дело в фамилии Ройалов. Вас слушаются. Наверное, потому, что вас так много.

Он прав. Ройалы правят школой с тех пор, как Гид перешел в десятый класс. Не знаю, что именно произошло, но в один прекрасный день мы проснулись, и оказалось, что все смотрят на Гида. Если кто-то выходил за рамки, Гид урезонивал его. Правила были простыми - выбирай равного.

Равного в прямом смысле этого слова. Равного по социальному статусу, по количеству денег на банковском счету, по интеллекту. Если бы Джордан травил кого-нибудь из Пастелей - это было бы нормально. Но Джордан травит учеников-бюджетников, и это плохо.

Элла не попадала ни туда, ни туда. Она не принадлежала к бюджетникам. Но и не была из богатой семьи. А я вообще думал, что она спит с моим отцом. Что он притащил домой шлюху из элитного борделя. Они со Стивом любили наведываться в подобные места во время командировок. Да, мой папа - высший класс.

Я держался на расстоянии и ждал, а все остальные ждали вместе со мной. За исключением Джордан. Она сразу же увидела то, что увидел и я. Что Элла гораздо сильнее, чем те, с кем нам приходилось иметь дело в Астор-Парке. Джордан возненавидела ее. Меня же к ней тянуло.

- Мне не нужна власть, - говорит Уэйд. - Я хочу заниматься сексом, играть в футбол, действовать на нервы друзьям моей матери и напиваться. Я могу делать все это, даже если Джордан будет третировать любую симпатичную девчонку, которая дышит не так, как она. Но ты - другое дело. В тебе есть сознательность, мужик. Но из-за всего этого дерьма... то, что Дэниел продолжает ходить по школе, словно он и не пытался изнасиловать Эллу... короче, молчание считается вроде как одобрением.

Он поднимается с лавки.

- Народ рассчитывает на тебя. Это то еще бремя, я понимаю. Но если ты не возьмешь ситуацию в свои руки, то начнется кровавое побоище.

Я тоже встаю и иду к двери.

- Тогда пусть школа сгорит, - бормочу я. - Тушить пламя - не моя забота.

- Братан.

Я останавливаюсь в дверном проеме.

- Что?

- Дай мне знать, если сможешь, ладно? Я просто хочу быть в курсе, надо ли мне начинать носить защитный костюм.

Пожав плечами, я смотрю на него через плечо.

- Пусть все катится в ад, мне плевать.

За моей спиной раздаётся досадливый вздох, но я не собираюсь задерживаться ни на секунду. Пока Эллу не найдут, я не хочу отвлекаться на что-то, кроме ее поисков. Если кому-то еще плохо, ну и пусть. Нам будет плохо всем вместе.

Я плетусь по коридору, опустив голову. Мне почти удается дойти до класса, ни с кем не столкнувшись по дороге, когда вдруг меня окликает знакомый голос.

- Что случилось, Ройал? Обижаешься из-за того, что никто не хочет с тобой играть?

Я останавливаюсь. Лающий смех Дэниела Делакурта заставляет меня развернуться к нему лицом.

- Прости, не расслышал тебя, - сухим тоном говорю я. - Может, повторишь? Только в этот раз для моего кулака?

Он спотыкается о собственные ноги, потому что трудно не заметить угрозу в моем голосе. Коридор наполняется учениками, у которых закончились факультативы: музыкальный кружок, команда по дебатам, команда поддержки, научный кружок.

Я намеренно надвигаюсь на него, в крови бурлит адреналин. В прошлый раз мне удалось ударить убудка, но лишь единожды. Мои братья оттащили меня, пока я не покалечил его.

Но сегодня меня никто не остановит. Стая зверей - ученики Астор-Парка - почуяли кровь.

Делакурт отодвигается в сторону, не глядит на меня, но и боится поворачиваться ко мне спиной. «Я не из тех, кто бьет в спину, - хочется сказать ему. - Скорее, это в твоих привычках».

Но Делакурт считает иначе. Он чокнутый и всегда охотится за теми, кто, по его мнению, слабее его.

От его худощавого тела исходят волны злобы. Ему не нравится показывать свою трусость. В конце концов папочка всегда отмажет его. Да и пусть, но только папочки сейчас здесь нет.

- Ты всегда за насилие, да, Ройал? Думаешь, что кулаки решат все твои проблемы?

Я усмехаюсь.

- Ну, я хотя бы не использую наркоту, чтобы решать свои проблемы. Девчонки не хотят тебя, и ты накачиваешь их наркотиками. Такие у тебя методы, да?

- Элла хотела этого.

- Мне не нравится, когда ты произносишь ее имя. - Я делаю шаг вперед. - Тебе лучше забыть его.

- Или что? Мы будем драться на дуэли, пока один из нас не умрет?

Он раскидывает руки, приглашая остальных посмеяться вместе с ним, но они либо ненавидят его, либо боятся меня, потому что никто не издает ни звука.

- Нет. По-моему, ты ничтожество. Ты напрасно забираешь воздух, который с большим успехом мог бы вылетать из чьей-то задницы. Я не могу тебя убить - все эти идиотские законы и все такое, - но я могу причинить тебе боль. Сделать каждую минуту твоей жизни несчастной, - уверенным тоном говорю я. - Лучше бы тебе уйти из этой школы, парень. Никто не хочет тебя здесь видеть.

Дэниел начинает тяжело дышать.

- Это тебя здесь никто не хочет видеть, - презрительно усмехается он.

Затем оборачивается к толпе в поисках поддержки, но наших зрителей интересует лишь одно - когда же прольется кровь. Они сдвигаются ближе, выталкивая Дэниела вперед.

Тут его трусость выходит наружу. Он бросает в меня свой телефон, пластиковый корпус ударяется в мой лоб. Ученики ахают. По лицу течет теплая алая струйка, застилая глаза, капая на губы.

Я мог бы ударить его. Это проще простого. Но я хочу, чтобы он действительно страдал. Чтобы мы страдали оба. Поэтому я хватаю его за плечи и бью своим лбом в его лоб.

Его лицо окрашивается моей кровью, и я довольно улыбаюсь.

- Ну вот, твое личико заметно похорошело. Посмотрим, что я еще смогу сделать.

И я даю ему пощечину. Со всей силы.

Он краснеет от злости, вызванной пренебрежением, с которым я ударил его. Посщечина - оружие девчонок, парни так не дерутся. От очередного шлепка открытой ладонью раздается хлопок. Дэниел делает шаг назад, но далеко ему не уйти - путь к отступлению загромождают шкафчики.

Ухмыляясь, я делаю шаг вперед и снова отвешиваю ему пощечину. Он блокирует меня рукой, и при этом вся левая сторона его лица остается открытой. Я два раза шлепаю его по левой щеке и отхожу.

- *Ударь меня*, - кричит он. - *Ударь меня кулаком!*

Моя ухмылка становится шире.

- Ты не заслуживаешь моих кулаков. Так я буду драться только с мужчиной.

Я опять шлепаю его по щеке, но в этот раз сильнее, и кожа лопается. Из раны выступает кровь, но это не удовлетворяет мое желание отомстить. Я хлопаю его по одному уху, потом

по другому. Он слабо пытается защититься.

Дэниел надувает губы, собирая слюну. Я делаю ложный выпад влево, и плевок пролетает мимо. С выражением отвращения на лице я хватаю его за волосы и бью лицом о шкафчик.

- Когда Элла вернется, ей не захочется видеть здесь мусор типа тебя, так что уходи или тренируй способность становиться невидимым, потому что я не хочу больше ни видеть, ни слышать тебя.

Я не жду, когда он ответит мне, снова бью его лбом о шкаф и отпускаю.

Он - все семьдесят семь кило убожества - валится на пол, словно поломанная игрушка.

Я оборачиваюсь и натываюсь на стоящего рядом Уэйда.

- Думал, тебе плевать, - шепчет он.

Я улыбаюсь ему, но, должно быть, в моей улыбке слишком много звериной жестокости, потому что все, кроме Уэйда и его вечной тени, Хантера, отступают назад.

Наклонившись, я поднимаю с пола телефон Дэниела, потом переворачиваю его самого и беру его обмякшую руку. Затем прижимаю его большой палец к экрану, чтобы разблокировать телефон, и набираю номер своего отца.

- Каллум Ройал, - с раздражением отвечает он.

- Привет, пап. Тебе нужно приехать в школу.

- Рид? С какого номера ты звонишь? - сердито спрашивает отец.

- С телефона Дэниела Делакурта. Сына судьи Делакурта. И захвати свою чековую книжку. Я как следует навалю ему. Но он сам напрашивался на это, в буквальном смысле, - радостно сообщаю я.

Я вешаю трубку и провожу рукой по лицу, потому что кровь из раны на лбу затекает в глаз. Переступив через Дэниела, я нараспев произношу:

- До скорого, Уэйд. Хантер, - я киваю на прощание нашему огромному молчаливому нападающему.

Он отвечает таким же кивком, и я выхожу на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

* * *

Папа вне себя от ярости, когда входит в приемную, соседствующую с кабинетом директора Берингера. Он ничего не говорит про мой разбитый лоб. Просто хватается за лацканы школьного пиджака и притягивает к себе.

- Этому пора прекратиться, - шипит он.

Я высвобождаюсь из его хватки.

– Успокойся. Я уже больше года не дрался, – напоминаю я ему.

– И хочешь медаль за это? Или похлопать тебя по спине? Господи, Рид, сколько еще раз нам придется проходить через это? Сколько еще чертовых чеков мне нужно будет выписать, пока ты не поумнеешь?

Я смотрю прямо ему в глаза.

– Дэниел Делапорт накачал Эллу наркотиками на одной из вечеринок и попытался изнасиловать ее.

Папа резко втягивает в себя воздух.

– Мистер Ройал.

Мы поворачиваемся на голос секретаря Берингера, которая стоит у открытой двери в кабинет директора.

– Мистер Берингер готов принять вас, – чопорно объявляет она.

Папа проходит мимо меня.

– Оставайся здесь. Я со всем разберусь, – бросает он через плечо.

Я стараюсь не показать свое ликование. Мне придется болтаться здесь, пока папа попытается уладить неприятную историю, в которую я попал. Хотя я не считаю это «неприятной историей». Делапорт сам напросился. Он заслуживал расправы с той ночи, когда хотел надругаться над Эллой, но я отвлекся от своей мести, потому что был занят тем, что все больше влюблялся в эту девушку.

Я опускаюсь на мягкое сиденье стула и старательно избегаю встречаться с осуждающими взглядами директорского секретаря, которые она то и дело бросает в мою сторону.

Папина встреча с Берингером длится меньше десяти минут. А точнее, семь, если часы над дверью показывают правильное время. Он выходит из кабинета с триумфальным блеском в глазах, каким обычно бывает после заключения очень выгодной сделки.

– Все улажено, – говорит он мне и дает знак следовать за ним. – Возвращайся на занятия, но после школы езжай сразу домой. И скажи своим братьям сделать то же самое. Никаких лишних остановок. Я хочу, чтобы вы все были дома.

Я моментально напрягаюсь.

– Зачем? Что происходит?

– Я собирался подождать и сказать тебе после уроков, но... раз я все равно уже здесь... – Папа останавливается посреди огромного, отделанного деревом вестибюля. – Детектив нашел Эллу.

Пока я пытаюсь переварить эту потрясающую новость, отец выходит через парадный вход, оставляя меня в полном недоумении пялиться ему в спину.

Глава 8

Элла

Автобус въезжает в Бейвью слишком быстро. Я не готова. Но я никогда не буду готова. Во мне живет предательство Рида. Оно ползет по венам, словно черная смола, уничтожает мое сердце, как скоротечный рак.

Рид уничтожил меня. Он обманул меня. Заставил поверить, что в этом ужасном, рехнувшемся мире может существовать что-то хорошее, что может существовать кто-то, кто по-настоящему переживает обо мне.

Надо было быть умнее. Всю свою жизнь я провела в нищете, лихорадочно пытаюсь выбраться из нее. Я любила свою мать, но мне всегда хотелось получить от жизни куда больше, чем она могла мне дать. Я не хотела, чтобы мое существование ограничилось сомнительного вида квартирками, заплесневелыми объедками и отчаянными попытками свести концы с концами.

Каллум Ройал дал мне то, чего не могла мама: деньги, образование, роскошный особняк, семью и...

«Иллюзию», – произносит язвительный голос в моей голове.

Пожалуй, так и есть. А самое печальное то, что Каллум даже не догадывается об этом. Он сам не понимает, что живет в доме, полном лжи.

А может, и понимает. Может, он прекрасно знал, что его сын спит с...

Нет. Не буду думать о том, что видела в комнате Рида в ту ночь, когда убежала из города.

Но картинки уже начинают появляться перед глазами.

Рид и Брук на его кровати.

Брук голая.

Брук ласкает его.

Я издаю сдавленный звук, как будто меня сейчас вырвет, и пожилая женщина, сидящая в противоположном ряду, с беспокойством смотрит на меня.

– Ты в порядке, милая? – спрашивает она.

Я сглатываю слюну, подавляя позыв к рвоте.

– Все нормально, – слабым голосом отвечаю я. – Немного побаливает живот.

– Потерпи немного, – говорит женщина с ободряющей улыбкой. – Сейчас уже откроют двери, и мы тут же сможем выйти.

Боже, нет. «Тут же» – это слишком быстро. Я вообще не хочу выходить из этого автобуса. Я не хочу денег, которые заставил меня взять Каллум в Нэшвилле. Не хочу возвращаться в особняк Ройалов и притворяться, что мое сердце не разбито на миллионы осколков. Не хочу видеть Рида или выслушивать его извинения, если он вообще собирается извиняться.

Когда я застала его с подружкой его же отца, он не сказал ни слова. Ни слова. Хотя, кто знает, может, я войду в дом и выяснится, что Рид снова стал таким же жестоким, как раньше. На самом деле, может, так даже лучше, тогда я смогу забыть, что когда-то любила его.

Я вылезая из автобуса, крепко сжимая лямку рюкзака. Солнце уже село, но вокзал залит светом. Вокруг суетятся люди, а шофер достает багаж из отделения внизу автобуса. У меня с собой нет ничего, кроме рюкзака.

Я убежала, не взяв ничего из тех классных шмоток, что купила мне Брук, и теперь все они ждут меня в особняке. Как бы мне хотелось сжечь каждую тряпку! Я не хочу носить ту одежду, не хочу жить в том доме.

Почему Каллум не может оставить меня в покое? Я могла бы начать новую жизнь в Нэшвилле. Я даже могла бы быть *счастливой*. Когда-нибудь – точно.

Но вот я снова в когтях Ройалов, потому что Каллум использовал все мыслимые и немыслимые угрозы, чтобы вернуть меня. Поверить не могу, как далеко он зашел, чтобы найти меня. Как оказалось, у каждой банкноты из тех десяти тысяч, что он дал мне, есть свой серийный номер – ему пришлось лишь подождать, когда я воспользуюсь одной из них, чтобы определить мое местонахождение.

Не хочу даже знать, сколько законов нашей страны он нарушил, чтобы отследить серийный номер стодолларовой банкноты. Но, похоже, люди типа Каллума стоят выше закона.

Раздается гудок машины, и я застываю на месте, когда у обочины останавливается черный лимузин. Тот самый, что ехал за автобусом из Нэшвилла до самого Бейвью. Из машины выходит водитель – это Дюран, шофер и телохранитель Каллума. Здоровый, как гора, и внушающий вселенский ужас.

– Как доехала? – мрачным голосом спрашивает он. – Есть хочешь? Может, нам где-нибудь остановиться, чтобы ты поела?

Дюран никогда не говорил так много, и я думаю про себя, что, наверное, это Каллум приказал ему быть пожеливее со мной. Я таких приказов не получала, поэтому совсем не вежливо отвечаю:

– Садись в машину и поехали.

Его ноздри раздуваются.

Мне ничуть не стыдно. Я ненавижу этих людей. С этого момента все они – мои враги. Они надзиратели в тюрьме, а я заключенная. Они мне не друзья, не семья. Для меня они пустое место.

* * *

Дюран останавливает машину на круглой подъездной дорожке. Такое ощущение, что в особняке включена каждая лампочка. А если учесть, что дом похож на вытянутый прямоугольник, состоящий из одних лишь окон, то яркий свет просто слепит глаза.

Дубовые двери на украшенном колоннами крыльце открываются, и появляется Каллум. Его темные волосы идеально уложены, сшитый на заказ костюм подчеркивает широкоплечую фигуру.

Я выпрямляюсь, готовясь к очередному противостоянию с ним, но мой опекун грустно улыбается и произносит:

- С возвращением.

Однако в его приветствии я не вижу ничего доброжелательного. Этот человек выследил меня в Нэшвилле и угрожал мне. Его список ужасных последствий, если я откажусь вернуться, казался бесконечным.

Он может сделать так, чтобы меня арестовали как беглянку.

Он может донести на меня в полицию за то, что я пользуюсь мамиными документами.

Он может сказать, что я украла те десять штук баксов, которые он мне дал, и меня обвинят в воровстве.

Но я уступила не потому, что испугалась одной из этих угроз. Нет. Просто он объявил мне, куда бы я ни сбежала, ему всегда удастся найти меня. Куда бы я ни направилась, он окажется там. Будет разыскивать меня до конца моих дней, потому что, как он напомнил мне, таков его долг перед моим отцом.

Мой отец. Человек, которого я в глаза не видела. Человек, который, судя по всему, был разбалованным, эгоистичным ублюдком. Который женился на жадной до денег мегере, но не позаботился сказать ей – да вообще всем, если уж на то пошло, – что восемнадцать лет назад, во время увольнения на берег, сделал ребенка одной девушке.

Я лично ничего не должна Стиву О'Халлорану, как и Каллуму Ройалу. Но и всю оставшуюся жизнь оглядываться через плечо мне тоже не улыбается. Каллум никогда не блефует. Он действительно не перестанет искать меня, если я снова убегу.

Я вхожу вслед за ним в особняк, не переставая напоминать себе, что я сильная, несгибаемая, что могу выдержать еще два года жизни с Ройалами. Нужно лишь притворяться, что их не существует. У меня будет только одна цель – окончить школу и уехать учиться в колледж. Как только я получу высшее образование, ноги моей более не будет на пороге этого дома.

Мы поднимаемся на второй этаж, и Каллум показывает новую систему безопасности, которую он установил на дверь моей комнаты. Биометрическое сканирование руки – должно быть, такие же меры безопасности есть и в «Атлантик Авиэйшн». В комнату можно войти только по отпечатку ладони, а это значит, что Рид больше не зайдет ко мне поздно вечером.

Я больше не буду смотреть кино с Истоном. Эта комната станет моей тюремной камерой, но именно этого я сама хотела.

- Элла.

Усталость звучит в голосе Каллума, который заходит за мной в комнату. Она осталась такой же розовой и девчачьей, как я ее помню. Каллум советовался с дизайнером интерьеров, но выбрал все сам, доказав, что абсолютно ничего не знает о девочках-подростках.

- Что? - спрашиваю я.

- Я знаю, почему ты убежала, и я хотел...

- Вы знаете? - осторожно перебиваю я.

Каллум кивает.

- Рид рассказал мне.

- Он рассказал вам?

Я не в силах сдержать удивление. Рид рассказал отцу о них с Брук? И Каллум не вышвырнул его из дома? Черт, Каллум даже не выглядит расстроенным! Что это за люди?

- Я понимаю, что тебе было крайне неловко самой прийти ко мне, - продолжает Каллум, - но я хочу, чтобы ты знала: ты можешь всегда поговорить со мной обо всем. И если честно, я считаю, что завтра утром мы первым делом должны подать заявление в полицию.

Я совсем ничего не понимаю.

- Заявление в полицию?

- Элла, тот мальчишка должен понести наказание за то, что сделал.

- Тот мальчишка?

Что, черт побери, происходит? Каллум хочет, чтобы его сына арестовали за... за что? За секс с несовершеннолетней? Но я по-прежнему девственница. Тогда меня могут обвинить в... господи. Я краснею, как свекла.

Следующие слова Каллума повергают меня в шок.

- Мне плевать, что его отец судья. Делакурту не сойдет с рук, что он накачал девочку наркотиками, а потом пытался изнасиловать ее.

Я всасываю воздух. Боже. Рид рассказал Каллumu о том, что хотел сделать со мной Дэниел? Почему? Или, вернее, почему сейчас, а не несколько недель тому назад, когда все произошло?

Но какие бы ни были у Рида причины, я возмущена тем, что он рассказал. Мне меньше всего хочется вешивать сюда полицию и оказаться втянутой в длинное и грязное судебное

разбирательство. Я даже могу представить, что именно произойдет в зале суда. Стриптизерша, которая учится в старшей школе, обвиняет богатого белого мальчишку в том, что он подсыпал ей наркотики, чтобы потом заняться с ней сексом. В это никто не поверит.

- Я не буду подавать заявление, - холодным тоном заявляю я.

- Элла...

- Ничего особенного не случилось. Ваши сыновья нашли меня до того, как Дэниел смог бы сделать что-то действительно серьезное. - От отчаяния у меня сосет под ложечкой. - И я не поэтому сбежала, Каллум. Просто... я не принадлежу этому миру, понимаете? Я не из того теста, чтобы жить жизнью богатенькой принцессы, которая учится в частной школе, а за ужином выпивает бокал шампанского за тысячу долларов. Я не такая. Я не роскошная куколка, богатая или...

- Но ты богата, - тихим голосом перебивает он. - Ты очень, очень богата, Элла, и тебе пора бы уже принять это. Твой отец оставил тебе целое состояние, и в скором времени нам нужно будет встретиться с юристами Стива и решить, что ты будешь делать с этими деньгами. Инвестиции, трастовые фонды и все такое. Кстати... - он вытаскивает кожаный бумажник и протягивает мне: - Твои наличные на месяц, как мы договаривались. И кредитная карта.

Внезапно у меня начинает кружиться голова. Рид и Брук - единственное, о чем я могла думать с тех пор, как уехала. Я совершенно забыла о наследстве, оставленном мне Стивом.

- Мы можем обсудить это в следующий раз, - бормочу я.

Он кивает.

- Может, тебе стоит еще раз подумать о том, чтобы рассказать властям о Делакорте?

- Я не передумаю, - решительно отвечаю я.

Похоже, Каллум смирился.

- Хорошо. Хочешь, принесу тебе что-нибудь поесть?

- Я ела во время последней остановки. - Я хочу, чтобы Каллум ушел, и он это знает.

- Что ж, ладно. - Он подходит к двери. - Тогда, может, ляжешь спать пораньше? Уверен, долгая поездка утомила тебя. Завтра еще поговорим.

Каллум уходит, и меня охватывает раздражение, когда я замечаю, что он оставил дверь приоткрытой. Подхожу, чтобы закрыть ее, и она тут же распаивается, чуть не сбив меня с ног.

В следующее мгновение меня крепко обнимают сильные руки.

Сначала я напрягаюсь, решив, что это Рид, но потом понимаю, что это Истон, и расслабляюсь. Он такой же высокий и мускулистый, как Рид, с такими же темными волосами и голубыми глазами, но его шампунь пахнет слаще и аромат лосьона после бритья не такой

пряный, как у Рида.

- Истон... - начинаю я и тут же охаю, потому что от звука моего голоса он прижимает меня к себе еще крепче.

Он ничего не говорит. Лишь обнимает меня так, как будто я его защитный покров. От этого отчаянного объятия трещат кости и нечем дышать. Его подбородок опускается на мое плечо, и он зарывается лицом мне в шею. Хотя я должна быть зла на всех Ройалов, но не могу удержаться и не погладить его по волосам. Это же Истон, мой самопровозглашенный «старший брат», хотя мы одного возраста. Он огромный, неисправимый, часто вредный и всегда валяет дурака.

Наверное, он знал о Риде и Брук - Рид ни за что на свете не стал бы скрывать это от Истона, - и все же я не могу заставить себя ненавидеть его, особенно когда он дрожит в моих объятиях. А когда отстраняется, то смотрит на меня с таким невероятным облегчением, что дух захватывает.

Но он исчезает так же внезапно, как и появился - молча выходит из комнаты, и все. Я недоумеваю. Где язвительные комментарии, дерзкое предположение, что я вернулась лишь ради его красивого тела и животного магнетизма?

Нахмурившись, я закрываю дверь и заставляю себя не анализировать странное поведение Истона. Не позволю себе снова влезть в драму семейства Ройалов, тем более если хочу прожить здесь столько, сколько нужно.

Я засовываю бумажник в рюкзак, стягиваю толстовку и забираюсь на кровать. Шелковое покрывало под голыми руками кажется райским блаженством.

В Нэшвилле я остановилась в дешевом мотеле, где спала на самой шершавой в мире простыне. Еще она вся была в пятнах, о происхождении которых мне даже думать страшно. Я устроилась официанткой в закусочную, когда появился Каллум, точно так же, как он появился в Кирквуде и вытащил меня из стрип-клуба.

До сих пор не могу решить, как изменилась моя жизнь после того, как меня нашел Каллум Ройал, - в лучшую или в худшую сторону.

Сердце сжимается, когда перед глазами встает лицо Рида. В худшую, все-таки решаю я. Моя жизнь стала намного хуже.

Рид, наверное, почувствовал, что я думала о нем, и из-за запертой двери раздается его голос.

- Элла,пусти меня.

Я не обращаю внимания.

Он дважды стучит.

- Пожалуйста. Мне нужно поговорить с тобой.

Я переворачиваюсь на бок, спиной к двери. Его голос убивает меня.

По ту сторону раздаётся рассерженный рев.

– Детка, ты и впрямь думаешь, что этот сканер меня остановит? Знаешь же, что нет. – Он на секунду умолкает, но когда я не отвечаю, продолжает: – Отлично. Я скоро вернусь. Найду ящик с инструментами.

Его угроза – ведь я понимаю, что это не пустые слова – заставляет меня соскочить с кровати. Я сердито прижимаю ладонь к панели, и замок открывается, наполнив комнату громким звуковым сигналом. Рывком распахнув дверь, я встречаюсь взглядом с парнем, который начал разрушать меня. Слава богу, я уехала и прекратила это. Ему больше никогда не удастся хоть как-нибудь повлиять на меня.

– Я тебе не детка, – мой голос похож на шипение. – Я тебе *никто*, ты мне никто, понятно? Не называй меня деткой. Вообще никак ко мне не обращайся. И держись от меня подальше.

Его голубые глаза внимательно осматривают меня с головы до ног. Он хриплым голосом спрашивает:

– Ты в порядке?

Мне не хватает воздуха. Удивительно, как я до сих пор не упала в обморок. Не могу сделать вдох. Легкие горят, глаза застилает красная туманная пелена. Он слышал хоть слово из того, что я сказала?

– Кажется, ты похудела, – как ни в чем не бывало говорит Рид. – Ты ничего не ела.

Я делаю попытку закрыть дверь.

Он лишь кладет на нее ладонь и толкает от себя, входя в комнату. Я сердито смотрю на него и рявкаю:

– Убирайся вон!

– Нет.

Он сверлит меня взглядом, как будто проверяет, нет ли на мне повреждений.

Но тогда ему лучше проверить себя, потому что из нас двоих именно он выглядит побитым в буквальном смысле слова: под воротом футболки виднеется темно-фиолетовый синяк. Рид недавно дрался. И, похоже, драка была не одна, судя по тому, как он слегка морщится на вдохе, словно ему тяжело дышать.

Вот и хорошо, злорадствую я. Он заслужил страдания.

– Ты в порядке? – повторяет Рид, глядя мне прямо в глаза. – Никто не... тронул тебя? Не причинил боль?

У меня вырывается истерический смех.

– Да! Кое-кто причинил мне боль! *Ты* причинил мне боль!

На его лице появляется выражение отчаяния.

- Ты ушла прежде, чем я смог объясниться.

- *Никакие* твои объяснения не заставят меня простить тебя, - выплевываю я. - Ты спал с девушкой своего отца!

- Нет, - решительно возражает он. - Я не спал.

- Врешь!

- Это правда. Не спал, - он снова вздыхает. - Не в ту ночь. Она пыталась заставить меня поговорить про нее с отцом. Я пытался отделаться от нее.

Я в изумлении таращусь на него.

- Она была абсолютно голая!

И тут я умолкаю, когда мой мозг улавливает кое-что в том, что он только что сказал.

Не в ту ночь.

Во мне растет гнев.

- Давай на секунду представим, что я поверила тебе и той ночью ты действительно не спал с Брук, - мои глаза яростно сверкают. - Хотя я тебе не верю. Но давай просто представим. Все же ты спал с ней в другое время, да?

В его глазах вспыхивает чувство вины, глубокое и безошибочное.

- Сколько раз? - требовательно спрашиваю я.

Рид проводит рукой по волосам.

- Два, может, три.

У меня сжимается сердце. Боже мой. Часть меня ожидала, что Рид будет все отрицать. Но... он действительно признался, что у него был секс с подружкой его отца? Больше чем *один раз*?

- Может? - взвизгиваю я.

- Я был пьян.

- Ты мне омерзителен, - шепчу я.

Он даже бровью не ведет.

- Когда мы с тобой были вместе, я ни разу не спал с ней. Как только мы с тобой познакомились, я был твоим, только твоим.

- Ого, как мне повезло! Мне достались объедки Брук! Ура!

Он *морщится*.

- Элла...

- Заткнись, - я поднимаю руку, чувствуя такое отвращение, что даже не могу на него смотреть. - Я не стану спрашивать, зачем ты это сделал, потому что прекрасно знаю ответ. Рид Ройал ненавидит своего папочку. Рид Ройал решил отомстить своему папочке. Рид Ройал занялся сексом с подружкой своего папочки.

Я издаю звук, как будто меня сейчас вырвет.

- Ты хоть понимаешь, насколько это ненормально?

- Да, понимаю, - его голос звучит хрипло. - Но я никогда не утверждал, что я святой. До того, как познакомиться с тобой, я наделал немало ошибок.

- Рид, - я бесстрашно встречаюсь с ним взглядом, - я никогда тебя не прощу.

В его глазах вспыхивает уверенность.

- Ты шутишь.

Я делаю шаг к двери.

- Что бы ты ни говорил, что бы ни делал, я никогда не прощу тебя за то, что видела в твоей комнате той ночью. Радуйся, что я молчу об этом, потому что если Каллум узнает, то придет в бешенство.

- Мне плевать, что будет делать мой отец.

Рид наступает на меня.

- Ты *ушла* от меня! - рычит он.

У меня отвисает челюсть.

- Ты злишься на меня? Конечно, я сбежала! Зачем мне было оставаться в этом ужасном доме после всего того, что ты сделал?

Он приближается, его огромная фигура заполняет мое личное пространство, рука обхватывает мой подбородок. Я дергаюсь, чтобы вырваться, и его глаза вспыхивают еще ярче.

- С тех пор, как ты ушла, я скучал по тебе каждую секунду. Думал о тебе каждое чертово мгновение. Хочешь ненавидеть меня за то, что я сделал? Мне все равно - я сам себя ненавижу уже давно. Я переспал с Брук, и с этим мне придется жить всю жизнь. - Пальцы Рида, сжимающие мою челюсть, дрожат. - Но в ту ночь я не спал с ней, и я не позволю тебе отказаться от того, что происходит между нами, только потому...

- Что происходит между нами? Между нами ничего нет! - меня снова тошнит. Я устала от бесполезного разговора. - Убирайся из моей комнаты, Рид. Сейчас мне даже смотреть на тебя противно.

Он не двигается с места, и тогда я, положив ладони ему на грудь, толкаю его. Изо всех сил. И продолжаю толкать, бить по мускулистой груди, отодвигая к двери дюйм за дюймом. Легкая усмешка на его лице лишь распаляет мою злость. Это все кажется ему смешным? Все, что происходит в жизни этого парня, – лишь игра для него?

– Пошел *вон*, – приказываю я. – Между нами все кончено.

Он смотрит на мои руки, по-прежнему прижатые к его груди, потом на мое лицо, которое, уверена, сейчас краснее помидора.

– Ладно, я уйду, раз ты этого хочешь, – Рид выгибает одну бровь. – Но между нами ничего не кончено, Элла. Ничего.

Я едва дожидаясь, когда он переступит порог, и захлопываю дверь прямо перед его носом.

Глава 9

Первое, что я вижу, проснувшись, – это вентилятор над кроватью. Гладкие тяжелые хлопковые простыни напоминают о том, что я больше не в гадкой комнате мотеля стоимостью четыре доллара за ночь, а снова во «дворце» Ройалов.

Здесь ничего не изменилось. Я даже чувствую запах Рида на наволочках, как будто он ночевал здесь каждую ночь со дня моего бегства. Бросаю подушку на пол и делаю мысленную пометку купить новое постельное белье.

Правильно ли я поступила, вернувшись сюда? Был ли у меня выбор? Каллум доказал, что может отыскать меня где угодно. Я потребовала у него все, что могла: замок со сканером ладони на дверях спальни, кредитную карту на свое имя, обещание, что, как только окончу школу, меня не будут контролировать.

Я должна была задать себе только один вопрос: собираюсь ли позволить какому-то парню разрушить мне жизнь? Разве я настолько слаба, что не смогу справиться с Ридом Ройалом? Я много лет была за главную, сначала заботясь о маме, потом о самой себе. Рана, оставленная в моем сердце смертью мамы, в конце концов зарубцевалась. Рана, которую оставил там Рид, тоже со временем заживет.

Верно?

Перекатившись на другой бок, я замечаю на прикроватной тумбочке телефон, который подарил мне Каллум. Я оставила его вместе с машиной, одеждой и остальными вещами, подаренными мне. Но, уехав от Ройалов, и в первую очередь от Рида, я все равно не могла перестать думать о нем. Не могла оставить наши отношения позади: воспоминания преследовали меня.

Я хватаю телефон и заставляю себя без страха взглянуть на тот кавардак, что остался после моего бегства. Непрочитанные сообщения вызывают смешанные чувства. Когда я сбегала раньше, по мне никто не скучал. Мы с мамой никогда не задерживались в одном месте дольше, чем на пару лет.

В этот раз меня ждут тридцать сообщений от Вэлери, несколько – от Рида, и их я удаляю, не прочитав. Есть еще два, отправленных с номера Истона, но подозреваю, что они тоже от Рида, так что удаляю их тоже. Остальные сообщения от моей начальницы Люси, владелицы «Френч Твист», пекарни, что находится неподалеку от частной школы Астор-Парк. В первых чувствуется беспокойство, в последних – раздражение.

Но именно от сообщений Вэл мой желудок неприятно скручивает. Надо было ей хоть что-то сказать. Я много думала об этом, когда сбежала, но мне было страшно. Не только потому, что Ройалы могли выудить у нее информацию, но и потому, что она связывала меня с тем, что я хотела забыть. Мне стыдно за то, как я поступила с ней. Если бы она вдруг взяла и исчезла, я бы сильно разозлилась.

Прости меня. Я самая ужасная в мире подруга. Ты еще хочешь разговаривать со мной?

Я кладу телефон на кровать и смотрю в потолок. К моему удивлению, почти сразу же раздается звонок. На экране вспыхивает фотография Вэл.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю.

– Привет, Вэл.

– Где ты была? – кричит она. – Я не могла до тебя дозвониться!

Я открываю рот, чтобы скормить ей ложь про то, что болела, но ее следующие слова останавливают меня.

– И только не говори мне, что ты болела, потому что никто не болеет две недели кряду и даже не может позвонить! Ну, конечно, если ты не нулевой пациент[2], с которого начинается зомби-апокалипсис.

Слушая ее полные тревоги слова, я понимаю, что это и есть проверка нашей дружбы. Несмотря на то, что я две недели не отвечала на ее звонки, она все равно впускает меня в свою жизнь. Да, Вэл задает вопросы, но только те, на которые заслуживает ответа. Она важна для меня, настолько, что я готова ответить ей честно, как бы неловко мне ни было.

– Я сбежала, – признаюсь подруге.

– Ох, Элла, нет! – она печально вздыхает. – Что с тобой сделали Ройалы?

Я не хочу лгать ей.

– Я... пока не готова говорить об этом. Но, похоже, я слишком остро отреагировала.

– Почему ты не пришла ко мне? – спрашивает она, и в ее голосе звучит обида.

– Прости. Я... Кое-что произошло, я села в машину, купила билет на автобус и уехала. Единственное, о чем я думала, – как уехать отсюда подальше. Мне даже в голову не пришло отправиться к тебе. Я не привыкла искать помощи у других. Прости меня.

Какое-то время она молчит.

– Я все еще злюсь на тебя.

– И я тебя понимаю.

– Ты сегодня придешь в школу?

– Нет. Я вернулась вчера поздно вечером, и Каллум дал мне сутки на то, чтобы прийти в себя.

– Ладно. Тогда я тоже сегодня прогуляю, а ты придешь ко мне и все расскажешь.

– Я скажу тебе только то, что могу.

Я уже не хочу даже думать о том, что было между Брук и Ридом. Мне хочется забыть о том, что случилось. И хочется забыть о том, как я открыла свое сердце Риду.

– Мне тоже нужно о многом тебе рассказать, – говорит Вэл. – Когда ты сможешь приехать?

Я смотрю на часы.

– Через час, ладно? Мне нужно принять душ, позавтракать, одеться.

– Здорово. Проходи через заднюю дверь, иначе тетушка станет выяснять, почему мы не в школе.

Вэл живет со своей теткой, чтобы учиться в Астор-Парке. Пока я знакома лишь со злой кузиной Вэл, Джордан, но думаю, что день, когда я прогуливаю уроки, – не самое лучшее время, чтобы познакомиться с остальными членами ее семьи.

– Ясно. До встречи!

Я делаю глубокий вдох и звоню Люси.

– Привет, Люси. Это Элла. Прости, что исчезла, ничего не объяснив. Можно мне приехать после обеда?

– Ты тоже меня прости, но сейчас я не могу говорить. Очень занята. – Люси говорит резко, и я вдруг жалею, что вообще проснулась сегодня. – Но если ты сможешь подъехать к двум часам, то мы все обсудим.

– Я приеду, – обещаю я.

У меня такое чувство, что мне не понравится то, что она скажет.

Я заставляю себя вылезти из кровати, принимаю душ и надеваю старые джинсы и фланелевую рубашку. По иронии судьбы, эти же самые вещи были на мне, когда я впервые вошла в особняк Ройалов. Мой шкаф доверху забит дорожной одеждой, но я не стану носить то, что выбрала мне Брук Дэвидсон, даже если веду себя глупо, как маленькая девочка.

Я открываю дверь и вздрагиваю. У противоположной стены стоит, прислонившись к ней, Рид.

- Доброе утро.

Я закрываю дверь, хлопнув изо всей силы.

Но его звучный голос не остановит даже закрытая дверь.

- И как долго ты собираешься игнорировать меня?

Два года. Нет, до конца своих дней.

- Я не уйду, - добавляет он. - И когда-нибудь ты все равно простишь меня, так, может, все-таки выслушаешь?

Я подхожу к окну рядом с кроватью и смотрю вниз. Прыгать с высоты второго этажа - это было бы слишком, и я не уверена, что веревка из связанных простыней сработает в реальной жизни. С моей-то «удачей» простыни развяжутся, я упаду на землю, сломав себе несколько костей, и потом придется несколько недель пролежать в постели.

Я пересекаю комнату, рывком открываю дверь и молча прохожу мимо Рида.

- Прости, что не рассказал тебе про Брук.

Да подавись ты своими извинениями!

На полпути вниз по лестнице он хватает меня за руку выше локтя и разворачивает к себе лицом.

- Я знаю, тебе не все равно. Иначе ты не устраивала бы мне бойкот.

Ему даже хватает наглости улыбнуться мне!

О боже! Он *не* имеет права улыбаться! Во-первых, потому что сразу становится невероятно сексуальным. А во-вторых, потому что... р-р-р... потому что я *зла* на него.

Я холодно смотрю на него и высвобождаюсь из его хватки.

- Я решила, что не буду тратить время и силы на людей, которые того не стоят.

Рид ждет, когда я спущусь по ступеням, и окликает меня.

- Значит, и на Истона тебе тоже наплевать?

Услышав имя Истона, я оборачиваюсь, потому что, если не считать Вэл, он мой единственный близкий друг здесь.

- Что, с ним что-то не так?

Рид сбегает вниз и останавливается рядом со мной.

- Ага. Ты сбежала, и он решил, что все женщины, которых он любит, уходят от него.

От чувства вины у меня вспыхивает лицо.

- Я уходила не от него.

Я ушла от тебя, лживый ублюдок.

Рид пожимает плечами.

- Тебе нужно убедить в этом его, не меня. Но уверен, что ты снова завоеешь его любовь.

Самоуверенный осел. Я растягиваю губы в самой слащавой улыбке, какую только могу изобразить.

- Сделаешь мне одолжение?

- Конечно.

- Возьми свой снисходительный тон, никому не нужные советы, гадкую привычку торчать у моей двери и засунь их себе в зад!

Я рывком разворачиваюсь. Однако уйти красиво не получается, потому что Рид следует за мной дальше на кухню, где оказываются и все остальные члены семейства Ройал, за исключением Гидеона.

- Ни у кого сегодня нет тренировок? - с подозрением спрашиваю я.

Истон и Рид играют в футбол. Они оба уже должны быть в школе. Каллум обычно уезжает на работу еще до восхода солнца. Когда просыпаются близнецы, я понятия не имею. Но сейчас они сидят за огромным столом со стеклянной столешницей, который стоит в углу кухни с видом на бассейн и Атлантический океан.

- Сегодня особенный день, - отвечает Каллум поверх своей кружки с кофе. - Наша семья снова в сборе. Сандра приготовила тебе завтрак, он в холодильнике. Доставай его и садись за стол. Рид, хватит нависать над нами, сядь.

Это прямые приказы нам с Ридом, и хотя Каллум мне не отец, а Рид вообще редко его слушается, мы все равно делаем так, как было велено.

- Здорово, что ты вернулась, - говорит Сойер, когда я опускаюсь на стул.

Ну, я думаю, что это Сойер. След от ожога на запястье, по которому я раньше различала близнецов, уже мог исчезнуть, так что я не уверена.

- Ага. Становится холоднее, и Рид пообещал нам, что ты поедешь с нами по магазинам, чтобы купить зимнюю одежду, - включается в разговор Себ.

- Ого, он правда так сказал?

- Да, без тебя мы совсем беспомощные.

Низкий голос Рида для меня - словно удар под дых.

- Не говори со мной! - рявкаю я.

- Согласен, - говорит Истон. - Не говори с ней.

Я с изумлением наблюдаю, как трое Ройалов-младших злобно пялятся на Рида. Он поджимает губы. Я говорю своему глупому сердцу, что ему нельзя больше сочувствовать Риду. Сейчас, за завтраком, он пожинает то, что когда-то посеял.

- Доброе утро, Истон, - весело говорю я. - Что интересного я пропустила по биологии?

Мне хочется спросить его про вчерашние странные объятия, но пока не стоит.

Но я должна убедиться, что с ним все в порядке. У Истона есть парочка дурных привычек. Хотя я лично считаю, что он скучает по маме и пытается заполнить пустоту в душе, но ничего не помогает. Сама проходила через это.

- Мы препарировали свиней.

- Ты серьезно? - я издаю звук отвращения. - Хорошо, что я пропустила это.

- Нет, - он толкает меня плечом. - Шучу. Ты ни фига не пропустила. Но зачеты уже на следующей неделе.

- Черт!

- Не волнуйся. Каллум все уладит, правда ведь, пап? - Истон дерзко поднимает подбородок.

Каллум не обращает внимания на вызов в вопросе Истона и благодушно кивает.

- Да, Элла, если тебе нужно больше времени, уверен, это можно устроить.

Потому что в его мире за деньги покупается все на свете, в том числе и время, чтобы подготовиться к тестам на проверку академических способностей. Может, тогда мне и вступительные экзамены в колледж не придется сдавать. Даже не знаю, порадоваться мне этому или огорчиться. Наверное, и то, и другое. Испытывать смешанные чувства для меня уже стало нормой.

Вот, например, когда Рид садится рядом со мной и мое тело ликует, вспоминая все те удивительные вещи, которые он с ним творил. А сердце чуть не выпрыгивает из груди от воспоминаний о том, как он заполнял все пустоты вниманием и теплом, о своей потребности в которых я даже не подозревала. Но моя голова напоминает мне, как ужасно он со мной обращался. Если уже совсем начистоту, он и впрямь пытался предупредить меня, но я продолжала бегать за ним, как влюбленная по уши идиотка, говорила ему, что он хочет меня и лишь нужно признаться себе в этом. Наверное, виноваты мы оба.

Он говорил мне держаться от него подальше.

Он говорил, что мне здесь не место.

Если бы я только послушала его!

- Твоя булочка тебя чем-то обидела? - спрашивает Истон.

Я смотрю на тарелку, где лежат куски хлеба. Отодвинув ее, я придвигаю себе вазу со свежими фруктами, мюсли и йогурт. Единственный большой плюс проживания в доме Ройалов – это постоянное наличие на кухне всевозможных продуктов. Можно забыть про еду раз в день и надежду на то, что твое тело не взбунтуется, если ты сможешь порадовать его лишь тако из забегаловки.

Все такое свежее, яркое, экологически чистое и полезное.

Может, если бы Каллум напомнил мне о содержимом их холодильника, я бы не так сильно сопротивлялась.

– Что-то мне не хочется углеводов, – отвечаю я Истону.

– Ну что, сестренка, чем бы нам заняться? – он потирает руки. – Слышал, что в школу нам можно не ходить. Ну, близнецам-то придется, потому что они совсем тупые. Пропустят одно занятие – и сразу вылетят.

Оба брата показывают ему средний палец.

– Я собираюсь к Вэлери.

– Круто, – говорит Истон. – Мне нравится Вэл. Похоже, мы отлично проведем время.

– Ты не расслышал местоимение «я».

Остальные наблюдают за нашим препирательством.

– Я все прекрасно расслышал, – Истон улыбается ослепительной улыбкой, но его глаза бегают туда-сюда. – Но для удобства проигнорировал его. Когда мы выходим?

Я постукиваю пальцами по столу.

– Истон, внимание! – Затем жду, когда его лихорадочный взгляд вновь остановится на мне. – Ты будешь здесь. Хотя можешь ехать, но в любом случае – не со мной.

– Что ты говоришь? Бессмыслица какая-то. Когда я должен подойти к твоей машине?

Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, но все опускают глаза. Сидящие напротив меня близнецы чуть не трясутся от сдерживаемого смеха.

Каллум выглядывает поверх своей газеты.

– Может, согласишься? Даже если не разрешишь ему поехать с тобой, он все равно заявится к Каррингтонам.

Истон старается выглядеть милым и смиренным, но глаза победно сверкают.

– Ладно, но только мы будем красить ногти и обсуждать, какие прокладки лучше впитывают. Возможно, мы проведем научный эксперимент.

Его улыбка остается на месте, а вот близнецы стонут.

- Фу, гадость, - в унисон говорят они и отодвигаются от стола.

Сойер - будем считать так - хлопает Себастиана по плечу.

- Ну что, поехали?

Себ кидает на стол салфетку и поднимается со стула.

- Думаю, да. Лучше узнать что-то по геометрии, чем о прокладках.

- Давай поедем через пятнадцать минут? - говорит Истон и выскакивает из кухни.

Я потираю лоб, где над правым глазом начинает пульсировать боль.

- Элла... - Рид зовет меня так тихо, что я едва слышу его.

Я не обращаю на него внимания и смотрю в окно, на прозрачную спокойную воду в бассейне, жалея, что жизнь не может быть такой же безмятежной и умиротворенной.

- Мне пора, доедайте свой завтрак.

Каллум, громко шурша, складывает газету. Ножки стула скребут выложенный плиткой пол, когда он встает из-за стола.

- Я рад, что ты вернулась, Элла. Мы скучали по тебе. - Он кладет руку мне на плечо и уходит из кухни.

- Я тоже закончила, - я роняю ложку рядом со своим недоеденным завтраком.

- Брось. Я уже сваливаю. - Рид поднимается на ноги. - Тебе нужно поесть, но пока я здесь, ты не станешь.

Я продолжаю игнорировать его.

- Я тебе не враг, - говорит он с оттенком грусти. - Я не рассказывал тебе о своем прошлом, потому что там полно идиотских ошибок. Я не знал, как ты отреагируешь. Был неправ, признаю. Но я собираюсь все исправить.

Он наклоняется ко мне, его рот застывает в дюймах от моего уха. Меня окутывает его запах, и я приказываю себе не дышать. Приказываю себе отвести взгляд от его сильной руки, мускулы на которой сокращаются, когда он упирается ладонью в стол.

- Я не сдамся, - шепчет он, и его теплое дыхание щекочет мою шею.

Наконец я отвечаю ему. Тихо и насмешливо.

- А следует. Я скорее пересплю с Дэниелом, чем вернусь к тебе.

Он со свистом втягивает в себя воздух.

- Мы оба знаем, что это неправда. Но я многое понимаю. Я причинил тебе боль, и теперь ты хочешь отомстить мне.

Я смотрю ему в глаза.

– Нет, я не хочу мстить тебе. Зачем тратить свои силы зря? К тому же я не хочу лишний раз думать о тебе. Мне плевать на тебя и твоих девушек. Я хочу лишь одного – чтобы меня оставили в покое.

Рид стискивает челюсти.

– Ради тебя я готов сделать что угодно. Я бы повернул время вспять, чтобы все изменить, если бы мог. – Его взгляд, устремленный на меня, полон решимости. – Но я никогда не отстану от тебя.

Глава 10

Я вхожу в свою спальню и вижу на кровати развалившегося Истона. Между ног у него стоит жестяная банка – не пиво, слава богу, – а в руке – пульт от телевизора.

– Как ты сюда попал? – сердито спрашиваю я.

– Ты забыла закрыть дверь. – Он хлопает по свободному месту на матрасе. – Залезай. Я посмотрю телик, а ты пока позвони Вэл.

– Я звонила ей до завтрака. – Запихнув кое-какие вещи в рюкзак, я закидываю его на плечо. – У вас тут где-нибудь поблизости есть секонд-хенд?

Истон скатывается с кровати и встает рядом со мной перед шкафом.

– Понятия не имею, но если тебе надоела твоя одежда, то вполне можешь избавиться от нее на неделе перед зимним балом. В школе будут проводить благотворительные мероприятия.

Зимний бал? Я хочу расспросить о нем, но решаю, что на самом деле не хочу ничего знать. Я не собираюсь тратить время на всякую идиотскую белиберду, устраиваемую в Астор-Парке.

– Еще бы, – бурчу я. – Каллум говорит, у меня есть деньги. Наверное, я смогу ими воспользоваться.

– Зачем они тебе?

– Купить одежду.

– У тебя есть одежда, – он показывает на шкаф.

– Я собираюсь сжечь старую и купить новую, ясно? – От злости и раздражения я начинаю грубить, хотя совсем не хотела этого. – Что такого в том, что я хочу пройтись по магазинам? Девчонкам нравится шопинг.

Сверкающие глаза Истона внимательно изучают меня, с куда большей проницательностью, чем можно было от него ожидать.

– Но ты не обычная девчонка. И да, мне это кажется странным, но я сложил два и два. Одежду покупала Брук. Ты ненавидишь Брук. Одежда должна исчезнуть.

Я скрещиваю руки на груди.

– Тебе Рид рассказал или ты все знал с самого начала?

– Он рассказал мне, – отвечает Истон.

– Хорошо, твои яйца спасены.

Я отталкиваю его в сторону и беру пару кроссовок.

Начиная с сегодняшнего дня я буду строить новую жизнь. В ней не будет места парням, которые спят с подружками своих отцов и попутно крутят любовь со сводными сестрами. А еще я уничтожу любую стерву, которая попробует наехать на меня.

Хорошо, что стерва номер один, Джордан, сегодня в школе, иначе я могла бы толкнуть ее в бассейн, привязав к ее шее парочку камней.

– Какое у тебя злобное выражение лица! Чертовски сексуально. Пообещай мне, что, прежде чем убить меня, позволишь испытать оргазм, – шутит Истон.

– Однажды ты получишь свое по полной программе.

– Ты хочешь напугать меня, но, если честно, я жду не дождусь. По-моему, нам будет весело.

Той девушке, которая бросит вызов Истону, нужно будет держать в одной руке кнут, а в другой – пистолет. Но я уверена, его вообще невозможно укротить.

Я беру ключи от моего роскошного, покрашенного на заказ кабриолета. Мне было по-настоящему грустно оставлять здесь мою малышку.

– Как думаешь, у Вэл найдется что-нибудь перекусить? – спрашивает Истон. – Я опять хочу есть.

– Вот и иди на кухню, потому что со мной ты не поедешь.

– Тогда Рид поедет.

Я останавливаюсь у двери.

– То есть?

– Папа боится, что ты опять убежишь, и поэтому кто-то из нас все время будет с тобой. Хорошая новость в том, и сейчас ты очень разозлишься, что на твоём окне установили сигнализацию.

Я бросаю ключи на комод и иду к ванной.

– Видишь те красные датчики? – Истон наклоняется и показывает на две крошечные световые точки в оконной раме. – Папа получит сообщение, как только ты откроешь окно. И кто теперь поедет с тобой к Вэл? Я или Рид?

– Сумасшествие какое-то, – я качаю головой. – Ладно, поехали.

Истон послушно следует за мной вниз по ступенькам и потом на парковку. Я выезжаю через огромные ворота. У меня нет настроения болтать, но у Истона свое мнение на этот счет.

– Уж если кто-то и должен злиться, так это я. Ты сбежала, не сказав ни слова. Я волновался. Тебя могли убить, вообще-то.

Спасибо, я поговорила на эту тему с Ридом.

– Похоже, я не единственная, на кого ты сердишься. Почему вы с близнецами так смотрели на Рида за завтраком?

– Он ведет себя как козел.

– Ты только сейчас понял?

Истон разглядывает свои кроссовки, когда отвечает мне.

– Раньше это не имело значения.

Нет смысла отвечать.

Каррингтоны живут в десяти минутах от нас, и я уже въезжаю на их подъездную дорожку. У черного входа стоит Вэл, и вид у нее не самый счастливый.

– Что такое? – спрашиваю я, когда мы подходим к ней.

Она кивает в сторону Истона.

– Что он тут делает?

– Прости, но с Эллоу всегда должен быть кто-то из Ройалов, – отвечает он. – Папино распоряжение.

Вэл недоверчиво смотрит на меня.

– Реально так?

– Понятия не имею, но клянусь тебе, я бы точно оставила Истона дома, если бы смогла.

– Эй, мне обидно.

Это вполне может оказаться правдой, поэтому я начинаю упрашивать Вэл.

– Он ничего никому не скажет.

Она закатывает глаза.

– Ой, ладно, входите уже.

– Есть что пожрать? – спрашивает Истон, когда мы проходим через кухню.

– Угощайся, – Вэл показывает на столешницу, где стоят ваза с фруктами и торт под стеклянным колпаком. – Можешь остаться здесь. Нам с Эллой нужно поговорить с глазу на глаз.

– Нет уж. Я пойду с вами, – Истон прижимается ко мне. – Элла заявила, что вы собираетесь тестировать прокладки. Мне тоже интересно.

Вэл в недоумении смотрит на меня.

– Истон, пожалуйста. Оставь нас хотя бы на десять минут, – умоляю я.

– Ладно, но тогда я съем торт.

– Пожалуйста, чемпион, – говорит ему Вэл и вытаскивает меня на застекленную веранду, которая тянется вдоль дома.

Дом Каррингтонов представляет собой настоящий южный особняк, с просторными верандами, каннелированными колоннами и лужайкой, которую, похоже, подстригают вручную. Мне сразу представляется, как много лет назад дамы, одетые в пышные платья и белые кружевные перчатки, сидели в креслах-качалках, держа в руках расписные веера, и говорили что-то типа «моя земля». Наверное, пересмотрела «Унесенных ветром».

Вэл плюхается на один из цветастых диванчиков.

– Кажется, Тэм изменяет мне.

– Не может быть!

Я удивленно ахаю и сажусь на диван рядом с ней. Тэм и Вэл вместе уже больше года. Он учится в колледже в нескольких часах езды отсюда, и, судя по тому, что иногда рассказывает Вэл, у них очень яркая интимная жизнь, которая включает в себя чувства напоказ и секс по телефону. Я еще ни разу не занималась сексом, что уж говорить о каких-то сексуальных чудачествах. Если на свете есть отношения, которые могут выдержать испытание расстоянием, то это отношения Вэл и Тэма.

– Почему ты так думаешь?

– Он должен был приехать ко мне в прошлом месяце, помнишь?

Конечно. Она так радовалась, а он слился в последнюю минуту.

– Ты говорила, он не смог приехать, потому что у него завал с домашней работой. – Глядя на ее несчастное выражение лица, я догадываюсь: – Это был всего лишь предлог?

Вэл судорожно вздыхает.

– Вчера вечером он позвонил мне и объявил, что нам нужно поговорить.

- О нет.

- Мы поговорили по телефону. Тэм сказал, что в колледже весело - и он понял, каким ребенком был, когда учился в старшей школе. Поклялся, что не изменял мне, но думает, что расстояние и соблазны слишком велики для него, и чтобы быть *честным* по отношению ко мне, - она словно выплевывает слово «честным», - ему нужна уверенность в том, что я не буду против, если он захочет встречаться с другими девушками.

- Погоди-ка, - я поднимаю руку. - Он позвонил не для того, чтобы распрощаться, а чтобы попросить твоего разрешения изменять тебе?

- Типа того, - в глазах Вэл полыхает злость. - Хуже не придумаешь.

- И ты сказала ему...

«Надеюсь, ты сказала ему, что он может подавиться твоим разрешением», - хочется произнести мне, но я не хочу никого осуждать. Сейчас ей это нужно меньше всего. Как-нибудь потом я напомню ей, какая она классная и что не заслуживает, чтобы такой подонок, как Тэм, использовал ее. Но пока я просто поддержу подругу.

- Надеюсь, ты сказала ему, что чувствуешь по этому поводу, - заканчиваю я свою мысль.

- Я сказала ему, что он может трахаться с другими, когда ему хочется, но про меня он может забыть.

Она небрежным движением отбрасывает назад прядь волос, но рука ее дрожит, а на глазах выступают слезы.

- Ему же хуже, верно?

- Я все время говорю себе об этом, но легче не становится. Часть меня хочет угнать машину Джордан и поехать к нему. Но я не знаю, что буду делать, когда окажусь там. Либо врежу ему по яйцам, либо поцелую. - Содрогнувшись, Вэл смотрит на меня из-под ресниц. - Кстати, я врезала по яйцам Риду, из-за тебя.

- Правда? - Я начинаю хохотать, представляя, как крошечная Вэл пинает гигантского Рида между ног. - Чем это было вызвано?

- Самим его существованием. Его самодовольной рожей. Отказом сказать мне, где ты. - Вэл бросается на меня и снова обнимает. - Я так рада, что ты вернулась!

- Хм.

Я поднимаю глаза и вижу ухмыляющегося Истона.

- Думал, вы хотели поговорить. Но если у вас тут девочка с девочкой, я весь ваш.

- Ты говоришь это любой особи женского пола от двух до восьмидесяти двух, - ворчит Вэл.

- Угу, - он притворяется обиженным. - Я не хочу, чтобы кто-то чувствовал себя одиноким.

Он отталкивается от двери, проходит на веранду и садится с другой стороны от Вэл.

- Проблемы с парнем?

Вэл опускает голову на руки.

- Да. Он решил, что нам нужны *свободные* отношения.

- То есть он хочет жрать вне дома, но все равно приходить на ужин?

- Да.

- И тебе это не нравится.

- Эх, еще бы. Я предпочитаю верных парней. Вам, Ройалам, не понять.

- Ой, Вэл, что я тебе сделал? - Истон наигранно потирает грудь.

- У тебя есть пенис. Поэтому ты автоматически на стороне врага.

Истон игриво шевелит бровями.

- Но мой пенис может делать чудесные вещи. Спроси любую девчонку в Асторе.

- Эбби Кинкейд, например? - с вызовом спрашивает Вэл.

Я вскидываю голову и с изумлением смотрю на Истона.

- Ты переспал с бывшей девушкой твоего брата?

Он, краснея, откидывается на подушки.

- Ну и что с того? Мне казалось, ты ненавидишь Рида.

Ого! Одно дело, когда братья Ройалы ссорятся дома, но вражда на людях - это что-то новенькое... Теперь мне не по себе. Как бы сильно я ни злилась на Рида, мне не нравится наблюдать за конфликтом между братьями. Я вдруг начинаю испытывать сочувствие к Риду, а он, черт побери, совсем этого не заслуживает.

Я меняю тему разговора.

- Кроме приближающихся тестов, что еще происходит в школе?

- Завтра Хэллоуин, но Берингер запретил нам приходить в костюмах, - Вэл пожимает плечами. - Правда, в пятницу после игры у Монтгомери будет вечеринка. И там всем нужно быть наряженными.

Я морщусь.

- Нет уж, спасибо.

Мне не нравится Хэллоуин. Когда я была маленькой, мама целые ночи напролет работала в клубах, а я не выпрашивала угощения у соседей, как делали мои ровесники. И я ненавижу наряжаться в костюмы. Мне хватило их, когда я сама работала.

- Что еще? – спрашиваю я.

Вэл с осуждением тычет пальцем в Истона.

- Ну, Ройалы теперь на дух не переносят друг друга. Рид не хочет поставить на место самых буйных учеников. А те, у кого хватает сознательности, ленятся либо боятся сказать хоть слово. Астор-Парк катится в тартарары. С каждым днем ситуация только накаляется. Если честно, я уже начинаю бояться, что кто-нибудь пострадает физически.

Значит, то, что произошло сегодня утром, уже в порядке вещей. Я хмуро смотрю на Истона.

- Что еще?

- Ты ходишь в школу, чтобы учиться, правильно? – с безразличным видом спрашивает он. – Считай, что некоторым не помешает получить урок, как самим о себе заботиться. В мире полно подонков. Они не исчезнут, когда ты окончишь школу. Лучше усвоить это сейчас.

- Истон, это ужасно.

- А тебе-то что? – в его голосе звучит упрек. – Ты уехала, оставив всех в прошлом. Пусть богатенькие мальчики и девочки из Астора на своей шкуре ощутят, каково оно, когда за них не вступится кто-нибудь из Ройалов. Разве ты не рада, что это место превращается в ад, каким ты его себе и представляла?

Если честно, я не думала про Астор, когда убегала, но сейчас узнала про травлю и издевательства, и мне это совсем не нравится.

- Нет, не рада. Почему ты так говоришь?

Он отворачивается к идеально выстриженной лужайке, и Вэл смущенно ерзает между нами.

- Просто забей, Элла, – наконец произносит он. – Ты не сможешь ничего изменить. Все, что в твоих силах, – просто опустить голову и постараться выжить.

Глава 11

Когда я приезжаю в пекарню к двум часам дня, там тихо. Я бы пришла раньше, но Люси была занята. Мне хочется, чтобы она накричала на меня, раз и навсегда покончив с этим, а потом дала мне фартук и поставила за прилавком.

Истон хотел опять пойти со мной, жалуясь, что два часа ничего не ел. Пришлось немного уговаривать его, и он согласился подождать в машине.

- Люси здесь? – спрашиваю я баристу, стоящего за кассой.

Я раньше не видела здесь этого высокого, нескладного мальчишку, и у меня появляется нехорошее предчувствие, что он – моя замена.

- Люси! - кричит он через плечо. - Тебя какая-то девушка спрашивает.

Из боковой двери показывается голова Люси.

- Кто?

Парень указывает на меня большим пальцем.

Увидев меня, она сразу мрачнеет.

- Это ты, Элла. Дай мне минутку. Присядь пока вон там.

Наверное, меня уволили.

Мальчишка за кассой бросает на меня сочувственный взгляд и поворачивается к посетителю. Я сажусь за свободный столик и жду Люси.

Ждать приходится недолго. Через минуту она выходит из подсобного помещения, держа в руках две кружки с кофе. Одну Люси ставит передо мной, из второй отпивает сама и садится.

- Две недели назад сюда приезжал Рид Ройал, искал тебя. На следующий день твой опекун, Каллум, позвонил мне и сказал, что ты сильно заболела и не появишься на работе. Проходит еще немного времени, и вот ты здесь, выглядишь вполне здоровой, хотя немного похудела. - Она наклоняется вперед. - Элла, тебе нужна помощь?

- Нет. Простите меня, Люси. Я должна была позвонить, но все равно не смогла бы прийти на работу.

Мне тяжело врать ей. Люси - прекрасная женщина, к тому же мне очень нравится тут работать. Об этом я и говорю.

- Мне здесь очень нравится, и я понимаю, что вы рискнули, когда наняли меня.

Люси поджмает губы и делает глоток из своей кружки. Постучав по ней пальцами, она говорит:

- Мне нужна была помощь, и когда ты перестала появляться, а я не смогла связаться с тобой, мне пришлось двигаться дальше. Ты ведь понимаешь, да?

Я киваю, потому что понимаю. Ничего не поделаешь.

- Простите меня, - повторяю я.

- Мне тоже очень жаль, что все так вышло. - Ее рука исчезает в кармане запачканного мукой фартука. - Вот, возьми. Позвони, если что-нибудь понадобится.

Что-нибудь, кроме работы.

- Спасибо, - отвечаю я, убирая визитную карточку в карман.

– Не теряйся, Элла, – мягко говорит Люси и встает из-за столика. – Если у меня появится вакансия, мы попробуем снова.

– Спасибо.

Мой словарный запас ограничен двумя словами: «спасибо» и «извините».

Люси делает еще глоток кофе и уходит на кухню, а я остаюсь раздумывать над тем, насколько неразумно было сбегать. На меня всегда можно было положиться. Но, даже несмотря на мои переживания из-за того, что подвела Люси, какая-то маленькая часть меня рада, что ей не все равно. Хоть кому-то не все равно.

Глава 12

Оказавшись следующим утром на территории школы, я сразу слышу перешептывания. Кто-то усмехнулся, другой просто тарачился, когда я парковала машину на стоянке для учеников, но в самом здании все оказывается намного хуже. Сначала – оглушительная тишина, а потом, пока я иду по коридорам, меня преследуют нескончаемый рокот голосов и презрительный смех.

Остановившись у своего шкафчика, я смотрюсь в зеркальце, прикрепленное к дверце, проверяя, не торчат ли волосы или нет ли в носу козявки. Нет, я выгляжу отлично. Одна из стандартных учениц Астор-Парка: белая блузка, темно-синяя юбка и пиджак.

Колготки я надевать не стала, потому что на улице еще достаточно тепло, и почти все девчонки в коридоре тоже с голыми ногами. Значит, перешептываются не из-за того, как я выгляжу.

Мне это не нравится. Слишком похоже на мой первый день в Асторе, когда никто не говорил со мной, потому что все ждали, как поведут себя Рид и его братья. Возненавидят они Эллу или приветят. В конце концов мои соученики выбрали нечто среднее. Большинство из них не сдружилось со мной, но, наверное, скорее, из-за того, что я намеренно ни с кем не общалась и тусовалась только с Вэл.

Сегодня почти все, мимо кого я прохожу, смотрят на меня с презрением. Торопясь на первый урок, я никак не могу перестать нервничать. Я чувствую себя неуверенно, и мне неприятно это ощущение.

Меня грубо пихают в сторону – какая-то темноволосая девица отталкивает меня, вместо того чтобы обойти. Она проходит на несколько шагов вперед, но затем останавливается и смотрит на меня.

– С возвращением, Элла. Как прошел аборт? Было больно? – девица невинно улыбается.

От шока у меня даже приоткрывается рот, но я заставляю себя закрыть его. Девицу зовут Клэр какая-то там. Она была подружкой Истона, пока он не устал от нее.

– Катись ты, – бурчу я и прохожу мимо.

К кабинету химии мы с Истоном подходим одновременно. Взглянув на меня, он тут же хмурится.

- Ты в порядке, сестричка?

- Все отлично, - отвечаю я сквозь зубы.

Не думаю, что Истон поверил мне, но он не произносит ни слова и входит в класс вслед за мной. Мы садимся за стол, который делим с ним с начала учебного года, и я замечаю, как на нас смотрят и ухмыляются.

- Как мило. Секс-кукла Ройалов вернулась, а, Истон? - растягивая слова, говорит парень, сидящий в конце класса. - Готов поспорить, вы с Ридом очень обрадовались.

Истон разворачивается на стуле. Мне не видно его лица, но «шутник» затыкается.

Кто-то кашляет, и тут же раздаётся шелест открываемых тетрадок и расправляемой одежды.

- Не обращай на них внимания, - советует мне Истон.

Легко сказать.

Дальше становится только хуже. Наши с Истоном расписания совпадают почти по всем предметам, и каждый урок он садится рядом со мной. У меня начинают пылать щеки, когда я слышу, как две девчонки шепчутся, что я сплю с обоими сводными братьями.

- Она и с Гидеоном трахается, - говорит одна из них, даже не утруждаясь понизить голос до шепота. - Наверное, его ребенка у нее и вычистили.

Истон снова разворачивается на стуле и одаривает их убийственным взглядом, и хотя это заставляет злобных стерв притихнуть, тревожный голос в моей голове ничем не унять.

Вэл предупреждала меня о слухах, которые ходят по школе, но неужели все действительно так думают? Что я уехала, чтобы сделать аборт? Что я спала с Ридом, Истоном и Гидеоном?

Мне не привыкать к унижению: раздеваться в стрип-клубах в возрасте пятнадцати лет - тот еще урок. Но знать, что в школе говорят про тебя такие отвратительные вещи... У меня на глазах выступают слезы.

И я напоминаю себе, что у меня есть Вэл. Что она единственная во всем Астор-Парке, чье мнение имеет значение. Ну и Истонона, конечно. С тех пор, как я вернулась в Бейвью, он не отходит от меня ни на шаг, и мне ничего не остается, как начать считать его своим другом. Несмотря на то, что я ненавижу его брата.

После урока я иду к шкафчику, чтобы поменять учебники, потому что в сумку все не помещается. Истон исчезает где-то в коридоре, но успевает сжать мою руку, когда мы снова становимся объектом чьих-то гадких пересудов.

- Что, сегодня день Истонона?

Когда рядом раздаётся голос Джордан, внутри меня все замирает. А я все гадала, когда она появится, чтобы «поприветствовать» меня.

Вместо того чтобы ответить, я беру с верхней полки учебник по всемирной истории, положив на его место учебник по химии.

- Это что-то типа графика, да? Ты чередуешь Рида и Истона. По понедельникам, средам и пятницам трахаешься с Ридом. По вторникам, четвергам и субботам - с Истоном, - Джордан склоняет голову набок. - А воскресенье? Это день одного или сразу обоих близнецов?

Я захлопываю дверцу шкафчика и, повернувшись к ней, улыбаюсь.

- Нет, по воскресеньям я сплю с твоим парнем. А когда он занят, развлекаюсь с твоим папочкой.

Ее глаза злобно вспыхивают.

- Следи за тем, что говоришь, дрянь.

Мне тяжело сдерживать на лице улыбку.

- Сама за собой следи, Джордан. Или хочешь, чтобы я снова отделала тебя? - Я намекаю на то, как расправилась с ней в спортзале месяц назад.

Она хрипло усмехается.

- Давай, попробуй. Посмотрим, как у тебя получится, когда рядом нет Рида, твоего защитника.

Я делаю шаг вперед, но она и бровью не ведет.

- Мне не нужна защита Рида. Никогда не нужна была.

- Ох, неужели?

- Представь себе, - я упираюсь пальцем ей в грудь, прямо между ее выпирающих грудей. - Я в состоянии разобраться с тобой, Джордан.

- В Астор-Парке наступила новая эра, Элла. Ройалы больше не правят в школе. Я - главная. Мне достаточно сказать слово - и каждый здесь будет только рад сделать твою жизнь невыносимой.

- Ой, как страшно!

Ее губы кривятся в улыбке.

- Тебе стоит бояться.

- Как тебе угодно! - Мне до смерти надоело слушать, как девица упивается своей властью. - Свали к чертям, мне надо пройти.

Она перебрасывает через плечо свои блестящие каштановые волосы.

- А если я не хочу?

- Что происходит? – раздаётся мужской голос.

Мы поворачиваемся и видим Сойера. Его рыжеволосая подружка Лорен стоит рядом с ним. Она с тревогой смотрит то на Джордан, то на меня.

- Тебя это не касается, малыш Ройал, – Джордан даже не глядит в его сторону, но зато с презрением окидывает взглядом Лорен. – Тебя, Донован, тоже не касается. Бери своего Сойера и убирайтесь с глаз долой. Или это Себастиан? Никогда не могу их различить.

На ее губах появляется злобная усмешка.

- А ты, милочка? Ты их различаешь? Или предпочитаешь закрывать глаза, когда они трахают тебя?

Раньше я задавалась вопросом, знает ли Лорен о том, что Сойер и Себастиан иногда меняются местами, и сейчас выражение ее лица дает красноречивый ответ. Она выглядит не изумленной, а смущенной и оскорбленной.

Но девчонка куда смелее, чем я думала. Она встречает насмешливый взгляд Джордан и говорит:

- Заткнись, Джордан.

Берет Сойера за руку и утаскивает прочь.

Джордан смеется.

- Да у них вся семейка отмороженная! Но готова поспорить, ты кайф от этого ловишь, как и шлюшка Лорен. Правда, Элла? Грязная стриптизерша, как ты, наверное, наслаждается парной игрой с обоими Ройалами.

- Ты закончила? – натянуто спрашиваю я.

Она подмигивает мне.

- О нет, милая. Я с тобой никогда не закончу. И, вообще, это только начало.

Она грациозно машет мне пальцами и, не оглядываясь, уходит по коридору.

Я наблюдаю за ней, гадая, в какое адское пекло я попала.

* * *

Во время ланча мы с Вэл сидим за столиком в самом углу, и я пытаюсь притворяться, что в мире существуем только мы вдвоем. Что очень сложно, потому что ощущаю на себе взгляды всех, кто находится в столовой, и жутко нервничаю.

Вэл откусывает от запеченного бутерброда с тунцом.

- На тебя пялится Рид.

Еще бы. Развернувшись, я замечаю его за столом, полным футболистов. Истон тоже там, но сидит в другом конце, а не как обычно, рядом с Ридом.

Я украдкой бросаю взгляд на Рида, пронзительные голубые глаза которого наблюдают за мной. Те самые, которые томно смотрели на меня, когда мы целовались. Которые вспыхивали ярким пламенем, стоило нам оказаться в одной комнате.

- Ты не собираешься рассказать мне, что между вами произошло?

Я отворачиваюсь от Рида и, засунув в рот немного пасты, непринужденно объявляю:

- Нет.

- Да ладно тебе! Ты знаешь, что можешь все мне рассказать, - не отстает Вэл. - Я - могила.

Моя нерешительность не вызвана недоверием. Но я не привыкла делиться личным. Мне гораздо удобнее заглушить свои эмоции. Но в глазах Вэл столько надежды, что я чувствую себя обязанной рассказать ей хоть что-то.

- Мы были вместе. Он облажался. Мы расстались.

Она кривит губы.

- Да уж. Кто-нибудь говорил тебе, что ты ужасная рассказчица?

Я морщусь.

- Пока это все.

- Ладно, не буду изводить тебя расспросами на эту тему. Но знай, что когда тебе захочется поговорить, я всегда рядом и готова выслушать. - Вэл откручивает крышку бутылки с водой. - Чем займемся сегодня вечером?

- Ты еще не устала от меня? - шучу я.

После неутешительной встречи с Люси я снова отправилась к Вэл, мы обожрались тортом и посмотрели все три части «Шага вперед». Истон ушел в середине второго фильма и уже не возвращался.

- Эй, я в печали, - она выпячивает нижнюю губу. - Ты должна отвлечь меня, чтобы я не думала о Тэме. Хэллоуин был нашим любимым праздником. Мы наряжались в парные костюмы.

- Ох, он опять пишет тебе?

Прошлым вечером от него пришло три сообщения, но Вэл оставила их без ответа.

- Постоянно. Теперь он хочет приехать, чтобы мы смогли поговорить лично. - Видно, как ей тяжело. - Разбитое сердце - просто отстой.

Как будто я не знаю.

«Вспомни черта» – мой телефон уведомляет о новом СМС. Я морщусь, увидев на экране имя Рида.

«Не читай!» – приказываю сама себе.

Но, как самая настоящая идиотка, конечно, читаю.

Хватит вести себя, как будто я тебе безразличен. Мы оба знаем, что это не так.

Я стискиваю зубы. Уф, самонадеянный козел.

На экране вспыхивает следующее сообщение.

Ты скучала по мне. Точно так же, как я скучал по тебе. Мы пройдем через это.

Нет. Мне хочется накричать на него, чтобы он перестал писать мне, но единственное, что я точно знаю про Рида Ройала, – он самлюбивый придурок и делает только то, что хочет и когда хочет.

И его следующее сообщение лишний раз доказывает это.

Брук была ошибкой. Это случилось до нашей встречи. Но больше никогда не повторится.

От одного вида имени Брук я с силой стискиваю телефон. И, не успев остановить себя, пишу то, что думаю.

Никогда не прощу тебя за то, что ты переспал с ней. Оставь меня в покое.

– Ты помнишь, что я еще здесь?

Язвительный вопрос Вэл заставляет меня виновато покраснеть. Я быстро засовываю телефон в сумку и поднимаю вилку.

– Прости. Писала Риду, чтобы он отвалил от меня.

Вэл смеется, запрокинув голову.

– Боже! Я так по тебе скучала!

Я тоже смеюсь, впервые за весь день по-настоящему.

– Я тоже, – я говорю чистую правду.

* * *

Когда звенит последний звонок, я более чем готова ко всем чертям убраться из школы. Мой первый день прошел так же весело, как попытка утоплением. Злобные смешки, перешептывания, ехидные подколы, недоброжелательные взгляды. Я хочу запереться в своей спальне, включить музыку и притвориться, что сегодняшний день вообще не наступал.

Я даже решаю не ходить к шкафчику. Закидываю сумку на плечо, пишу Вэл, чтобы она сообщила мне, придет или нет, и спешу на парковку.

И останавливаюсь как вкопанная, потому что у машины, прислонившись к дверце со стороны водителя, маячит Рид.

- Что тебе еще нужно? – огрызаюсь я.

Мне до смерти надоело, что он постоянно попадает на глаза. И я ненавижу его за то, как классно он сейчас выглядит. Становится прохладнее, его темные волосы взъерошены ветром, острые скулы покраснели от холода.

Его огромное мускулистое тело отрывается от машины, и он идет мне навстречу.

- Сойер сказал, Джордан цеплялась к тебе.

- Единственный, кто ко мне цепляется, – это ты. – Я одариваю его ледяным взглядом. – Перестань присылать мне сообщения. Перестань говорить со мной. Все кончено.

Он только пожимает плечами.

- Если бы я верил в это, то оставил бы тебя в покое. Но я не верю.

- Я заблокирую твой номер, – предупреждаю я.

- Я куплю новый телефон.

- Я поменяю свой номер.

Он фыркает.

- Ты и впрямь считаешь, что я не смогу его узнать?

Я прижимаю сумку к груди, прикрываясь ею словно щитом.

- Все кончено, – повторяю я. В горле щемит от накатившей боли. – Ты изменил мне.

- Я никогда не изменял тебе, – хриплым голосом отвечает Рид. – Я не прикасался к Брук полгода.

Он кажется таким искренним. А что если это правда? Что если...

«Не будь идиоткой!» – кричит мне внутренний голос. Уф. Конечно, он врет, а мне нужно быть умнее и не вестись на честное выражение лица и слегка дрожащий голос. Я все детство провела, наблюдая, как мама снова и снова влюбляется не в тех парней. Они лгали ей. Использовали ее. И как бы я ее ни любила, я ненавидела то, насколько глупой она была, когда дело касалось мужчин. Проходило несколько месяцев, иногда почти год, прежде чем мама понимала, что лживый подонок в ее постели не стоит потраченного на него времени, а я стояла в стороне и ждала, когда она возьмется за ум.

Я не хочу, чтобы мной так же играли.

- Катись к черту, Рид, - сердито говорю я. - Между нами все кончено.

Он придвигается ближе.

- Да? То есть ты говоришь мне, что больше не хочешь меня?

- Именно это я тебе и говорю.

Я обхожу его и буквально подлетаю к машине. Но моя попытка к бегству оборачивается против меня. Рид быстро разворачивается и прижимает меня спиной к дверце.

Исходящий от его тела жар опалает даже через одежду. Пульс тотчас ускоряется, когда он опускает обе ладони на машину, поймав меня в капкан.

- Говоришь, я больше не завожу тебя?

Он наклоняет голову, и его теплое дыхание обжигает мою шею. Когда по моему телу невольно пробегает дрожь, он тихонько смеется.

- Признайся, что ты скучаешь, Элла.

Я сжимаю губы.

Щека Рида трется о мою, когда он продолжает шептать мне на ухо.

- Ты скучаешь по моим поцелуям. Ты скучаешь по тому, как я проскальзывал в твою постель по ночам. Ты скучаешь по тем ощущениям, которые охватывают тебя, когда мой рот оказывается вот *здесь*...

Он прижимается губами к моей шее, и я снова дрожу. В ответ раздается еще один хриплый смешок.

- Похоже, я и правда никак не действую на тебя, а, детка?

- *Не называй* меня так. - Я со злостью отпихиваю его, стараясь не обращать внимания на то, как громко колотится мое сердце. Ненавижу, что он имеет надо мной такую власть. - И оставь меня в покое.

Позади нас раздается низкий голос.

- Ты слышал, оставь ее в покое.

Истон подходит к нам и стальной хваткой впивается в плечо Рида. Хоть Истон на год младше него, но такой же высокий и рельефный. Ему ничего не стоит оттащить от меня Рида.

- У нас приватный разговор, - говорит Рид, как будто не чувствует, что к нему применяют физическую силу.

- Да? - Истон смотрит на меня. - Ты хочешь поговорить с нашим старшим братцем, сестренка?

– Нет, – отвечаю я с натянутой веселостью.

Истон широко улыбается.

– Тогда тебе пора, Рид. Разговор закончен. – Насмешливый огонек в его глазах угасает, сменяясь раздражением. – К тому же папа только что прислал сообщение. Он хочет, чтобы мы поскорее приехали домой. Они с Брук хотят сделать какое-то объявление.

Я поднимаю глаза на Истона.

– Брук?

Резко рассмеявшись, он поворачивается к Риду.

– Ты не сказал ей?

– Что не сказал? – требовательно спрашиваю я.

Какого черта Брук делает в доме?

Рид смотрит на брата с окаменевшим лицом.

– Ого! Интересно, почему ты ничего не сказал? – Истон пожимает плечами, глядя на меня. – Папа и Брук снова вместе.

У меня холодеет кровь в жилах. Что? Почему Каллум опять сошелся с ведьмой?

И как вообще я смогу смотреть ей в лицо после того, что видела той ночью в комнате Рида?

У меня подкашиваются ноги, руки дрожат. Надеюсь, мальчишки не замечают, как сильно меня трясет, как сильно расстроила меня эта новость.

Вдруг у меня пропадает всякое желание возвращаться домой.

Глава 13

Наши машины одна за другой въезжают на огромную круговую подъездную дорожку особняка Ройалов. Мой кабриолет. Пикап Истона. «Рендж ровер» Рида и «ровер» близнецов. Я остаюсь сидеть в машине, наблюдая, как братья Ройал хлопают дверцами и исчезают через черный вход дома.

Поверить не могу, что Брук здесь. Поверить не могу, что Рид «забыл» сказать мне об этом. Досаждая мне своим присутствием, в перерывах насмешками по поводу того, как он собирается вернуть меня – и как я по-прежнему хочу его, – почему он так и не сказал мне, что Брук вернулась?

Но, конечно, он ничего не говорил. Думает, если притворится, что никогда не прикасался к Брук, что ее не существует, я все позабуду.

Он напрасно надеется. Элла Харпер ничего не забывает. Никогда.

Я делаю глубокий вдох и приказываю себе выйти из машины. Но остаюсь сидеть, где сидела. И вылезая, только когда открывается соседняя дверца.

- Элла, - улыбаясь от уха до уха, окликает меня Брук.

Я беру сумку, обхожу машину и пытаюсь пройти мимо нее, но она перегораживает мне путь. Мне еще никогда и никого так сильно не хотелось ударить, как эту женщину. Блондинка Брук все такая же насквозь фальшивая, какой я ее запомнила. На ней дорожное мини-платье, высоченные каблуки и столько бриллиантов, что ими можно заполнить магазин «Тиффани».

- Мне нечего тебе сказать, - заявляю я.

Она смеется.

- Дорогая, ты это не всерьез?

- Еще как всерьез. А теперь прочь с дороги.

- Только после того, как мы с тобой перекинемся парой словечек, между нами, девочками, - чирикает она. - Я не позволю тебе войти в дом, пока мы кое-что не выясним.

От изумления у меня пропадает дар речи, но я беру себя в руки.

- Нам нечего выяснять. - По какой-то причине я понижаю голос до шепота, хотя они с Ридом заслужили, чтобы я кричала об этом во всю глотку. - Ты переспала с сыном Каллума.

- Разве? - Брук опять хихикает. - Потому что, если бы это было правдой и кто-то в доме узнал, - она многозначительно смотрит на меня, - тогда Каллум бы тоже знал.

Она права. И я начинаю злиться на себя за свое молчание. Одно только слово Каллumu - и Брук осталась бы в прошлом. Он бы вышвырнул ее из дома за секунду - быстрее, чем можно сказать «подлая стерва».

Но... он вышвырнул бы и Рида тоже. Даже мог бы отречься от него.

Боже, я ненормальная. Больная на голову. Зачем мне вообще переживать о том, что будет с Ридом Ройалом?

Брук улыбается так, словно читает мои мысли.

- Эх, ты! Бедная, жалкая девчонка! Ты влюблена в него.

Я стискиваю зубы. Она ошибается. Я больше не люблю его. Не люблю.

- Я пыталась предупредить тебя. Говорила, что Ройалы разрушат твою жизнь, но ты не прислушалась.

- И поэтому ты решила наказать меня? - язвительно спрашиваю я.

- Наказать тебя? - она моргает, видимо, искренне удивленная моим вопросом. - И что именно я тебе сделала, милая?

Я в изумлении таращусь на нее.

- Ты переспала с Ридом. Я застала вас! Или ты уже обо всем забыла, потому что тебе так удобно?

Брук взмахивает рукой.

- О, так ты о той ночи, когда сбежала? Мне жаль разочаровывать тебя, но тогда не было... никакого веселья.

- Т-ты была голой, - заикаясь, говорю я.

- Я отстаивала свою точку зрения. - Брук закатывает глаза, видя мое полное недоумение. - Нужно было кое-что доказать Риду.

- Что ты изменщица и лгунья?

- Нет, что это мой дом, - она показывает на особняк позади нас. - Он больше не диктует условия. Теперь балом правлю я.

Брук наматывает на палец прядь сияющих золотистых волос, а потом заправляет ее за ухо.

- Я хотела показать ему, что может произойти, если он переступит черту. Хотела заставить его понять, что могу запросто уничтожить его. Видишь, как легко все получилось? Я сняла платье, и *пуф!* Ваши с ним отношения рассеялись как дым. Это, моя дорогая, и называется властью.

Я закусываю щеку. Чему теперь верить? А если Рид договорился с ней? Она будет врать и притворяться, что не спала с ним, в обмен на... что? Да и какая разница? Когда-то они переспали. И если он способен вот так предать своего отца, что ему стоит предать *меня?*

- Ты переспала с сыном Каллума, - повторяю я, на лице отражается все отвращение, которое я испытываю к ней. - Неважно, было ли между вами что-то той ночью или нет. Факт остается фактом, ты изменила ему с его же собственным сыном.

Она лишь улыбается.

К горлу подступает тошнота.

- Ты...

Я умолкаю. Уф, у меня даже не находится слов, чтобы как следует унизить ее.

- Кто я? - усмехается она. - Потаскушка? Охотница за деньгами? Или ты сможешь придумать оскорбление похуже? Я не понимаю, почему мы с тобой не можем держаться вместе, но если честно, дорогуша, твое мнение для меня ничего не значит. Скоро этот дом станет моим, я буду главной. Тебе надо хорошенько постараться, чтобы заполучить мое расположение.

Брук выгибает бровь.

Я напоминаю себе, что сотни раз сталкивалась с подобными ей. Она – закулисный тиран. Притворяется милой со всеми, у кого есть деньги. Презирает девушек, которые не смогут помочь ей подняться вверх по социальной лестнице. И готова уничтожить любого, кто – так или иначе – представляет для нее угрозу.

В общем, я черпаю мужество в том, что Брук считает меня угрозой, и выгибаю бровь в ответ.

– Каллум никогда не позволит тебе вышвырнуть меня. А если и позволит, мне плевать. Я пыталась сбежать отсюда, не забыла?

– Но ты вернулась, не так ли, дорогуша?

– Потому что он заставил меня, – бормочу я.

– Нет, потому что ты этого хотела. Ты можешь сколько влезет говорить, как ненавидишь Ройалов, милочка, но правда в том, что ты *хочешь* быть частью семьи. Да любой семьи, если уж на то пошло. Бедной сиротке Элле нужен кто-то, кто будет любить ее.

Она ошибается. Мне ничего не нужно. Я была сама по себе целых два года после смерти мамы. И смогу снова. Мне неплохо и одной.

Ведь правда?

– Я легонько подтолкну Каллума в нужном направлении, и, ручаюсь, он станет думать так, как захочется мне, – говорит Брук. – А каким будет это направление, зависит только от тебя. Ты хочешь и дальше жить так, как живут Ройалы, или хочешь снова трясти задом за долларовые бумажки? Твоя судьба в твоих руках.

Она указывает накрашенным ногтем на пустоту рядом с собой.

– Для тебя здесь пока еще есть место.

Раздается шум мотора, и мы обе разворачиваемся на звук. Внедорожник Гидеона резко тормозит за пикапом Истона. Самый старший из братьев Ройал выпрыгивает из машины, окидывает нас взглядом и спрашивает:

– Что происходит?

– Поздравляю Эллу с возвращением в лоно семьи, – подмигнув мне, отвечает Брук. – Давай, дорогой, подойди и поцелуй меня.

У Гидеона такой вид, что он скорее поцелует кактус, чем ее, но, тем не менее, нехотя подходит и бесстрастно чмокает ее в щеку.

– В чем дело? – недовольно спрашивает Гидеон. – Мне пришлось пропустить занятия и три часа потратить на дорогу сюда. Надеюсь, это что-то важное?

– Очень важное, – Брук загадочно улыбается нам. – Давайте зайдем в дом, и мы с вашим отцом все вам расскажем.

* * *

Спустя пять минут мрачный Каллум приглашает нас в гостиную. Его рука покровительственно лежит на талии Брук. А сама Брук? У нее вид довольный, как у кошки на рыбном рынке.

Комната изысканно оформлена в стиле, который я бы охарактеризовала как «элегантный южноплантаторский». На стенах – кремово-бежевые обои. Потолок украшен лепниной. Здесь настолько просторно, что помещаются две зоны отдыха: одна, обитая шелковой тканью персикового цвета, рядом с окнами от пола до потолка, вторая ближе к дверям. Брук усаживается в одно из зелено-оранжевых кресел, стоящих рядом с камином.

Над каминной доской висит великолепный портрет Марии Ройал. В том, что Брук сидит в этой комнате, прямо напротив портрета, есть что-то ужасно неправильное. Кошунственное.

Налив себе виски, Каллум встает рядом с Брук. Одна его рука лежит на изголовье ее кресла, вторая сжимает полный до краев стакан.

Гидеон подходит к окнам и, засунув руки в карманы, смотрит на лужайку перед домом. Мы с Истоном хотим подойти к нему, но нас останавливает голос Каллума.

– Сядьте. Ты тоже, Гидеон.

Гидеон не двигается. Он как будто не слышит голос Каллума. Рид смотрит на отца, потом на Гидеона и сразу принимает решение. Он подходит к брату и встает рядом с ним.

Границы четко обозначены.

Я вижу, как пальцы Каллума сжимаются в кулак. Он разворачивается к сыну, но не двигается с места, оставаясь рядом с Брук. Как ей удалось подчинить его себе?

Не может быть, что она *настолько* хороша в постели!

– У Брук, то есть у нас... есть для вас новости.

Мы с Истоном обмениваемся тревожными взглядами. Близнецы, которые стоят с другой стороны от меня, смотрят на него с одинаковым подозрительным выражением.

– Брук ждет ребенка.

Все шумно выдыхают, а потом делают удивленный вдох.

Каллум поднимает стакан с виски и начинает пить. Он пьет. И пьет. До тех пор, пока не опустошает его.

Брук выглядит счастливой, и ее радость вызывает отвращение.

Бить беременных женщин – это очень плохо? Я сжимаю руки в кулаки на тот случай, если вдруг кто-то, хоть кто-нибудь, даст мне отмашку перепрыгнуть через два дивана и приставной столик и избивать ее до тех пор, пока она не взмолится о пощаде. Она разрушает семью, и я ненавижу ее за это не меньше, чем за все остальное.

– Какое это имеет отношение к нам? – наконец спрашивает Истон дерзким голосом.

– Это мой ребенок, а значит, он будет носить фамилию Ройал. Мы собираемся пожениться.

Каллум неумолим. Наверное, именно таким тоном он разговаривает на заседаниях совета директоров. Но речь идет не о бизнес-сделке. Речь идет о его семье.

Брук поднимает руку и растопыривает пальцы.

Рид, стоящий у окна, замирает. Истон стонет.

– Мамино кольцо! – со злостью вскрикивает Себастиан.

– Ты не можешь подарить ей мамино кольцо! – Соьер хватает со столика вазу и бросает ее через всю комнату. Она разбивается далеко от Брук, и мы вздрагиваем от раздавшегося грохота. – Что за фигня!

– Это не ее кольцо, – Каллум проводит дрожащей рукой по волосам. – Они немного похожи, но кольцо вашей матери лежит наверху. Клянусь вам.

Я смотрю на него, открыв рот. Какой мужчина станет дарить своей будущей жене кольцо, которое выгладит копией кольца его умершей супруги? И какая женщина захочет этого? Игра, которую ведет Брук, лично мне кажется слишком нездоровой. Она ловит кайф от того, что причиняет боль всем и каждому.

– Твои клятвы и обещания не стоят даже пыли под этим креслом, – говорит отцу Гидеон.

Он держится холодно и непреклонно, что резко отличается от его обычного поведения. Из всех братьев Ройал Гид всегда был самым уравновешенным. Но сейчас от его спокойствия не осталось и следа.

– Можешь делать с ней детей, сколько хочешь, но они никогда не станут частью нашей семьи.

Он широкими шагами пересекает комнату и останавливается перед Брук и Каллумом. Я задерживаю дыхание, когда Гид угрожающе нависает над ними.

– Ты всегда будешь здесь чужой, – говорит он Брук так уверенно и безапелляционно, что та кривит губы. – Неважно, перед кем ты раздвигаешь ноги. Ты всегда будешь лишь шлюхой с Салем-стрит.

Брук улыбается.

– А ты всегда будешь лишь отверженным сыном из богатой семьи, о ком забыл отец и чья мать покончила с собой.

Гидеон отшатывается. Затем разворачивается и выходит вон из комнаты. Близнецы следуют за ним. Затем Истон. Остаемся только мы с Ридом, и я не могу удержаться, чтобы не посмотреть на него. На его лице написаны отвращение, злость, разочарование.

И только одного не хватает... Удивления.

Объявление Каллума о пополнении в семействе Ройал шокировало всех, кроме Рида.

Наши взгляды встречаются, и в этот самый миг я читаю в его голубых глазах, что он знал.

Глава 14

Рид

Элле достаточно посмотреть на меня, и я сразу понимаю, что она подумала.

Хватаю ее за запястье, вытаскиваю из гостиной и втягиваю в комнату напротив. Как оказалось, в мамин кабинет – то самое место, где мы с Истоном нашли ее после... после смерти. Отлично. Может, хотя бы наши с Эллой отношения удастся здесь спасти. *Нет.*

– Слушай... – начинаю я, но она вырывается и отбегает прежде, чем я успеваю продолжить.

– Это твой ребенок, да? – шипит Элла.

– Нет. Клянусь тебе. Он не мой.

– Я тебе не верю, – она сжимает кулаки.

Мне хочется дотронуться до нее, но, похоже, это плохая мысль.

– Я не прикасался к Брук с тех пор, как ты впервые приехала сюда, – повторяю я уже, как мне кажется, в тысячный раз. – Между нами все было кончено еще задолго до этого.

Элла бьет кулаком по первой попавшейся поверхности, и в воздух поднимается облачко пыли. Комната долгое время была запертой.

– Откуда ты знаешь, что он не твой?

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу, потому что с ответом связаны плохие воспоминания, но у меня нет другого выбора.

– Когда я видел ее в последний раз, у нее был почти плоский живот.

Элла бледнеет, и я понимаю, что она тоже вспоминает ту ночь, когда застала голую Брук в моей комнате.

– Ты не знаешь. Не можешь знать. До тех пор, пока не будет сделан тест на отцовство. Меня тошнит, – она прижимает руку к животу. – Нет, если честно, меня просто выворачивает наизнанку.

– Он не мой. Наверное, папин. Черт, да отцом может быть кто угодно! Она всегда готова предать папу! – в отчаянии говорю я.

– Как и ты.

Я втягиваю воздух. Элла попадает в цель и понимает это. Но я не собираюсь сдаваться. Я собираюсь выиграть битву, даже если придется играть грязно.

– Я был подонком, не буду отрицать. Может, я и сейчас подонок, но точно не отец ребенка Брук. Я не изменял тебе. Я скрывал от тебя свое прошлое, это было дерьмово по отношению к тебе. Я осознаю, что ошибался. И прошу прощения. Пожалуйста... пожалуйста, прости меня, – умоляю я. – Избавь нас обоих от мучений.

– Сейчас это не имеет никакого значения. – Меня пугает ее безжизненное выражение лица. Она качает головой. – До встречи с тобой в моей жизни было полно всякой гадости. Но я справлялась, что мне еще оставалось делать? У меня никогда не было отца, но зато мама всегда была рядом. Я говорила себе, что должна с благодарностью отнестись к ее смерти, потому что она испытывала сильную боль. Потом я приехала сюда, посмотрела на тебя и подумала, что под жестокой, грубой наружностью вижу свое отражение. Мальчик потерял свою мать. Он злится, ему больно, и я вижу его. Может, он тоже видит меня?

Элла обнимает себя за живот – старается удержать что-то в себе и отгородиться от меня. Я понимаю только одно: ей плохо. Я протягиваю к ней руку, но она отшатывается, словно даже мысль о моем прикосновении уже может причинить боль.

Черт, ей так плохо, и это моих рук дело.

– Я видел... и вижу... вижу тебя, – шепчу я.

Она не слушает.

– И я подумала: я не оставлю его в покое. Рано или поздно я смогу сломить его сопротивление, убедить его, что мы – это прекрасная сказка. Но оказалось, что я ошиблась. Мы ничто. Мы *дым* – зыбкий и бессмысленный, – она щелкает пальцами в воздухе. – Наши отношения даже трагедией не назовешь. Они тоже ничто, даже меньше.

Ее слова больно ранят в самое сердце. Элла права. Нужно бы уйти, но я не могу. Я вижу, как ей больно, а значит, она нуждается во мне. Только трус отступил бы сейчас. Я стал причиной ее страданий и помогу ей справиться с ними, если она даст мне шанс.

Я делаю глубокий вдох.

– У меня есть два пути. Я могу уйти. А могу бороться за тебя. Догадайся, какой я выберу?

Элла молча смотрит на меня, а я продолжаю.

– Я облажался. Мне надо было сказать тебе правду с самого начала. Той ночью Брук рассказала мне, что беременна. Я запаниковал. Перестал соображать. Попытался побыстрее найти выход, и такой, чтобы ты ничего не узнала. Мне было стыдно. Понимаешь? Стыдно. Это ты хотела услышать?

Ее губы изгибаются.

– Знаешь, кто я? Я – та глупая девчонка из фильмов ужасов. Ты *сделал* из меня такую девицу, – она обвиняющим жестом показывает на меня пальцем. – Я бегу обратно в дом, где

меня поджидает парень с ножом. Ты предупреждал меня. Снова и снова. Говорил мне держаться подальше. Но я не слушала. Думала, что знаю все лучше.

– Я был неправ. Нам нельзя друг без друга. Мы не можем друг без друга. И мы оба это чувствуем.

Я подхожу к ней и останавливаюсь так близко, что кончики моих пальцев на ногах касаются ее. И одним резким движением притягиваю ее к себе. Ох, черт! Как здорово ощущать ее тело в своих объятиях! Мне хочется запустить пальцы в ее волосы и зацеловать до беспамятства. Но Элла поднимает на меня горящие яростью глаза.

– Не трогай меня, – рявкает она. – Я лучше умру, чем...

Я закрываю ей рот ладонью и предупреждаю:

– Не говори того, о чем пожалеешь. Не говори того, что отвернет нас друг от друга.

Элла бьет меня по лицу. От удара моя голова дергается вправо, но я не отпускаю ее. Ее глаза полыхают, плечи дрожат. Готов поспорить, что сейчас выгляжу таким же сумасшедшим и потерявшим всякий контроль, как она.

– Чего ты хочешь от меня? Только скажи – и я сделаю. Хочешь, встану на колени? Буду целовать тебе ноги?

– Нет уж, сохрани свою гордость, – презрительно отвечает Элла. – Хоть что-то будет согревать тебя по ночам. Хотя постой, у тебя ведь есть Брук.

Она с силой толкает меня в грудь и, рывком открыв дверь, убегает прочь прежде, чем я успеваю что-либо сделать.

В коридоре стоят папа и Брук. Папа смотрит на удаляющуюся Эллу, а затем, сузив глаза, на меня. Брук широко улыбается.

В ярости я обхожу их и направляюсь на поиски Гида. Может быть, он даст ответы на мои вопросы. И, кроме того, пока что он – единственный из всех братьев, кто еще разговаривает со мной.

Гидеон стоит на каменистом кряже, отделяющем нашу лужайку от клочка песка, который мы зовем пляжем. Холодные и темные воды Атлантического океана освещает лишь наполовину скрытая тучами луна.

Не поворачиваясь ко мне лицом, он спрашивает:

– Это твой ребенок?

– Почему вы так считаете?

– Любой, кто знал о том, что ты переспал с Брук, подумает, что это твой ребенок, верно?

– Он не мой, – я провожу рукой по волосам. – Я не прикасался к ней больше шести месяцев. Со Дня святого Патрика, когда мы напились, помнишь? Я вырубился у себя наверху. Она

забралась на меня. Я мало помню о той ночи. Помню, как проснулся голым и она лежала рядом. Папа был на улице, звал нас на ужин. Я собирался рассказать ему. Тем же вечером. Но струсил.

Гидеон молчит, продолжая смотреть на воду.

– Я привык думать, что это Дина и Брук пытаются разрушить нашу семью, но теперь считаю, что это мы сами. Мы убиваем ее. Я не знаю, что сделать, чтобы все исправить, Гид. Скажи мне. – *Помоги мне.* Но он по-прежнему молчит, и я опять предпринимаю отчаянную попытку наладить связь между нами. – Помнишь, мама читала нам «Швейцарскую семью Робинзонов», а мы бродили по берегу в поисках идеальной пещеры, в которой могли бы жить? Все пятеро. Мы собирались убить кита, есть ягоды, сделать себе одежду из испанского мха и водорослей.

– Мы уже не дети.

– Знаю, но это не значит, что мы больше не семья.

– Ты хотел уехать, – напоминает он мне. – Ты, мать твою, только об этом и говорил. О том, чтобы убраться отсюда. А теперь, потому что здесь Элла, ты думаешь, что можно и остаться, да? И это ты называешь верностью семье?

Он спрыгивает на песок, ночной мрак проглатывает его, и я остаюсь один на один со своими печальными мыслями.

Никто не заставлял меня спать с Брук. Я сам принял это решение. Я испытал извращенное чувство удовлетворения, буквально взяв Брук и фигурально засунув этот факт отцу в зад.

Я хотел причинить ему боль. Он заслуживал этого после всего, что сделал с нашей семьей. Извел маму своими изменами и ложью. Чувствую, что ложь была самым худшим. Может, если бы он постоянно не божился в том, что не имел никакого отношения к развлечениям Стива в борделях по всему миру, с девицами из эскорта, моделями, актрисами, которых они легко покупали за свои миллионы, мама бы просто ушла от него.

А если бы она ушла, то, наверное, была бы жива и по сей день. Но она мертва. Папины пренебрежение и измены убили ее так же, как таблетки, которые она приняла той ночью.

Я сжимаю губы. Конечно, моя месть оказалась бесполезной – ведь у меня не хватило мужества рассказать отцу о нас с Брук. Меня начинает тошнить даже при мысли о том, что он об этом узнает.

Последние два года я только и делал, что старался разрушить все вокруг. Если бы я знал, что у победы будет такой горький вкус.

Глава 15

Элла

- Что происходит? - спрашивает у меня Вэл во время ланча. - И не говори, что ничего, потому что ты выглядишь совершенно разбитой. Даже у Истона такой вид, как будто кто-то пнул его щенка.

- Это такой эвфемизм? - пробую отшутиться я.

Вэлери сердито смотрит на меня.

- Да нет, едва ли.

Я ковыряюсь в тарелке. Всю неделю я почти ничего не ем, и, думаю, это заметно. Но каждый раз, когда я пытаюсь впихнуть в себя хоть что-то, перед глазами тут же всплывает картинка, в которой Брук сообщает нам о том, что беременна. Но только рядом с ней не Каллум. Рид. А потом воображение вырывается на волю, показывая еще больше ужасных сцен: вот Рид держит младенца на руках, вот толкает коляску в парке, а Брук выглядит точно модель из спортивного журнала, вот они оба воркуют над первыми шагами своего глупого малыша.

Неудивительно что мне кусок в горло не лезет.

Когда сегодня утром я надевала джинсы, они оказались велики в талии. Одежда носит меня, а не я ношу одежду.

Я еще не готова рассказать Вэл о том, что семейство Ройал гниет изнутри, но если буду продолжать молчать, она ткнет меня вилкой.

- Я считала, что быть единственным ребенком в семье - отстой, но оказалось, что семейная драма в сто раз хуже.

- Рид? - спрашивает подруга.

- Нет, все.

Мне неприятно ощущать напряжение, царящее в доме. Неприятно наблюдать за тем, как братья не смотрят друг на друга во время завтрака. И даже сбежать мне некуда - работу я потеряла. Наверное, стоит начать подыскивать другую. И в этот раз не потому, что нужны деньги, а потому, что стоит войти в дом, как на плечи тут же ложится гнетущая тяжесть. А когда родится ребенок, станет еще хуже. Не знаю, как буду справляться со всем этим.

- Жизнь отстой, но если тебе от этого станет легче, то я заблокировала номер Тэма.

- Правда? - *Давно пора!* Идиотское предложение Тэма насчет свободных отношений - для него своего рода способ удержать Вэл и в то же время переспать хоть со всем кампусом. Она не заслуживает такого. - Мне действительно стало легче.

- Ага, мне тоже. Я постоянно изводила себя, перечитывая его сообщения, и чувствовала, что слабею.

- Ты же знаешь, что достойна лучшего.

- Знаю, - она делает глоток диетической колы. - Поэтому вчера вечером я заблокировала его и впервые за долгое время выспалась. А когда проснулась утром, то было уже не так больно.

- Все наладится.

Слова получаются вялыми. Когда-то давно они были моей собственной мантрой.

Даже не знаю, верю ли я в них по-прежнему.

Вэл вертит в руках банку с газировкой.

- Надеюсь. А есть такая кнопка, которой можно заблокировать реальность? Я бы сейчас не отказалась.

- Солнцезащитные очки. Очень большие солнцезащитные очки, - советую я. - Нет, погоди, есть вариант получше. Щит.

Мне не помешает иметь один дома, чтобы обороняться от Рида.

Вэл обдумывает мое глупое предложение, и ее губы невольно растягиваются в улыбке.

- Наверное, будет не очень удобно повсюду таскать с собой такую штуку?

- Нет, это гениальная идея. Давай запатентуем ее и будем зарабатывать миллионы.

- По рукам! - она протягивает мне ладонь, и я хлопаю по ней своей.

- Боже, Вэл, по-моему, ты самое лучшее, что случилось со мной с тех пор, как я сюда переехала!

- Знаю. - В ее глазах загорается озорной огонек, она косится на футбольную команду, а потом опять поворачивается ко мне. - Давай пойдём на сегодняшнюю игру.

- Нет уж, спасибо! Беру назад все хорошие слова, сказанные в твой адрес.

- Почему нет?

- Во-первых, не люблю футбол. Во-вторых, не хочу болеть за людей, которые мне не нравятся. В-третьих, пусть весь Астор-Парк, за исключением тебя, конечно, сгорит в аду.

- Заезжай за мной в половине седьмого.

- Нет, я не хочу идти на матч.

- Ой, ну ладно тебе! Нам обеим нужно отвлечься. Тебе - от Рида, мне - от Тэма. На игры «Райдерс» ходят все. Найдем себе кого-нибудь, чтобы залечить наши разбитые сердца.

- А мы не можем просто съесть огромную банку мороженого?

- Убьем сразу двух зайцев. Полакомимся мороженым, а кто-нибудь полакомится нами.

Она игриво шевелит бровями, и я начинаю смеяться, хотя внутри все протестует. Я хочу, чтобы ко мне прикоснулся только Рид. Лживый ублюдок. Проклятье! Может, мне и в самом деле нужно отвлечься.

- Ладно, уговорила.

* * *

- Вылезай из машины, - позже тем же вечером приказывает Вэл, выбираясь с пассажирского сиденья. - Я хочу взглянуть на твои шмотки.

- Увидишь, когда доберемся до стадиона.

- Ты делаешь это, чтобы Рид кончил в свои футбольные штаны или чтобы разозлить девчонок из Астор-Парка?

Я не обращаю внимания на упоминание о Риде. О чем я точно не думала, так о том, чтобы заставить его сходить с ума от ревности. Не-ет. Определенно нет.

- Ты сказала, что я должна выбрать себе нового парня. Так вот, это мой наряд охотницы на мужчин, - я показываю рукой на свою одежду.

На мне полосатые гольфы, натянутые поверх черных леггинсов, и старая футболка с номером, которую я нашла в секонд-хенде, заехав туда после школы. Заправить футболку в леггинсы и при этом не выглядеть так, словно в трусы напихали кучу носков, невозможно, поэтому я купила большой черный ремень и застегнула его вокруг талии.

Две небрежно заплетенные косы и широкие темные полосы под глазами - я нанесла черную подводку поверх толстого слоя праймера, чтобы она не растеклась, - завершили мой образ футбольной болельщицы в духе пинап.

- Я имела в виду одного парня, а не всю команду, - иронично замечает Вэл. - Но, наверное, это мне даже на руку. Ты выберешь того, кто тебе понравится, а остальные достанутся мне.

- Очень смешно.

- Я серьезно. Мне кажется, нам не обойтись без двойной охраны. Даже думать боюсь, что выкинут девчонки, когда увидят тебя.

Опасения Вэл оказываются не ненапрасными. Когда мы проходим мимо зоны, где девушки футболистов и родители ждут игроков, выбегающих на поле из раздевалки, все девицы так и сверлят меня злобными взглядами.

Из толпы до меня доносится несколько оскорблений: «шлюха», «дешевка», «чего от нее еще ожидать».

- Эти курицы так завидуют тебе, что сегодня им даже не придется засовывать себе два пальца в рот, - ехидничает Вэлери. - Зависть избавит их от лишних калорий.

Я пожимаю плечами.

- Я слышала слова и похуже. Мне все равно.

- Вот и правильно. Всю следующую неделю нас будет окружать целая команда развратных футболистов.

- Тогда мне придется перевести игру на более высокий уровень, - я не против бросить вызов.

Мы подходим к секции, где сидят ученики Астор-Парка, но Джордан дает нам от ворот поворот.

- Вам нельзя сидеть с нами, - объявляет она.

Я закатываю глаза.

- Почему? Я недостойна сидеть на ваших драгоценных трибунах?

- И поэтому тоже, - она усмехается. - Но еще потому, что вы не в тех цветах.

Я оглядываю остальных учеников и понимаю, что она права. Все они рассажены так, чтобы цвета футболок образовывали золотистую букву «А» на черном фоне. На мне футболка белого цвета, а Вэл одета в серый вязаный свитер. На Джордан черный комбинезон, но для полного образа «госпожи» ей не хватает кнута и стула.

- Наверное, мы не получили записки про дресс-код.

А такая должна была быть, потому что как иначе все остальные так идеально оделись для придуманной Джордан схемы? Я невольно восхищаюсь ею. Было непросто проконтролировать, чтобы несколько сотен учеников надели одежду нужного цвета в зависимости от того, где они сидят.

- Может, тебе иногда стоит заглядывать в аккаунт Астора в *Snapchat*.

И Джордан отворачивается от нас, махнув блестящими волосами.

Я даже не знала, что у Астора есть аккаунт в *Snapchat*.

- Пойдем, - тянет меня за руку Вэл. - Сядем в секции родителей.

Мы находим места на самом верху, где можно спокойно поесть попкорн и не притворяться, что боеем за «Райдерс».

- Боже, во что одета Джордан? - хихикаю я. - Она подрабатывает госпожой Садомазо?

- Нет, - Вэл закидывает в рот несколько штук попкорна. - В перерыве перед группой будет выступить танцевальная команда, так что, наверное, это у них такие костюмы.

Она оказывается права. В перерыве Джордан и компания показывают представление, во время которого так эффектно трясут своими мягкими местами, что у меня появляется желание сунуть им в сумки визитки стриптиз-клуба - на случай, если вдруг их трастовые фонды когда-нибудь иссякнут.

– По крайней мере, по пятерке баксов чаевых они бы получили, – шепчу я Вэл, прикрываясь рукой.

– Всего пять долларов? Я бы хотела получить от парня как минимум двадцатку, прежде чем раздеваться.

– Да ну? Ты раздеваешься бесплатно, – дразнюсь я.

Вэл как-то проговорила мне, что склонна к эксгибиционизму. Когда мы ходили на вечеринку в клуб «Мунглоу», Вэл заставила меня танцевать в клетке, подвешенной к потолку.

– Ну да. Но не стала бы возражать, если бы мне заплатили, – она задумчиво смотрит на меня. – Сколько, говоришь, ты зарабатывала в этих клубах?

– Я ничего тебе не говорила. К тому же танцевать в клетке перед разгоряченными старшеклассниками и студентами и зарабатывать на жизнь, танцуя стриптиз, – это разные вещи, – предупреждаю я подругу.

От большинства стрип-клубов так и разит отчаянием и сожалениями, и я сейчас говорю не про раздевалку танцовщиц. Парни, размахивающие однодолларовыми купюрами над стейками за восемь долларов, в такой же безысходной ситуации, как и девушки на сцене.

Вэл морщит нос.

– Не знаю. Было бы здорово иметь свободные деньги, а ты, наверное, неплохо зарабатывала, раз могла содержать себя и маму.

– Деньги – единственный плюс этой работы. Но ты же не захочешь танцевать стриптиз где-нибудь здесь. Только представь, что кто-нибудь будет смотреть на тебя, а потом тебе придется идти с ним на один урок. Выйдет чертовски неловко.

Она вздыхает.

– Это была лишь шальная мысль.

Я могу только посочувствовать ей. Статус «бедной родственницы» не дает Вэл покоя. Мне бы хотелось поделиться с ней частью моих сбережений – не так уж они мне и нужны, – но она не из тех, кто принимает подачки. Она посчитает это актом благотворительности, с чем ей и так приходится мириться в доме своих дяди и тети.

– Давай лучше я найму тебя телохранителем? Потому что сейчас все смотрят на меня так, будто хотят убить. Особенно вон та, – я киваю на второй ряд ученического сектора, где сидит знакомая златоволосая девица, которая то и дело оборачивается и сверлит меня хмурым взглядом.

– Ха, да Эбби и мухи не обидит. Она слишком пассивная, да и вид у нее как у Иа-Иа. Как думаешь, когда она кончает, у нее такое же выражение лица?

Я прикрываю рот ладонью, чтобы заглушить смех.

Но Вэл права. Бывшая девушка Рида бледная, тихая, кроткая – полная противоположность мне. Кто-то сказал, что Эбби напоминает мать Рида. Одно время я даже волновалась из-за этого, потому что Рид обожает свою маму. Но сейчас я и пальцем не пошевелю, чтобы произвести впечатление на Рида Ройала.

В отличие от Эбби. И она определенно видит во мне соперницу, потому что никак не перестанет хмуро тарашиться на меня. Если бы она спросила, то я могла бы дать ей отличный совет, как завоевать Рида. Во-первых – и это самое важное – не спать с его братом.

– Она и правда переспала с Истоном, пока меня не было? – спрашиваю я Вэл.

– Ага. Вот идиотка, да? Ведь очевидно же, что это стопроцентный способ оттолкнуть его раз и навсегда, – Вэл поджимает губы. – Хотя, может, и нет. Ты же целовалась с Истоном, но Рида это не отпугнуло.

Но она тут же меняет тон.

– Но ты особенная. А Эбби – нет. Рид ни за что не вернется к ней.

– Даже Эбби слишком хороша для него, – ворчу я. – Он заслуживает вечного одиночества.

Вэл усмехается.

– Если честно, я очень надеялась, что во время игры кто-нибудь сломает ему ноги, но, к несчастью, он все еще бежит по полю.

– Мы можем сломать их.

– Напасть на него ночью с бейсбольной битой? – мечтательно спрашиваю я.

– Такое ощущение, что ты это уже давно планируешь.

– Да, пару раз фантазировала, – честно отвечаю я.

– А когда покончим с Ридом, поедem в Стейт?

– Конечно. А потом пустим рекламу в Интернете и будем предлагать свои услуги другим женщинам.

– Ты не представляешь, как меня заводит твоя кровожадность!

– Так, оставь свой пыл для одного из футболистов, – говорю я Вэл. – Ты уже кого-нибудь присмотрела?

– Нет. Все еще думаю.

Значит, сейчас перед ее глазами стоит лишь Тэм. У меня та же проблема – я вижу только Рида.

Мы откидываемся на спинки кресел и продолжаем следить за игрой.

«Райдерс» выигрывают, как и ожидалось. После матча все разговоры переключаются на зимний бал, который будет проводиться в Астор-Парке в промежутке между Днем благодарения и Рождеством. Для Джордан разговоры про бал сродни прелюдии. Когда мы с Вэл спускаемся по ступенькам стадиона, она так и сияет. Нас то и дело тормозят родители, которые останавливаются, чтобы сказать Джордан, как сильно им понравилось выступление и какая она талантливая.

С каждым комплиментом ее грудь выпирает все больше. Папочки смотрят на нее похотливыми глазами, а ей, похоже, это только в кайф.

- Отличное выступление, - говорю я Джордан, когда мы подходим к ней.

В своем облегающем костюме она выглядит просто класс, а ее щеки еще поблескивают от пота после стараний на поле.

Джордан смотрит на меня с презрением, потом отворачивается к своей кухне.

- Ты слишком хороша для такого мусора, Вэл. Может, поедешь на вечеринку к Шие со мной?

- Нет уж, спасибо. Я не залезу в твою машину, даже если мы окажемся на Дороге ярости, а за мной будет гнаться банда головорезов[3].

Кто-то из учеников фыркает от смеха. Это еще больше злит Джордан.

- Поверить не могу, что мы родственницы.

- Понимаю тебя. Я иногда тоже задаю себе этот вопрос. Как у такой милашки, как я, могла оказаться в кухнях такая стерва, как ты.

Джордан кидается к Вэл, а я по глупости встаю между ними. Кулак Джордан попадает мне прямо по затылку в тот момент, когда Вэл бросается вперед. Меня отталкивают в сторону, и я приземляюсь у ограждения.

- Отпад! - кричит какой-то парень. - Девчонки дерутся!

Места для зрителей пустеют, и вдруг начинает твориться настоящий хаос. В воздухе летает попкорн. Мне в лицо попадают чьи-то ладони, пальцы и ногти. Вдруг сильная рука поднимает меня и опускает за оградой, подальше от беспредела. Я поднимаю глаза и вижу Рида.

Истон встает рядом со мной с другой стороны и обнимает рукой за плечо, отгораживая от Рида. Братья то и дело обмениваются злобными взглядами.

- Ну что, едем на вечеринку к Монтгомери? - спрашивает меня Истон.

- Я же говорила тебе, мне не нравится наряжаться в костюмы.

Он усмехается и показывает на мой наряд.

- Похоже, ты уже в костюме, сестренка.

Ох, черт, он совершенно прав.

- Ну поехали, - уговаривает меня Истон. - Будет весело.

Я сдаюсь.

- Ладно, как хочешь. А где Вэл? - Я разворачиваюсь к трибунам и вижу, что администраторы уже прекратили драку.

Чья-то рука дергает меня в сторону. Опять Рид.

- Что, черт подери, на тебе надето? Чья это футболка? - сердито спрашивает он.

- Просто была в секунд-хенде...

- Снимай ее.

- Что? Нет!

Я беспомощно смотрю на Истона, но он только хмурится в ответ.

- Знаешь, если хорошенько подумать, тебе нельзя надевать на наши игры форму другой школы. Плохая примета.

- Вы выиграли, - напоминаю я ему.

- Сейчас же снимай, - приказывает Рид. Его голос звучит невнятно, потому что одновременно он пытается стянуть через голову свою футболку.

- Даже не думай. Я не стану надевать твою футболку.

- О да, еще как станешь. - Накладки на плечи цепляются за его уши. - Проклятье, Ист, помоги мне.

Истон не обращает на него внимания.

- Тебя подвезти, сестренка?

- Она поедет со мной, - решительно заявляет Рид.

Он натягивает футболку обратно и смотрит на меня с вызовом.

Я не боюсь дать ему отпор.

- Прости, приятель, но я с тобой не поеду.

- Не называй меня приятелем.

- Не приказывай мне.

И он тут же отдает новый приказ.

- Твою машину пригонит Вэл. Ты едешь со мной.

– О боже! – не выдержав, взрываюсь я. – Что должно произойти, чтобы до тебя уже дошло, Рид? Между нами все *кончено*. – Мои досада и раздражение достигли всех мыслимых пределов. – Мне нравится кое-кто другой.

Рид раздувает ноздри.

– Черта с два!

Я смотрю на игроков, выстроившихся в линию вдоль беговой дорожки и наблюдающих за нами. В голове тут же рождается коварный план. Я с прищуром смотрю на Уэйда, квотербека. Уэйд тот еще бабник. Один раз он даже занимался сексом в джипе Рида, по словам самого Рида, потому что не мог ждать, пока доберется до дома.

Усмехнувшись Риду, я отхожу от Ройалов, походкой от бедра подхожу к Уэйду и прыгаю на него.

Его мускулистые руки машинально подхватывают меня. А когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать парня, его губы автоматически открываются. Он потный, пахнет травой и просто восхитительно целуется! Его язык остается во рту, но даже с одними губами поцелуй получается мастерский.

Ничего удивительного, что девчонки уходят из уютных ночных клубов, чтобы заняться с ним сексом в чужой машине. Я хватаю его за волосы и сильнее обхватываю ногами его талию. Он стонет в ответ, и его пальцы крепко сжимают меня сзади.

Парни начинают свистеть и улюлюкать, но почти сразу наступает тишина. В ту же секунду Рид отрывает меня от Уэйда.

– Какого черта, Карлайл? – рычит он.

Уэйд уныло пожимает плечами.

– Она прыгнула на меня. Я же не мог позволить ей упасть.

– Не прикасайся к ней. Никому не позволено прикасаться к ней.

Рид бросает свой шлем в живот какому-то бедному парнишке и, сжав руки в кулаки, угрожающе надвигается на Уэйда.

Здоровяк блондин смеется и поднимает руки вверх.

– Я ее не поощрял, приятель.

Сверкнув глазами, Рид тычет пальцем в остальных игроков команды.

– Элла – Ройал. Она принадлежит мне. Если кто-нибудь из вас, козлов, захочет ее, сначала ему придется справиться со мной!

У меня отвисает челюсть.

– Да пошел ты, Рид! Я никому не принадлежу и уж тем более тебе. – Я пинаю его под коленку, а потом поворачиваюсь к футболистам: – Я свободна. Кто хочет провести время с

дешевой стриптизершей? Я знаю такие трюки, которые вам не покажет ни одна порнозвезда.

Парни загораются интересом, но все как один тут же смотрят на Рида. Не знаю, что там написано у него на лице, но они дружно опускают глаза в землю. Никто не делает и шага.

- Трусы, - шепчу я.

Потом резко разворачиваюсь и марширую к Вэл, которая улыбается мне с боковой линии. Ну их всех, этих детишек из Астор-Парка! Пусть катятся к черту!

Глава 16

Саванна и Шиа Монтгомери живут в особняке, расположенном вдалеке от моря, на землях загородного клуба. Мы останавливаемся у главных ворот, и Вэл, перегнувшись через меня, протягивает охраннику белый конверт. Тот светит на него особым фонариком, и послание, судя по всему, секретное, позволяет нам попасть внутрь.

- Вэл, серьезно? Что за черт?

Она бросает приглашение мне на колени. Плотная кремовая бумага абсолютно пуста.

- Ультрафиолетовые чернила. Чтобы никто не смог сделать копию.

- Реально? - Я провожу пальцами по бумаге, но ничего не ощущаю. - Что такого особенного в какой-то школьной вечеринке, чтобы понадобились охранники, ворота и сверхсекретные приглашения?

Я бросаю карточку на приборную панель и проезжаю через открывшиеся ворота.

- Им не нравится, когда к ним приходят все подряд, - отвечает Вэлери.

- Хорошо будет, если они воспользуются своей властью и не пустят всяких придурков, - бормочу я.

Я пока еще не видела Дэниела Делапорта, но знаю, что он по-прежнему в школе, ходит по коридорам Астора как ни в чем не бывало.

- Но если у придурка есть деньги, его пустят.

Она права, и это совсем меня не радует.

Грохочущие басы из дома Монтгомери доносятся до нас еще до того, как мы поворачиваем в их переулок. Паркуем машину в самом конце длинного ряда автомобилей, тянущегося от холма.

Вэл ведет меня через главную гостиную на веранду. У Монтгомери суперсовременный дом: сплошь странные углы и плоскости, много окон и металла. Бассейн подсвечивается изнутри, из бетона дугой бьют струи воды, но никто не плавает: стало холодно.

- Пойду, принесу выпить. Ты что будешь? - спрашивает Вэл, показывая на холодильник.

– Пиво сгодится.

В дальнем углу веранды я замечаю Рида. С ним разговаривает фея с огромными крыльями и короной из цветов. Уф, это Эбби. Их головы почти соприкасаются, его темные волосы цепляются за лепестки ее короны. Выглядит немного порнографично. Во всей сцене есть что-то тошнотворно знакомое, это одно из моих первых воспоминаний о Риде.

Эбби была его последней девушкой. А может, и единственной. Рид, в отличие от Истоны, очень избирательный. Он спал с Эбби, потом с Брук.

Больше мне о его личной жизни ничего не известно. Возможно, этим все и ограничивается. Может, с Эбби он потерял девственность. И теперь между ними связь, которая всегда будет удерживать их вместе.

Мерзавец Дэниел как-то сказал мне, что эти двое созданы друг для друга.

Правда ли это?

И разве это должно меня волновать?

Нет, мне не все равно. И я ненавижу себя за малодушие.

Я отворачиваюсь, чтобы не сделать что-нибудь безумное. Например, подойти к ним, выдрать Эбби волосы и велеть Риду больше никогда не разговаривать с ней, потому что он мой.

Хотя я сомневаюсь, было ли это правдой – даже в те моменты, когда его пальцы запутывались в моих волосах, его язык был у меня во рту, а рука – между моих ног.

В доме полно народу: сплошь тесные корсеты, испачканная искусственной кровью одежда, и, наверное, не обошлось без искусственных грудей. Почти все в костюмах, за исключением нескольких человек. Среди бунтарей и братья Ройал в футболках и рваных джинсах. Помню, когда я впервые увидела их, то сразу окрестила отморозками. Своими накачанными телами, широкими плечами и взъерошенными волосами они больше напоминают рабочих из доков.

Когда мы входим, к нам поворачиваются, и я тут же жалею о своем наряде. Я единственная, кто явился в образе распутной футболистки, а значит, снова выставила себя на посмешище. Что, вообще-то, странно, потому что раньше мне всегда без проблем удавалось влиться в новый коллектив. Приехав сюда, я только и делаю, что привлекаю к себе всеобщее внимание.

Драка с Джордан.

Поцелуй с Истоном.

Отношения с Ридом.

Побег.

Этот нелепый наряд.

Я хватаю Вэл за руку.

- Мне нужно переодеться. Или хотя бы умыться.

Черные полосы на моем лице выглядят совершенно по-дурацки в сравнении с идеальным макияжем всех этих принцесс и балерин. Как будто тут кого-то стошнило диснеевскими мультиками – теми, что для взрослых, которые показывают поздно вечером.

- Ты шикарно выглядишь, – возражает Вэл.

- Нет. Если я собираюсь пережить следующие два года, то мне нужно стать незаметнее.

Вэл качает головой, но показывает на комнату дальше по коридору.

- Я подожду тебя там.

Найти ванную оказывается нетрудно, потому что туда уже образовалась очередь. Я приваливаю к стене. Почему я так стараюсь, чтобы меня все заметили? Потому что хочу, чтобы заметил Рид?

Очередь становится все короче, и вот в уборную уже заходят две девчонки, которые стояли передо мной. До меня доносится обрывок их разговора.

- Эбби и Истон? Я тебе не верю. Эбби не угробила бы свой шанс вернуть Рида, переспав с его братом.

- А почему бы и нет? У этой Эллы сработало же. Целовалась с Истом в «Мунглоу», а потом бах! – и она уже с Ридом.

- Истон типа отбирает девчонок для своего брата?

- Кто их знает? Может, они как близнецы. Отвратительно.

Повисает долгая пауза.

- О боже, Синти! Ты считаешь, что это круто?

- Не знаю. Ну а ты бы не хотела оказаться начинкой в этом сэндвиче? Может, это и неправильно, но кто сказал, что я хочу быть правильной?

Наступает тишина, потом они взрываются смехом, а одна из девчонок говорит:

- С кем из Ройалов ты бы переспала, за кого вышла замуж и кого убила?

Дверь закрыта, но мне все равно слышно. Делаю мысленную пометку открыть кран, когда окажусь внутри, потому что стены здесь картонные.

- Их целых пять, Анна! – жалуется Синти.

- Выбери троих.

- Ладно. Я пересплю с Ридом, убью Гидеона и выйду за Истона.

От мысли о Риде и другой девушке у меня чуть не останавливается сердце. Мне и так тяжело видеть его с Эбби. Не хватало еще целой очереди девиц, желающих переспать с ним.

- Истон - кобель, - возражает Анна.

- Он просто милашка, - говорит Синти. - И, как говорит моя маман, лучшие мужья получаются из плохих парней. Теперь твоя очередь.

Ладно, может, Синти и не такая уж плохая. Под показной разнузданностью Истона скрывается милейшая душа.

- Выйду замуж за Гидеона, потому что он старший и компания Ройалов достанется ему. Пересплю с Истоном, потому что он столько времени провел под юбками, что наверняка знает, как сделать девушке хорошо. Убью близнецов.

- Обоих?

- Скорее всего.

Я морщусь. Звучит угрожающе. Анна - неприятная штучка.

- Эбби и Рид такая милая пара, тебе не кажется? - шепчет в ухо медовый голос, мешая мне подслушивать девчонок.

Уф, Джордан Каррингтон. Она не в костюме, а жаль. Из нее получилась бы классная ведьма.

- Разве тебе не надо помешать зелье в котле? - сладким голосом спрашиваю я.

- А тебе не надо затащить в постель кого-нибудь из Ройалов?

- Одного или сразу двух? - беспечным тоном отвечаю я. - Это сводит тебя с ума, да, Джордан? Что Ройалы спят со всеми, кроме тебя?

Ее лицо на секунду вспыхивает, но она быстро берет себя в руки.

- Серьезно? Ты хвастаешься тем, что ведешь себя как шлюха? - Джордан закатывает глаза. - С твоим опытом тебе бы книгу написать. Получится настоящая история о победе над гендерной дискриминацией женщин. «Пятьдесят оттенков секса: Школьные годы».

- Только пятьдесят? Явное преуменьшение для такой распутницы, как я.

Джордан перебрасывает за спину свои блестящие темные волосы.

- Не хочу судить о тебе предвзято. Решила, что даже ты не можешь быть настолько неуверенной в себе: переспать с тремя сотнями парней, чтобы доказать, что чего-то достойна.

Интересно, она поверит, если я скажу, что все еще девственница? Скорее всего, нет.

Но это правда. До Рида я даже не совсем понимала, что такое минет.

Мы делали многое, но до самого конца так и не дошли. Я говорила ему, что готова, но он хотел подождать. Тогда я считала, что он просто заботится обо мне. Но сейчас... Понятия не имею, почему он не захотел заполучить мою девственность.

Может, те девчонки в ванной правы. Возможно, Рид предпочитает, чтобы его девушки сначала проходили через Истона. От этой мысли внутри у меня все сжимается.

- Твои ядовитые издевки на меня не действуют, Джордан. - Я отталкиваюсь от стены и выпрямляюсь. Она ниже меня ростом, и я пользуюсь своим преимуществом. - Я могу дать сдачи, не забыла? И дерусь я грязно. Так что давай, нападай на меня. Посмотрим, что будет.

- Я прямо дрожу от страха, - парирует она, но в ее голосе звучит тревога. Мы обе это слышим.

Я растягиваю губы в злобной усмешке.

- Так и должно быть.

Дверь в ванную открывается, и я протискиваюсь мимо двух сплетниц внутрь. Ладони вспотели и дрожат. Я вытираю их о футболку и смотрю на свое отражение в зеркале.

Я чужая в Астор-Парке. И всегда буду чужой. Тогда зачем я пытаюсь измениться, чтобы понравиться им? Даже если я оденусь в точности как Джордан, начну краситься в нежные цвета, они все равно никогда не примут меня.

Я всегда буду для них отбросом, чужачкой.

Воспользовавшись туалетом, я мою руки и ухожу, так ничего в себе и не изменив.

Вернувшись в главную гостиную, изучаю тусовку. Сегодня их боги - футболисты. Не знаю, как здесь заведено, может, в декабре, когда футбольный сезон заканчивается, у них в почете команда по баскетболу, или лакроссу, или какому-нибудь другому виду спорта. Но сегодня вечером рулят широкоплечие парни из футбольной команды. Я смотрю на некоторых из них. Они встречаются со мной взглядом и тут же отводят глаза.

Оглянувшись, я не удивляюсь, увидев за спиной Рида. Он стоит, прислонившись к стене, и свирепо смотрит на каждого парня в комнате.

Я шагаю к нему.

- Ты говорил, что ради меня готов на все.

- Да, - мрачно отвечает он.

- Да? Тогда докажи.

- Оставить тебя в покое? - угадывает он со смиренным выражением.

- Именно. Не говори со мной. Не прикасайся ко мне. Даже не смотри на меня - или, клянусь богом, я пересплю с первым попавшимся парнем прямо у тебя на глазах.

Выражение моего лица или тон голоса, видимо, доказывают серьезность моих намерений, потому что Рид кивает и говорит:

- Только на сегодня.

- Да без разницы, - бормочу я и ухожу прочь.

Глава 17

- Как дела? - спрашивает Вэл, когда я выхожу на веранду, и протягивает мне бутылку холодного пива.

- Я не могу найти парня, который посмотрел бы мне прямо в глаза. - Оглядев толпу, я замечаю на другом конце веранды Истона. Его рука лежит на бедре Шии Монтгомери, и они пристально смотрят друг на друга. - Думаю, Рид все-таки заставил их играть по его правилам.

- Нам надо поехать в Харрисвиль, - предлагает Вэл.

- Что это за место?

- Местный колледж в полчасе езды. Там никому нет дела до иерархии Астор-Парка. - Она замолкает. - Но я удивлена, что кто-то еще слушается Рида. Говорят, Ройалы больше не у дел.

Я делаю глоток пива и только потом отвечаю.

- Ты же понимаешь, насколько смешно это звучит, правда?

- Смешно, да не очень. Твое место в этой неофициальной иерархии определяется с рождения. Губернатор нашего штата учился в Асторе. Судьями он назначил своих бывших одноклассников и одноклассниц. В крупных, хороших университетах всегда имеет значение, в какой школе ты учился. Твоя работа зависит от того, в каком клубе ты состоишь. Чем он элитнее и престижнее, тем лучше. Поэтому девять месяцев в году я живу с Каррингтонами. Чтобы обеспечить своим детям хороший старт в привилегированное будущее, которое мои родители дать не в силах.

- Наверное, так и есть. Но ты можешь быть счастлива и без всего этого, - я обвожу бутылкой собравшуюся компанию. - Я была счастлива, пока не переехала сюда.

- Угу. - Вэл не верит мне, а увидев, как я нахмурилась, говорит: - Ты действительно была счастлива? С больной мамой на руках? Может, ты справлялась, но вряд ли сможешь сказать, что была абсолютно счастливой.

- Может, и не абсолютно счастливой, но определенно счастливее, чем сейчас.

Она едва заметно пожимает плечом.

- Пусть так, но общий смысл от этого не изменится. Астор - уменьшенная версия мира, с которым нам придется столкнуться, когда мы повзрослеем. Нами будут управлять придурки,

пока мы сами этого не изменим.

Я раздраженно вздыхаю, потому что Вэл права. Так как же мне выжить? Я не могу сбежать, а значит, мне придется противостоять этим людям и разбираться с ними.

- Если Ройалы больше не у дел, то кто на троне?

- Джордан, конечно. Она встречается со Скоттом Гастонбургом, – Вэл показывает рукой на высокого парня, облокотившегося на каминную доску.

Я, прищурившись, смотрю на него. На нем ковбойский костюм, и он почти не изменился с нашей последней встречи, но только тогда на его челюсти не было проволочного каркаса. В последний раз я видела его в клубе, на полу, и кулаки Рида разбивали ему лицо.

- Теперь понятно, почему они вместе, – язвительно говорю я. – Она говорит, а он улыбается и кивает. Идеальный бойфренд.

Я не чувствую угрызений совести из-за того, что Рид отделал этого парня. Скотт говорил обо мне ужасные вещи. Не такие ужасные, как Джордан, но все равно было очень неприятно.

Вэл усмехается и, молча соглашаясь, делает глоток винного коктейля. Кивает подбородком на парня, примостившегося на подлокотнике дивана.

- Что ты о нем думаешь?

- Понятия не имею, кто это. Но скулы у него отличные.

У парня, на которого показала Вэл, черные как сажа волосы, и он одет в пиратский костюм, а с пояса свисает устрашающего вида меч. Металлический эфес поблескивает чересчур натурально для детали маскарадного костюма.

- Считаешь? Это Хиро Камэнаси. Его семья входит в концерн «Икото Авто». Два года назад они открыли здесь производство, и, наверное, денег у них больше, чем в казне некоторых маленьких стран.

- И как он, хороший парень?

Она пожимает плечами.

- Не знаю. Но слышала, что у него хороший член. Подержи мой коктейль. Я иду в атаку.

Я подхватываю ее стакан, прежде чем он успевает упасть на пол, и наблюдаю, как Вэл пролезает сквозь толпу и хлопает Хиро по плечу. Через пару секунд она ведет его в соседнюю комнату, где развлекаются парочки.

У меня сосет под ложечкой. Если бы мы с Ридом были вместе, то сейчас тоже были бы в той комнате. Наши тела слились бы воедино. Я бы чувствовала его возбуждение. Он бы услышал мое по участившемуся дыханию и невольным тихим стонам.

Мы бы вышли на улицу, нашли укромный уголок, и его пальцы скользнули бы под мою юбку, а мои ладони гладили бы его стальные мускулы. И в темноте, вдалеке от всех, его губы приникли бы к моим, и поцелуи прогнали бы прочь мое чувство одиночества и потери.

Я солгала Вэлери. В моей жизни *были* мгновения абсолютного счастья. Но как чертовски больно потом падать с седьмого неба.

Я встряхиваю головой, чтобы избавиться от опасных мыслей о Риде, и оглядываю комнату, чтобы найти своего Хиро. Истон тоже здесь, но сейчас он прислонился к колонне веранды, а рядышком стоит Саванна, одетая в воздушное белое платье. Она красивая, но печальная, как покинутая принцесса. Что не так и далеко от истины.

Истон, ну ты и тупица!

Но я не меньшая тупица, чем он, потому что ищу себе парня, чтобы забыться в его объятиях. Однако у меня уже есть тот, кто заботится обо мне, а я забочусь о нем. И поэтому не позволю ему совершить очередную ошибку.

– Привет, Истон, – говорю я, подойдя.

Он лениво поворачивается ко мне. Глаза смотрят в никуда. Вот черт. Не знаю, под чем он, но парень почти на тридцать сантиметров выше меня и килограммов на сорок пять тяжелее. Я не могу просто взять и оттащить его.

Придется импровизировать.

– Вэл нашла себе красавчика, а мне хочется потанцевать.

– Ну и что?

Его ладонь скользит по телу Саванны и останавливается под ее грудью.

Она упрямо поджимает губы, провоцируя меня сказать ей что-нибудь.

Я принимаю вызов, потому что завтра они оба будут жалеть об этом.

– Пойдем, – не отстаю я от Истона. – Я хочу есть. Давай найдем что-нибудь съедобное.

Истон наклоняется и целует Саванну в плечо. Он уже не слушает меня, если вообще начинал.

Тогда я пытаюсь достучаться до Саванны.

– От этого тебе не станет легче. У них одна фамилия, но они совершенно разные люди.

На мгновение заносчивость на ее лице сменяется нерешительностью, но Истон вдруг достаточно громко произносит:

– А что, ты единственная, кого мы можем передавать друг другу?

Кто-то начинает хихикать, кто-то ахает, и он улыбается. Его слова ударили прямо в цель, как ему и хотелось. Может, он все-таки больше соображает, чем я думала. Истон

определенно сознает, что делает, и Саванна – по-видимому, тоже.

– Ладно, продолжайте рушить свои жизни. Оба.

Но Истон, должно быть, видит сквозь хмельной туман, как сильно он меня ранил, и на его побледневшем лице появляется раскаяние.

– Элла...

Я протискиваюсь мимо вылупившихся на нас одноклассников и влетаю напрямик в Джордан, которая попивает какую-то мешанину с водкой и ухмыляется мне.

– Ревнуешь, что твои Ройалы позабыли тебя? Все знали, что у них к тебе лишь временный интерес.

Держа стакан в руке, она смахивает с моего плеча несуществующую соринку. Ледяная жидкость выливается через край стакана и стекает за воротник моей футболки в ложбинку между грудей.

– Полакомиться отбросами может быть забавно пару ночей, но затем вонь становится совершенно невыносимой.

– Это ты по собственному опыту знаешь? – натянато спрашиваю я, отступая назад.

– Вообще-то я высказываю предположение. Потому что измазываться в грязи – это не по мне. И мокрой я тоже быть не хочу.

С улыбкой Джордан выливает остатки из стакана на мою футболку.

Охваченная яростью, я сжимаю в кулаке ее блузку, притягиваю Джордан к себе и трюсь о нее насквозь промокшей футболкой.

– Теперь мы обе мокрые, – напеваю я.

– Эта блузка *Balmain*, и она стоит тысячу долларов! – визжит Джордан, отталкивая меня. – Какая ты дрянь!

Я злобно улыбаюсь ей.

– Ты говоришь так, как будто это плохо.

И я ухожу на поиски Вэл, пока Джордан не успела придумать новое оскорбление. Моя подруга танцует в центре танцпола, руки Хиро лежат на ее ягодицах.

Мне приходится несколько раз с силой похлопать ее по плечу, чтобы привлечь к себе внимание.

– Что такое? – спрашивает она.

– Я хочу уйти. Не могу здесь оставаться.

Вэл смотрит на Хиро и неохотно поворачивается ко мне.

– Ладно. Я только заскочу в уборную, и можем ехать.

Хиро делает шаг вперед.

– Может, я отвезу тебя домой? Со мной Тина и ее парень, Купер.

Вэл умоляюще смотрит на меня.

– Ты не против?

– Конечно, не против, – отвечаю я, но про себя думаю иначе. Сейчас мне очень нужна дружеская поддержка. Я хочу, чтобы кто-нибудь взял меня за руку, убрал с лица волосы, нашел мне полотенце. Хочу пожаловаться кому-нибудь на стерву Джордан, и пусть этот кто-нибудь скажет, что все нормально, она и не должна мне нравиться.

Но Вэл – моя подруга, и сегодня ей тоже кое-что нужно. То, чего я ей дать не могу. Поэтому я ободряюще улыбаюсь ей и ухожу, а коктейль с водкой продолжает стекать по ложбинке между моих грудей.

Народ не расступается передо мной, как обычно бывает в кино. Мне приходится проталкиваться между копами, грабителями, супергероями и волками-оборотнями. На меня то и дело проливают пиво, и когда я добираюсь до входной двери, то воняю так, словно меня окунули в чан с пивными дрожжами.

Я сердито марширую по асфальту к своей машине. Каблук попадает в трещину, и лодыжка подворачивается.

Ругнувшись под нос, я снимаю туфли и иду босиком, не обращая внимания на мелкие камушки, которые втыкаются в ступни, как крошечные иголки. Подойдя к кабриолету, я закидываю туфли на заднее сиденье и хватаюсь за ручку.

Фу!

Что еще такое? Вся рука липкая. Достав левой рукой телефон, я перекладываю его в правую. По моим пальцам растеклось что-то густое, липкое, желтоватое и... это что, муравьи?

Мерзость!

Вскрикнув, я вытираю руку о футболку, и теперь моя ладонь не только липкая, но и покрыта волокнами ткани. С мрачным видом я подсвечиваю телефоном дверцу машины. По ней стекает мед, ручка и щели двери кишат муравьями.

Чувствуя недоброе, я нагибаюсь в открытый салон. Света от телефонного фонарика мало, но мне видны муравьи – еще больше – и переливающиеся блески, насыпанные на лужицу меда, растекшуюся по дорогой коже. Спинку сиденья водителя покрывает такая же гадость.

Это уж слишком! Все это. И город. И паршивые детки. И эта нелепая жизнь, которая должна была стать гораздо лучше моей прежней, потому что у меня появился толстый кошелек. Я закидываю голову и кричу от отчаяния и безнадежности, которые копились во мне с тех пор, как я села на тот дурацкий автобус до Бейсайда.

- Элла! - Раздается топот бегущих ног. - Что случилось? Кто тебя обидел? Где он? Я убью его...

Рид резко останавливается, увидев, что я одна.

- Почему ты преследуешь меня? - сердито спрашиваю я.

Сейчас, когда вокруг моих ног снуют полчища муравьев, на коже высыхают остатки пролитого на меня пива, а моя липкая рука вызывает лишь отвращение, он - последний, кого я хочу видеть.

- Я зову тебя минут пять, но ты была так поглощена своими мыслями, что ничего не слышала. - Рид хватается меня за плечи. - Ты в порядке?

Его ладони скользят по моим рукам и опускаются на бедра. Он разворачивает меня к себе, и я не сопротивляюсь. Сейчас мне до смерти нужен кто-то, кто позаботится обо мне, и даже его прикосновения кажутся чудесными. Ненавижу себя за это.

Вырвавшись, я натыкаюсь на дверцу машины.

- Не трогай меня. Со мной все в порядке. А кричала я вот из-за чего, - я яростно тычу в кабриолет.

Он заглядывает внутрь, подсвечивая хаос в салоне телефоном, и рывкает:

- Кто это сделал?

- Может, ты? - бормочу я, но мой рассудок удивляется глупости обвинения. Риду совершенно незачем портить мою машину.

- Ее подарил тебе мой папа, - с раздраженным вздохом отвечает он в подтверждение моих собственных мыслей. - Зачем бы я стал портить твою тачку?

- Кто тебя знает? - язвительно спрашиваю я. - Я и гадать не буду, что происходит в твоей тронутой голове.

У Рида такой вид, как будто он едва сдерживается, чтобы не выйти из себя. Только почему он должен выходить из себя? Это моя машина кишит муравьями, а он весь вечер миловался со своей бывшей.

- Ты спал с Эбби, когда я сбежала? - слова слетают с языка быстрее, чем я успеваю их остановить.

И начинаю жалеть о них в тысячу раз сильнее, когда на его лице мелькает улыбка.

- Нет.

«Тогда о чем вы двое там шептались?» - кричу я про себя.

Я приказываю себе отвернуться и сосредоточиться на том, как справиться с проблемой. Мне не нужен Рид, да и вообще никто не нужен. Я привыкла сама о себе заботиться.

Я вытираю руку и нахожу на телефоне приложение поисковой службы. Неуклюже печатаю слово «такси».

- Не хочешь спросить меня, о чем мы с ней разговаривали?

Нет. Я усвоила урок. Выбираю первый сервис и звоню.

- «Йеллоу-кэб», чем могу вам помочь?

- Я в... - Я прикрываю телефон рукой. - Где мы?

- Мэм, мне нужен адрес, - нетерпеливо говорит диспетчер.

- Минутку, - бурчу я в телефон.

Рид качает головой и забирает его из моей руки.

- Простите. Ошиблись номером. - Он засовывает мой мобильник в карман своих джинсов. - Эбби извинялась за то, что переспала с Истом. Я сказал, чтобы она не переживала.

- Ты должен переживать. Отдай мой телефон.

Он не обращает внимания на мою просьбу.

- Меня волнуют совершенно другие вещи. Например, почему моя девушка целует моего квотербека?

- Потому что он секси. - Я смотрю на карман Рида, раздумывая, как вернуть телефон. Мой взгляд смещается левее, на еще один бугорок, который становится тем больше, чем дольше я на него смотрю. Я помню, как он прижимался ко мне, твердый и горячий...

Мышцы напрягаются, кожу покалывает. Я сжимаю бедра.

- Он тебе не нравится, - хриплым голосом говорит Рид.

- Ты не знаешь, что мне нравится.

- Еще как знаю.

Молниеносным движением он обнимает меня за талию.

Его губы накрывают мои.

Я хватаю его голову, чтобы оттолкнуть от себя, но вместо этого прижимаю еще ближе. Мы не столько целуемся, сколько впираемся друг в друга губами, языками, зубами. Его руки крепко сжимают мои чуть выше локтя. Мои пальцы вонзаются в его волосы. Твердый бугор в его джинсах больше не воспоминание, а реальность, и все мое тело отзывается ликованием. О боже, как мне не хватало этого! Его губ. Его теплого тела, которое сейчас прижимается к моему. Я скучала по всему этому, и я ненавижу себя.

Оторвавшись от него, я требую:

- Перестань целовать меня.

Его губы кривятся в усмешке.

- Тогда отпусти меня.

Я медлю, Рид опять целует меня, и его язык проскальзывает между моих приоткрытых губ. В этот раз его рука вцепляется в пояс моих леггинсов, стягивая их вниз. Я нащупываю полы его рубашки, пытаюсь залезть под нее. Хрипло простонав, он подхватывает меня, и мои ноги обвивают его талию.

Я ощущаю прохладный металл капота машины под своими ягодицами. Пальцы Рида сжимают мои бедра, и напряжение, охватившее меня в самом начале, становится до боли невыносимым. Я извиваюсь в его крепких объятиях, желая чего-то большего, ища его, стремясь к нему всем своим естеством. Но оно постоянно куда-то ускользает.

Губы Рида отрываются от моих и спускаются к шее, потом к плечу.

- Вот так, малыш. Ты моя, - рычит он, уткнувшись в меня.

Да, я его. Его... *малыш?*

- Нет, нет. Нет. - Я выворачиваюсь из-под него, тяжело дыша, ощущая прилив стыда, и лихорадочно натягиваю на себя леггинсы. - У тебя скоро будет малыш, и это не я.

Он медленно выпрямляется, совершенно не беспокоясь о том, чтобы одернуть рубашку или застегнуть джинсы, которые я, похоже, пыталась с него снять.

- Повторяю в последний раз, Элла: эта женщина беременна не от меня! Почему ты мне не веришь?

В его голосе столько искренности, что я почти верю. Но «почти» - ключевое слово. Я прокручиваю в голове все случаи, когда мама умоляла меня дать парню, который изменил ей, второй шанс. «Он изменился, милая. Он стал другим. Это было недоразумение. Та женщина - вообще-то, его сестра».

Я никогда не понимала, как она не видит насквозь всю эту ложь, но теперь начинаю задаваться вопросом: может, ей просто хотелось верить в любовь и она убеждала себя не сомневаться в своем гнусном бойфренде, только чтобы рядом с ней кто-то был?

- Естественно, ты будешь все отрицать. А что еще тебе сказать? - я судорожно вздыхаю. - Давай просто забудем об этом.

- Ты реально думаешь, что я смогу об этом забыть? - его низкий голос звучит резко. - Ты ответила на мой поцелуй. Ты по-прежнему хочешь меня.

- Не льсти себе. Сейчас я бы поцеловала любого. Уже поцеловала. Помнишь? Если бы сейчас на твоём месте был Уэйд, я бы целовалась с ним.

Рид хмурится.

- Уэйд - хороший парень. Не разбивай ему сердце только потому, что хочешь насолить мне. Ты не такая.

- Ты не знаешь, какая я.

- Нет, знаю. Ты сама сказала - я вижу тебя. Я вижу твою боль и твое одиночество. Я вижу твою гордость, то, как она мешает тебе довериться другим. Я вижу твое огромное сердце, твое желание спасти весь мир, даже такого подонка, как я. - У Рида перехватывает голос. - Я устал играть в игры, Элла. Для меня не существует других девушек. Если ты увидишь, что я говорю с какой-то девчонкой, то знай, что я говорю о тебе. Если увидишь, что я иду с кем-то, то знай, я мечтаю, чтобы вместо нее рядом была ты.

Он делает шаг ко мне.

- Для меня ты - единственная.

- Я не верю тебе.

- Как мне заставить тебя передумать?

Я отталкиваю его. Рид стоит слишком близко, а мне нужна дистанция.

- Хочешь, чтобы я умолял? Потому что я буду. - Он начинает опускаться на асфальт.

- Парни! А Ройал-то *подкаблучник!* - доносится до нас чей-то громкий голос.

Затем следуют свист и пьяный смех. Мимо нас, еле передвигая ноги, проходит компания парней.

Я хватаю Рида, пока он не опустился на колени. Детишек из Астора я ненавижу больше, чем его. Но Рида, похоже, совсем не волнует, что его видели те придурки. Он лишь ухмыляется и показывает им средний палец.

На глазах выступают слезы, и я отворачиваюсь, чтобы он не увидел их.

- Я ненавижу это место, - шепчу я. - Честно. Астор - самая дурацкая школа на свете.

Между нами повисает тяжелое молчание, пока Рид не делает глубокий вдох.

- Пойдем, я отвезу тебя домой.

Моя машина в отвратительном состоянии, поэтому я с убитым видом иду за ним и залезаю во внедорожник, стараясь отодвинуться от Рида как можно дальше.

- Что случилось с твоей футболкой? - угрюмо спрашивает Рид. - Она насквозь мокрая.

- Джордан.

Его рука еще крепче сжимает руль.

- Я разберусь с ней.

– Как?

– Можешь не беспокоиться об этом.

Я смотрю в окно и стараюсь погасить искру надежды, начинающую разгораться в сердце. Это Рид Ройал. Парень, переспавший с подружкой своего отца. У него нет никаких моральных принципов. Он думает только о себе.

И я не позволю себе надеяться. Мое сердце больше не выдержит этого.

Глава 18

Рид

Вернуть Эллу получается не так быстро, как я думал. И не так легко. Мне казалось, поцелуй на вечеринке Ши доказал, что ее отношение ко мне изменилось. Но нет, он возымел абсолютно противоположный эффект. Элла по-прежнему не верит мне, и я не знаю, как еще убеждать ее, кроме как сделать тест на отцовство.

Папа пока ничего не говорил, но надеюсь, он его сделает. Он ни за что не станет связывать себя с этой змеей, не имея доказательств.

Выходные проходят паршиво, потому что меня игнорируют все члены семьи, кроме папы и Брук. Элла, Истон, близнецы, Гид – они злятся на меня.

Не спорю, я заслужил это. На сто процентов. Переспать с Брук – самая глупая ошибка в моей жизни. Паршиво и то, что я всегда был очень разборчивым в плане девушек и кто-то типа Брук никогда не попал бы в мой список. Я не должен был поддаваться ей. Как не должен был поддаваться желанию наказать папу. Ведь я по опыту знаю, что каждая моя идиотская выходка всегда заканчивается одинаково – я наказываю самого себя.

Но что сделано, то сделано, и я не могу ничего изменить. Могу ненавидеть себя, могу чувствовать себя последним дерьмом, но переписать прошлое я не в силах.

Элла не сможет обижаться на меня вечно, ведь правда?

– Ты пялишься.

Я поворачиваюсь к Уэйд, тот закатывает глаза. Да, попался. Я действительно не сводил глаз со столика Эллы. Она сидит вместе с Вэл у противоположной стены столовой. Она нарочно выбрала это место. Чтобы расстояние между нами было как можно больше.

И еще она поставила стул так, чтобы сидеть спиной ко всем. Ко мне. Она хочет дать понять, что между нами все кончено, но мы оба знаем: это не так. Элла и раньше испытывала ко мне ненависть, что не помешало ей влюбиться в меня. На самом деле между нами почти ничего не изменилось. Мы еще делаем притворные выпады, кружим вокруг, как хорошо подобранные спарринг-партнеры, но мы на одном ринге, вместе. И остальное неважно.

- Мне можно смотреть, - я бросаю на него сердитый взгляд. - А вот тебе нельзя. Хватит тарачиться на мою девушку. И не вздумай больше целовать ее.

Он лишь ухмыляется.

- Эй, я не виноват, что она засунула язык мне в рот.

Я рычу.

- Скажешь это еще раз - и я вырублю тебя.

- Ты ни за что не тронешь своего квотербека, - посмеиваясь, дразнит меня Уэйд, а потом встает со стула. - До встречи, братаны. Меня ждут в туалете.

Парни закатывают глаза. Уэйд на всю школу прославился своими перепихонами в школьных туалетах.

- Эй, Ист, - говорит кто-то на другом конце стола. - Слышал, ты поразвлекся с Саванной Монтгомери?

Меня словно бьет током. Это что, шутка? Сначала Эбби, а теперь Сав?

Когда на вечеринке Эбби отвела меня в сторону, то действительно хотела извиниться за то, что переспала с Истоном. Она уверяла, что злилась на меня, и это был ее способ выплеснуть гнев. Было трудно удержаться и не сказать, что мне плевать, с кем она трахается. Потому что это правда, мне плевать. Я потерял интерес к Эбби еще до того, как в моей жизни появилась Элла, и мне искренне до лампочки, с кем она спит.

А на Истона мне не наплевать. Мой брат слетел с тормозов, и я ничего не могу сделать, чтобы остановить его. И поэтому я не сплю по ночам. Ну, и из-за Эллы, конечно.

И стоит мне вспомнить про Эллу, как кто-то из моих товарищей по команде произносит ее имя. Я тут же перестаю притворяться, что не слушаю, и поворачиваюсь лицом к парням, которые сплетничают, словно на фуршете младшей лиги.

- Что там с Эллой? - требовательно спрашиваю я.

Нейман Халлоуэй, десятиклассник и наш игрок нападения, кривится.

- Слышал, что на уроке по речевой практике ей пришлось туго.

- Что произошло?

Я складываю руки на груди и сверлю глазами обоих. Если они не скажут, то их обеденные подносы отпечатаются у них на физиономиях.

Нейман откашливается.

- Лично меня там не было, но моя сестра с ней в одном классе. Сказала, что Элле пришлось делать выступление на тему «На кого я хотела бы равняться» или что-то типа того. Элла написала о своей маме, и... э-э-э... - Он неловко ерзает на месте.

– Выкладывай. Я не буду бить тебя за пересказ того, что случилось на уроке, но точно набью тебе морду, если не перестанешь тратить мое время.

Сидящий на другом конце стола Истон тоже внимательно слушает, но, когда я пытаюсь поймать его взгляд, отводит глаза.

– Ладно. Короче, вроде как кое-кто глумился над ней, понимаешь? Говорил всякую чушь типа: «Я тоже обожаю стриптизерш. Особенно когда они трутся о мое лицо». И моя сестра говорит, что одна из Пастелей спросила Эллу, есть ли у нее видеозаписи, на которых ее мама учит делать минет клиентам.

Я чувствую, как с каждой секундой мое лицо становится все мрачнее и свирепее. Мне приходится напомнить себе, что он всего лишь пересказывает и нельзя убивать его за это.

Нейман уже белее простыни.

– А потом еще какая-то девчонка сказала ей, что ее мама умерла от стыда, потому что Элла – грязная шлюха.

Краем глаза я замечаю какое-то движение, а когда поворачиваюсь, вижу, что Элла и Вэл идут, неся в руках пустые подносы.

Меня так и подмывает кинуться вслед за ней, но, как бы мне ни хотелось утешить ее, я понимаю, что она не станет меня слушать. К тому же одними утешениями теперь не поможешь.

Уэйд прав: в школе надо что-то менять. До побега Эллы только Джордан осмеливалась разговаривать с ней в таком тоне.

Я поворачиваюсь к парням.

– Все? – спрашиваю я сквозь зубы.

Нейман и его друг обмениваются тревожными взглядами.

Нет, видимо, еще не все. Я настороженно жду продолжения.

Друг Неймана подхватывает.

– Когда мы выходили из класса, кто-то спросил Дэниела Делакурта, выпали ли из Эллы долларовые купюры, когда она раздвинула перед ним ноги. Он сказал: нет, она та еще дешевка, только четвертаки.

Я прижимаю кулаки к коленям, потому что боюсь, что если выйду из себя, то сровню школу с землей.

– Напиши своей сестре! – рявкаю я Нейману. – Мне нужны имена.

Нейман вытаскивает телефон быстрее, чем бросается принимать пас от квотербека. Он в три счета отправляет сообщение, но приходится ждать почти минуту, пока придет ответ. Когда его телефон наконец-то издает короткий звуковой сигнал, я уже рад убить кого-

нибудь.

- Скип Хенли - тот, кто спрашивал про долларовые купюры...

Нейман не успевает закончить предложение, а я уже вскакиваю на ноги. Боковым зрением вижу, что Истон встает со стула, и поднимаю руку, чтобы остановить его.

- Я разберусь.

В его глазах что-то мелькает: невольное уважение? Ха, может быть, наши с братом отношения еще можно спасти.

Я оглядываю столовую, пока не нахожу свою цель. Скип Хенли. Он и раньше попадал в поле моего зрения. У него длинный язык, и ему нравится трепаться о девчонках, с которыми он переспал, обсасывая каждую унижительную для них деталь.

Я пересекаю комнату и останавливаюсь у стола Хенли, где все тут же умолкают.

- Хенли, - холодно говорю я.

Скип осторожно поворачивается. Настоящий чертов преппи[4]: идеально уложенные гелем волосы, гладко выбритое миловидное лицо.

- Да?

- До обеда у тебя был урок по практике речи?

Он кивает.

- Был. И что с того?

- Смотри, уговор такой. - Я хлопаю себе по груди. - Я даю тебе один шанс. Один удар. Куда ты сам захочешь. А потом я избыю тебя так, что родная мать не узнает.

Он лихорадочно оглядывается по сторонам, отыскивая путь к бегству. Мимо меня ему не проскочить, а его так называемые друзья усиленно делают вид, что не знают его. Все, кто сидит за столом, отводят глаза, копаются в своих телефонах, ковыряют вилками в тарелках. Скип остался один, и он это понимает.

- Не знаю, что ты там про меня подумал, - начинает он, - но...

- А тебе нужно напоминание? Без проблем. Я помогу тебе, братан, - ты говорил гадости про Эллу Харпер.

В его глазах на секунду вспыхивает паника, которая сразу сменяется ожесточенным негодованием. Он понимает, что выбора у него почти нет, и решает притвориться дураком.

- И что с того? - снова говорит он. - Я лишь говорил правду. Мы знаем, что девка так много проводит времени на спине, что там уже отпечатался рисунок матраса...

Я стаскиваю его со стула, не дав договорить. Зажав воротник его рубашки между пальцами, я приближаю его лицо к своему.

- Либо у тебя слишком много смелости, либо жить надоело. Я склоняюсь к последнему.

- Пошел ты! - выкрикивает Хенли, его слюна брызжет мне в лицо. - Считаешь себя королем школы, Ройал? Думаешь, что можешь притащить к нам какую-то шлюху и силой навязать ее? Мой прапрадед знал самого генерала Ли! Я не собираюсь водить дружбу с отбросами типа нее!

И он с ревом сам бросается на меня. Я позволяю ему нанести удар, который оказывается таким же слабым, как сам Скип. Позеры на поверку оказываются слабаками, потому что на самом деле они всего лишь неуверенные в себе придурки, которые самоутверждаются за счет других.

Его кулак задевает меня по касательной, потому что он не знает, как правильно бить. Смеясь, я хватаю ублюдка за горло и подтаскиваю к себе.

- Твой папочка недостаточно любит тебя, раз не научил драться, а, Скиппи? Смотри, это называется джеб[5]. - Я дважды короткими ударами бью его в лицо. - Видишь, как это работает?

Сзади раздается громкий смех, и я узнаю Истона. Мой брат наслаждается представлением.

Хенли скулит от боли и пятится назад. Воздух наполняет запах мочи.

- Эй, он обоссался! - кричит кто-то.

Я с отвращением хватаю Скипа за загривок, пинком сбиваю с ног и бью лицом в пол. Мое колено упирается в его позвоночник, я наклоняюсь к нему и говорю:

- Еще раз скажешь хоть слово про Элли или кого-то из ее друзей - и я сделаю с тобой кое-что похуже, чем просто два удара в лицо, усек?

Он, жалобно поскуливая, кивает.

- Вот и славно.

Я отталкиваю его и встаю на ноги.

- Это касается и всех остальных, - объявляю я толпе. - Начиная с сегодняшнего дня вы внимательно следите за тем, что говорите и делаете, - или то, что случилось с этим уродом, покажется вам гребаным чаепитием.

Столовая погружается в гробовое молчание, и мне доставляет удовольствие видеть в их глазах тревогу и страх. Детишкам нужен лидер, который не позволит им уничтожить друг друга, - Уэйд прав.

Я не напрашивался на эту работу, но она моя, нравится мне это или нет.

* * *

Вместо того чтобы пойти на урок, я направляюсь в мужской туалет на первом этаже, расположенный рядом со спортивным залом. Установленного правила, что туалетом могут пользоваться лишь члены футбольной команды, нет, но так уж повелось.

И Уэйд извлекает из этого максимальную выгоду. Сейчас у него должен быть урок по государственному управлению, но с тех пор, как его мать начала спать с учителем, он не переступает порог класса. Говорит, что после всех углеводов, которые он впихнул в себя во время ланча, ему лучше всего либо поспать, либо трахнуть кого-нибудь, но последнее – куда веселее.

Я нарочно громко вхожу в туалет, чтобы дать знать Уэйду и его пассии, что они больше не одни, но, видимо, напрасно утруждаюсь. До меня доносятся томные стоны, которые в знакомом ритме сменяются на «да, Уэйд, пожалуйста, Уэйд».

Со скучающим видом я прислоняюсь к раковинам и наблюдаю, как громко дребезжит дверца одной из кабинок, когда Уэйд удваивает усилия. Судя по голосу, послеобеденный секс у него с Рэйчел Коэн.

Уэйд не самый внимательный парень, но когда он с девушкой, то отдает себя всего. О большем можно даже не просить. Я смотрю на часы. Мне не очень хочется пропускать следующий урок.

Я стучу в дверь.

– Эй, детишки, вы заканчиваете?

Шум утихает, я слышу сдавленный испуганный вскрик и приглушенные успокаивающие слова.

– Я держу тебя, детка...

Шуршание, а потом:

– Вот так. Хорошо, да? Не переживай из-за старика Рида... О-о-о, тебе это нравится. Хочешь, я открою дверь? Нет? Ладно, но он там. Слышит нас. Черт, тебе это очень нравится! Да, детка, кончай.

Слышится тихий стон, потом звук какого-то движения, а затем протяжный низкий рык. О том, что точно все закончилось, свидетельствует звук смываемой в унитазе воды.

Дверца открывается, я ловлю взгляд Уэйда и показываю на часы. Он кивает мне, застегивает ширинку, обнимает Рэйчел и смачно целует ее.

– Черт, детка, это было потрясающе.

Она вздыхает, уткнувшись в него. Этот звук мне знаком. Элла делала точно так же, когда мы дурачились. До смерти хочется услышать его снова, и меня немного раздражает, что она не подпускает меня к себе.

Я громко откашливаюсь.

Уэйд не то провожает, не то несет Рэйчел к двери.

- Увидимся после занятий? – с надеждой в глазах спрашивает она.

- Конечно, детка. – Он умолкает и оглядывается на меня через плечо.

Я отрицательно качаю головой.

Он пожимает плечами, как бы говоря, что спросить все равно не мешало.

- Я приду после ужина. Держи ее для меня горячей, – он хлопает Рэйчел по переду ее укороченной форменной юбки. – Я буду думать о тебе остаток дня. Мне будет нелегко.

Даже после стольких лет дружбы с Уэйдом я не могу понять, искренне он говорит такие вещи или просто для красного словца.

- Ты имеешь в виду справиться с эрекцией? – воркует Рэйчел.

Хватит.

- Уэйд, – нетерпеливо говорю я.

- Увидимся, Рэйч. Нам с Ридом нужно немного поболтать, иначе, клянусь, мы бы еще повеселились.

Она медлит, и Уэйду приходится чуть ли не силой вытолкать Рэйчел за дверь. Захлопнув дверь, он приставляет к ней мусорную корзину и вальяжно подходит ко мне. Я включаю краны с водой, чтобы нас никто не мог подслушать, и перехожу сразу к делу.

- В пятницу вечером, на вечеринке у Монтгомери, кто-то измазал медом машину Эллы. И я только что подрался с одним придурком, который донимал ее на практике речи. Что происходит?

- Серьезно? Ты вообще слушал меня, когда мы говорили в последний раз? Вообще-то, да, ты слушал и сказал, что тебе все равно, – выразительно замечает Уэйд.

- А теперь мне не все равно. Я хочу знать, почему все опять настроились против Эллы. Все знают, что я с удовольствием двину любому просто за то, что на нее косо посмотрели, поэтому не понимаю, почему ее достают.

Уэйд сует руки под кран и моет их тщательно и неторопливо, не спеша отвечать.

- Уэйд, – предупреждаю я.

Он поднимает руки вверх.

- Ладно, не бей меня. Только взгляни на это красивое личико, – Уэйд похлопывает себя по подбородку. – Если ты его испортишь, больше не будет никаких Рэйчел.

Я припечатываю его взглядом, потому что он сантиметров на пять короче меня, и требовательно спрашиваю:

– Почему народ издевается над Эллой?

Уэйд пожимает плечами.

– Раньше тебя боялись. А теперь? Не очень-то.

– И что это значит?

– А то, что у Делакурта все зубы на месте, а ведь он пытался изнасиловать твою девушку. Джордан говорит то, что захочет, и без всяких последствий. Они думают, что ты устал от Эллы, а раз ты перестал заступаться за остальных, они не станут поддерживать тебя. А Элла – их любимый объект нападок.

– Еще что-нибудь?

– А тебе еще мало? – печально пожимает плечами Уэйд.

Я с досадой киваю.

– Более чем достаточно.

– Будешь что-нибудь делать?

– А ты как думаешь? – я отталкиваю мусорную корзину от двери.

– Я думаю, что если вы, Ройалы, выступите единым фронтом, все сразу охладят свой пыл. На самом деле никому не нравится то, что происходит, но они слишком напуганы или ленивы, чтобы сделать что-нибудь. И если честно, приятель, ты попадаешь под последнюю категорию.

Я сжимаю челюсти, понимая, что он прав. Гидеон куда активнее отстаивал свои принципы в школе, чем я. Он был внимательным. Узнавал, кто стоит за очередной выходкой, и делал так, чтобы никто не нарушал правил. И обычно я был тем, кто сообщал ему новости.

После того как Гидеон окончил школу, все почему-то решили, что главный я. А я не делал почти ничего, чтобы доказать, правы они или ошибаются. До сегодняшнего дня.

Я разворачиваюсь к Уэйду.

– Ты прав. Я был ленивым придурком.

Уэйд ухмыляется.

– Я всегда прав. И что ты собираешься делать?

– Еще не знаю. Но не волнуйся, скоро со всем этим дерьмом будет покончено. – Я смотрю на него своим самым убийственным взглядом. – Я этим займусь.

Глава 19

Элла

Приехав домой после школы, я направляюсь напрямик в свою комнату, бросаюсь на кровать и сворачиваюсь калачиком. Как бы мне хотелось, чтобы адского дня никогда не было! Стоит мне подумать, что уже никогда не доведется испытать большего унижения, как сволочи из Астор-Парка доказывают обратное.

Но я не буду плакать, нет. Не пророню ни слезинки. Не позволю им обрести надо мной власть.

Да уж, практика речи обернулась для меня новым кошмаром. Оскорбительные реплики в адрес мамы – это уже чересчур, и я едва не сорвалась. Поверить не могу, что учитель глазел на класс чуть ли не пять минут и только потом утихомирил придурков.

Может, мне стоило поехать к Вэл, как она просила. Мы бы сидели на кровати, ели мороженое или болтали про ее новое романтическое увлечение. Это же гораздо лучше, чем хандрить всю ночь в своей комнате.

И я не превращалась бы в натянутую струну каждый раз, когда слышала шаги в коридоре. Не верится, что той ночью я целовала Рида. Нет, это было больше чем просто поцелуй. Он стянул с меня легинсы и держал за бедра. Кто знает, как далеко я позволила бы ему зайти, если бы вдруг у него не выскочило это слово, «малыш».

Что если он действительно отец малыша Брук? Как я смогу жить в одном доме с Ридом, Брук и их секретом – ребенком, которого ничего не подозревающий Каллум будет растить как своего собственного?

Боже, когда моя жизнь стала похожа на мыльную оперу?

Я накрепко сжимаю лицо ладонями и чувствую, что зубы врезаются в щеки. Но эта боль – ничто по сравнению с той, что поселилась в моем сердце. Я... скучаю по Риду. Злюсь на себя за это, но ничего не могу с собой поделаться. Все, что я говорила ему про то, как он видит меня... эти чувства по-прежнему со мной. Он видит меня насквозь, несмотря на толстую броню, под которой я прячусь. Он видит мои страхи, мою уязвимость и не осуждает меня.

А я когда-то искренне верила, что тоже вижу его. Неужели я все это придумала? Те наполненные смехом мгновения, когда мы оба позволяли нашим щитам опуститься, та неприкрытая искренность в его глазах, когда он говорил мне, что хочет быть достойным человеком, то ощущение умиротворения, которое наполняло меня каждый раз, когда мы вместе засыпали...

Это было лишь в моем воображении?

Я вытаскиваю из рюкзака учебник по математике и заставляю себя сосредоточиться на уроках. Потом пытаюсь развлечься просмотром двух глупых эпизодов «Холостяка», но это совсем не весело, если рядом не сидит Вэл и не острит про соперниц.

– Элла, – из коридора доносится голос Каллума, а затем следует резкий стук в дверь. – Ужин готов. Спускайся.

– Я не голодна, – отзываюсь я.

- Спускайся, – повторяет он. – У нас гости.

Я хмурюсь, глядя на дверь. Обычно Каллум не ведет себя со мной как строгий родитель, но сейчас в его голосе слышится отцовская суровость.

- Мы ужинаем на террасе, – добавляет он.

Он стучится в другие двери и собирает нас всех. Он делает это лично, и такое ощущение, что его что-то... тревожит.

Я сажусь на кровати, с опаской размышляя над тем, что же это за «гости». Конечно, Брук, потому что с тех пор, как они с Каллумом оповестили нас о ребенке, ведьма проводит в доме почти каждую ночь.

Но кто еще? Насколько я знаю, у Каллума был только один друг – Стив, и он умер.

Вздохнув, я заставляю себя слезть с кровати и быстро переодеваюсь. Школьная форма – не слишком подходящий прикид для ужина. К сожалению, я все время забываю отправиться по магазинам и сейчас вынуждена надеть одно из платьев, купленных для меня Брук.

Я выхожу в коридор одновременно с Ридом и Истоном и притворяюсь, что не замечаю их, а они игнорируют друг друга, и поэтому по лестнице мы спускаемся в каменной тишине.

Когда мы выходим на террасу, я тут же понимаю, почему Каллум показался мне таким встревоженным. На ужин к нам пожаловали двое гостей: Брук... и Дина О'Халлоран.

Рид, остановившийся рядом со мной, мгновенно напрягается. Он переводит синие глаза с одной стервы-блондинки на другую.

- Что за повод? – Его голос звучит холодно.

Брук широко улыбается.

- Празднуем помолвку, глупенький! – Она перебрасывает волосы за плечо. – Неофициальную, конечно, потому что настоящую вечеринку в честь помолвки устроим позже, когда уладим все детали. В каком-нибудь неприлично роскошном месте, типа «Паласа» или, может, в «Кинг Эдвард». Как считаешь, Дина? Нам нужно что-то современное или что-то традиционное?

Дина морщит нос от отвращения.

- Отель «Кинг Эдвард» потерял свою привлекательность, Бруки. Раньше он был эксклюзивным, но сейчас, когда они снизили расценки, их клиенты в основном невысокого пошиба.

Каллум смотрит на меня и мальчиков.

- Садитесь, – командует он. – Вы ведете себя невоспитанно.

Я ищу, куда сесть. Брук и Дина расположились по обе стороны от Каллума, Сойеру и Себастиану – у обоих мрачные лица – посчастливилось занять места у противоположного

конца стола.

Рид и Истон проходят мимо пустых стульев рядом с женщинами и усаживаются рядом с близнецами. Мне остается два не самых завидных варианта, и, решив, что Дина – меньшая из двух гадин, я занимаю место рядом с ней.

Стоит мне устроиться поудобнее, как во французских дверях появляется Гидеон.

– Добрый вечер, – бурчит он.

Каллум одобрительно кивает.

– Рад, что ты смог приехать, Гид. – В его голосе слышится резкость.

Тон Гидеона еще более резок.

– Тем более что ты, папа, почти не оставил мне выбора.

В его челюсти дергается мускул, когда он замечает, что единственный свободный стул – рядом с Брук. Его будущей мачехой.

Она хлопает по сиденью.

– Садись, дорогой. Позволь я налью тебе бокал вина.

– Я буду воду, – натянуто отвечает Гидеон.

Когда мы все расселись, над столом повисает неловкая тишина. Братья Ройал сидят с самым хмурым видом. Каллум наблюдает за ними, на его лице читается разочарование.

А чего он ожидал? Его сыновья почти не говорят с ним с того дня, когда было объявлено о ребенке. Я вижу, как кривятся от отвращения близнецы всякий раз, когда Брук сверкает своим бриллиантом. Истон – чаще пьяный, чем трезвый. Гидеона, судя по всему, можно затащить домой только силой. А Рид переспал с подружкой Каллума два или три, а может быть, и сотню раз.

Так что действительно Каллум сошел с ума, если рассчитывает, что счастливый ужин большой семьи не окажется самой настоящей катастрофой.

– Большое спасибо за приглашение, – щебечет Дина Каллumu. – Я уже вечность не бывала в вашем королевском дворце.

Желчь в ее словах показывает, что на самом деле Дину беспокоит, почему ее сюда не приглашают. Сегодня она выглядит очень красивой, даже несмотря на яд в зеленых глазах. Ее золотистые волосы убраны в высокую прическу, в ушах серьги с бриллиантами. Она в белом платье с глубоким треугольным вырезом, демонстрирующим не только ее загар, но и зону декольте.

Я вижу, чем она привлекла моего отца. Дина похожа на сексуального ангела. Интересно, сколько времени прошло, прежде чем он понял, что на самом деле она – дьявол?

Каллум, должно быть, нанял специальных работников для обслуживания ужина, потому что на террасе появляются три незнакомых мне женщины, одетых в униформу, и начинают подавать блюда. Я чувствую себя неловко, приходится удерживаться от того, чтобы не вскочить и не начать помогать.

Наконец мы приступаем к еде. Я не различаю вкуса, а просто кладу пищу в рот вилка за вилкой. Если честно, я стараюсь, чтобы меня не вырвало. Брук без умолку болтает про нового малыша Ройала, и меня тошнит.

– Если это будет мальчик, то я хочу, чтобы его второе имя было Эмерсон, в честь отца Каллума, упокой Господь его душу, – говорит Брук Дине. – Каллум Эмерсон Ройал Второй, по-моему, неплохо звучит, да?

Она хочет назвать ребенка Каллумом? «Почему не Ридом?» – хочется язвительно спросить мне. Я крепко сжимаю стакан с водой: мысль о том, что биологическим отцом ребенка действительно может быть Рид, вызывает во мне прилив ярости. И тошноты. И вообще, уже само по себе это просто отвратительно.

Рид утверждает, что последний раз он был с Брук шесть месяцев назад, а у нее явно не такой большой срок. Может, у них и правда *не было* секса в ту ночь, когда я застала их? Он так говорит. И Брук тоже.

Может, они говорят правду?

Да, Элла, и последний мамин парень однозначно просто держался за руку с собственной сестрой. Идиотка.

– Элла!

Я поднимаю голову и вижу, что Каллум внимательно смотрит на меня.

– Простите, что?

– Брук задала тебе вопрос, – подсказывает он.

Я с неохотой перевожу взгляд на Брук, которая подмигивает мне.

– Я спросила, не хочешь ли ты предложить имя для девочки?

– Нет, – бормочу я. – У меня плохо с именами.

– Мальчики, – спрашивает она братьев, – у вас есть идеи?

Все как один молчат. Близнецы притворяются, что слишком заняты едой, а Рид, Гидеон и Истон в открытую игнорируют ее.

Так как я единственная, кто принимает участие в разговоре – если шесть жалких слов можно назвать участием, – то внимание старших сосредоточивается исключительно на мне.

– Я огорчена, что ты не бываешь в нашем пентхаусе, – говорит Дина. – Мне очень хочется получше узнать дочь своего мужа.

Она произносит слово «дочь» так, словно это ругательство. Лицо Каллума напрягается, но губы остаются плотно сжатыми.

- Меня не приглашали, - я пытаюсь придерживаться такого же холодного тона.

Взгляд Дины темнеет.

- Тебе не нужно приглашение, - сладким голосом говорит она. - Пентхаус наполовину принадлежит тебе, не забыла?

- Наверное.

Она лишь пожимает плечами на мое хмурое выражение лица и поворачивается к Гидеону.

- Как дела в колледже, дорогой? Мы не виделись целую вечность. Расскажи мне обо всем.

- В колледже все отлично, - коротко отвечает он.

- Скоро у тебя будут соревнования по плаванию? - Дина проводит пальцами по ножке своего бокала. - По-моему, Брук мне что-то говорила.

В челюсти Гидеона дергается мускул, и он отвечает:

- Да, верно.

В разговор вступает Брук, ее глаза весело поблескивают.

- Может, нам следует поехать и поболеть за него? Как считаешь, Каллум?

- А?.. Да. Это... отличная мысль.

Рид тихо фыркает.

Каллум бросает на него предостерегающий взгляд.

Сейчас я ненавижу всех, кто сидит за столом.

Напряжение растет, и вот я уже чувствую, как стены сжимаются и душат меня. Я не выдержу. Что мне делать?

- Как бы мне хотелось, чтобы ты знала своего отца! - говорит Дина. - Стив был... масштабной личностью. И преданным. Очень преданным. Правда, Каллум?

Каллум кивает и наливает себе очередной бокал вина. Я уверена, что это уже вторая бутылка. Брук из-за беременности пьет газированную воду.

- Лучше людей я не встречал, - заплетающимся языком говорит Каллум.

- Вот только своими деньгами он распоряжался не так хорошо, - замечает Дина. Ее зеленые глаза смотрят на меня и на мгновение суживаются. - На кого ты больше похожа, Элла? На маму или на отца?

- На маму, - коротко отвечаю я, но, черт возьми, откуда мне знать?

– Конечно, тебе приходится так говорить, – задумчиво рассуждает она. – В конце концов, Стив ничего не знал о тебе. Для него ты в буквальном смысле не существовала почти всю жизнь.

Какой тонкий и хитрый намек, Дина. Но знаете что? Я выросла среди коварных женщин, которые только и боялись, что потерять свое главное оружие – внешность. Я смогу стерпеть все, что она скажет.

Я улыбаюсь.

– Но он появился в моей жизни. И оставил мне все, что мог.

И оставил бы больше, если бы у тебя не было целой команды юристов, которые позаботились о том, чтобы каждый свободный пенни попал в твой кошелек.

Она улыбается в ответ, показывая все зубы.

– Я недавно как раз думала о тебе. – *Прошу, не надо.* – О том, как мы похожи. Моя мама тоже болела, когда я была маленькой, и мы тоже много переезжали, как и вы. Она принимала необдуманные решения. То и дело...

Дина прерывается, чтобы сделать глоток вина.

Против воли мы слушаем каждое ее слово, и она явно наслаждается нашим вниманием.

– То и дело люди приходили и уходили, и не все из них оказывали на меня хорошее влияние. Иногда мужчины хотели от меня того, чего никогда нельзя просить у ребенка.

Дина выжидающе смотрит на меня. Думаю, она сродни тем старым добрым проповедникам с Юга, которым всегда необходимо подтверждение, что их речи доходят до слушателей.

– Это ужасно, – бормочу я.

Однако она права. Ее история во многом напоминает мое прошлое. Но я не хочу сопереживать ей. Она давно живет совершенно другой жизнью.

– Так оно и есть. – Дина промокает салфеткой уголок рта. – Я хочу поделиться с тобой советом, как одна растерянная девушка с другой. Не жди того, чего хочешь от жизни, иначе кончишь, как наши матери. Уверена, ты этого не хочешь, Элла.

Каллум кладет вилку на стол с большей силой, чем необходимо.

– Мне кажется, это не самый подходящий для ужина разговор.

Дина лишь отмахивается от него.

– Простой разговор между девочками, Каллум. Я делюсь с Эллой своей мудростью, а она мне досталась дорогой ценой.

И предупреждает меня, что собирается забрать все, что оставил мне Стив.

- Это что, сюжетная линия фильма на канале *Lifetime*[6]? - вмешивается Истон, не дав мне ответить. - Я у себя этот канал заблокировал.

- Мы тоже, - говорит Сойер. - А где десерт?

- Если вам наскучило слушать о наших с Эллой жизнях, давайте тогда поговорим о вас, мальчики. Я знаю, что Истон и близнецы предпочитают не заводить серьезные отношения. А вы двое? Рид? Гидеон? Вы встретили свою единственную или разбиваете сердца, как ваши младшие братья? - Дина задорно смеется.

Но никто не поддерживает ее.

- Мы оба пока свободны, - вымучивает из себя Гидеон.

Это привлекает внимание Брук. Она накручивает на палец прядь волос и бросает на меня полный ехидства взгляд, в то время как официанты разносят десерт.

- А ты, Элла? Уже нашла того самого?

Теперь и Каллум смотрит на меня. Кто бы сомневался, что именно в этот момент он решит оторваться от бутылки с вином.

Я опускаю глаза на тарелку с десертом, как будто лежащее на ней тирамису - самое захватывающее в мире зрелище.

- Нет, я ни с кем не встречаюсь.

В разговоре наступает очередная пауза. Я соскребаю пирожное с тарелки так быстро, как только могу, и краем глаза замечаю, что братья Ройал поступают так же.

Гидеон опережает нас всех, опускает вилку рядом с тарелкой и со скрипом отодвигает свой стул.

- Мне нужно позвонить.

Его отец хмурится.

- Сейчас подадут кофе.

- Больше ничего не хочу, - бубнит Гид и со всех ног удирает с террасы.

Рид открывает рот, но Каллум взглядом заставляет его замолчать. «Ты никуда не пойдешь», словно говорит он. И Рид со злостью откидывается на спинку стула.

Появляются официанты, неся подносы с латте - на пенках красуются узоры. На моем изображен листок. У Брук - дерево, хотя должны быть вилы.

- Извините меня, - говорит Дина, когда кофе разнесли всем. - Мне нужно в комнату для девочек.

Рид ловит мой взгляд, и мы оба закатываем глаза. Но я сразу жалею о моменте полного взаимопонимания, потому что на его губах появляется довольная полуулыбка.

На этот раз быстрее всех оказываемся мы с Истоном, проглотив кофе за рекордное время. Мы опускаем чашки и заговариваем одновременно.

- Я помогу официантам с тарелками...

- Я возьму поднос...

Секунду мы сверлим друг друга глазами, но обоюдное желание убраться подальше отсюда рождает очередной момент сближения.

- Мы с Эллой немного поможем, - заканчивает за нас обоих Истон, и я благодарно киваю ему.

Каллум тут же возражает.

- Официанты вполне способны...

Но мы с Истоном уже собираем первые попавшиеся блюдца и чашки.

Мы спешим к французским дверям, когда я слышу, как Рид сердито ворчит нам вслед.

- Великие умы мыслят одинаково, - шепчет мне Истон.

Я бросаю на него сердитый взгляд.

- Неужели мы опять друзья?

На его лице появляется виноватое выражение. Когда мы входим в кухню, он ставит блюдца в раковину, украдкой смотрит на официантов и понижает голос до шепота.

- Прости за то, что я сказал на вечеринке у Сав. Я был... пьян.

- Тебе не разрешается использовать эту причину как оправдание, - отвечаю я. - Ты *всегда* пьян, но никогда не говорил мне ничего подобного.

Его щеки краснеют.

- Прости. Я - козел.

- Угу.

- Прощаешь меня?

Он улыбается своей фирменной мальчишеской улыбкой, которая заставляет всех таять, но я не позволю ему так легко отделаться. То, что он сказал мне тем вечером, было очень грубо. И больно. Поэтому я качаю головой и выхожу из кухни.

- Элла. Да ладно тебе! погоди. - Он догоняет меня в коридоре и хватает за руку. - Ты же знаешь, я вечно ляпаю всякие глупости, не подумав.

Мое лицо вспыхивает.

- Ты фактически объявил всем, кто был на вечеринке, что я шлюха, Истон.

Он стонет.

- Знаю. Я облажался, ладно? Ты же знаешь, что на самом деле я так не думаю. Я... - Он морщится. - Ты мне нравишься. Ты - моя младшая сестренка. Пожалуйста, не злись на меня.

Но я не успеваю ответить, потому что мое внимание привлекает еле слышный звук, похожий на стон. Или на вздох?

Я смотрю в конец коридора. В той части дома только три помещения: маленькая туалетная комната, кладовая и стенной шкаф.

- Ты слышал? - спрашиваю я Истона.

Он мрачно кивает.

Что-то подталкивает меня прокрасться по коридору. Я останавливаюсь перед кладовой, но оттуда не доносится ни звука. За дверью шкафа тоже тишина. Но вот за дверью уборной...

Услышав стон, мы с Истоном замираем на месте. Судя по всему, он принадлежит женщине. У меня холодеет кровь, потому что сейчас в особняке Ройалов шесть женщин, и местоположение пяти всем известно. Брук на террасе. Официантки на кухне. Я здесь.

А значит...

Я, округлив глаза, поворачиваюсь к Истону, меня вдруг начинает подташнивать.

Он, должно быть, тоже сложил два и два, потому что его рот слегка приоткрыт.

- Истон, - шиплю я, когда он тянется к дверной ручке.

Ист поднимает указательный палец к губам. Потом, к моему ужасу, поворачивает ручку и на пару сантиметров приоткрывает дверь.

Этих сантиметров вполне достаточно. Даже более чем. Мы успеваем разглядеть, кто внутри. Светловолосая голова Дины. Темноволосая Гидеона. Его руки впиваются в ее бедра. Ее тело выгибается дугой, прижимаясь к нему.

Истон беззвучно закрывает дверь и, спотыкаясь, пятится назад, как будто ему только что вlepили пощечину.

Мы не произносим ни слова, пока не оказываемся на безопасном расстоянии от туалета.

- О боже, - в ужасе шепчу я. - Гидеон...

Истон закрывает мне рот рукой.

- Замолчи, - тихим голосом говорит он. - Мы ничего не видели, ясно?

Его рука дрожит. Строго взглянув на меня, Истон разворачивается на каблуках и исчезает в холле. Через несколько секунд хлопает входная дверь.

Глава 20

В полночь у меня звонит телефон. Я не сплю. Стоит закрыть глаза, как я снова вижу головы Гидеона и Дины и его руки на ее ягодицах. Эта картинка слишком похожа на ту, в которой я представляю Брук и Рида, и я спрашиваю себя, не потому ли Риду и пришла в голову эта идиотская идея.

Я протягиваю руку к тумбочке и беру телефон. На экране Вэл вытягивает губы, посылая мне воздушный поцелуй.

- Привет, подружка, что такое? – шепчу я в телефон.

В ответ тишина.

Я сажусь на кровати.

- Вэл!

Раздается судорожный вздох, затем всхлип, и потом я слышу:

- Элла, это я, Вэл.

- Знаю. Я прочитала твое имя на экране. Что случилось? Где ты? – Я уже соскочила с кровати и натягиваю легинсы, дожидаясь ее ответа.

- Бульвар Саут-Индастриал, рядом с каким-то складом. Там подпольная вечеринка.

- Что стряслось? Тебя нужно забрать оттуда?

- Да. Прости, что звоню тебе. – В ее голосе слышится отчаяние. – Я приехала сюда, потому что слышала, что Тэм в городе, но не смогла найти его, а тот, кто подвез меня, уехал. Тут паршиво.

Я вздыхаю, но не осуждаю ее. В конце концов, не я ли целовала Рида несколько дней назад? Мне так стыдно, что я даже не смогла признаться в этом своей лучшей подруге.

- Скоро буду, – обещаю я.

Она начинает говорить что-то, но замолкает.

- Что? – спрашиваю я, хватая с комода ключи.

- Просто... здесь может быть опасно. Лучше возьми с собой кого-нибудь.

Она имеет в виду Рида? Нет уж, спасибо. Я скорее отрежу себе ногу, чем попрошу его о помощи.

- Посмотрю, дома ли Истон.

- Хорошо. Буду ждать тебя.

Я обуваюсь, рывком открываю дверь и встаю как вкопанная, потому что напротив моей комнаты сидит, привалившись к стене, Рид. Дверь ударяется о стену, прежде чем я успеваю ее поймать, и резкий звук вырывает его из сна.

Сонные глаза разглядывают мою одежду, сумку и ключи.

– Куда это мы собрались? – спрашивает он, растягивая слова, уже полностью проснувшись.

– Хочу купить чего-нибудь перекусить.

Я сочиняю на ходу, не очень удачно, но придется теперь следовать этой линии.

– Истон дома? – беспечным тоном спрашиваю я. – Может, он тоже голоден.

Рид поднимается на ноги.

– Может. Но тебе придется позвонить ему, потому что я слышал, как он собирался поехать выпить с Уэйдом и парнями.

Проклятье!

– А почему ты не с ними? Почему караулишь у моей двери, как какой-то маньяк?

Он удивленно смотрит на меня.

– Разве не очевидно?

Я прикусываю язык, потому что, черт возьми, это *очевидно*, но главное – я боюсь, что, если снова открою рот, из меня посыплются новые вопросы. Например, как давно он так делает и зачем: из-за того, что боится, как бы я опять не убежала, или потому, что просто хочет быть как можно ближе ко мне? И еще больше я боюсь ответов.

Как бы то ни было, мне нужно забрать Вэл, поэтому я разворачиваюсь и иду вниз. Рид молча следует за мной.

Он безмолвной тенью проходит за мной через главный холл с его огромной люстрой, через столовую, которой никогда не пользуются, и в кухню, где когда-то я сидела у него на коленях и мечтала съесть на завтрак его самого, а не то, что приготовила Сандра.

– Возвращайся наверх, Рид. Ты мне не нужен.

– Чью тачку ты возьмешь?

Я резко останавливаюсь, и он чуть не наступает мне на пятки.

– Ой!

До меня доходит, что я не могу сесть за руль своей загаженной медом, блестками и муравьями машины. Она стоит в гараже, которым Каллум вроде бы не пользуется, потому что мне нужно время, чтобы найти, где ее почистят, а как объяснить весь этот бардак Каллumu, я пока не придумала.

Рид протягивает руку, забирает у меня бесполезные ключи от машины и убирает в карман.

- Пойдем, я отвезу тебя.

Предостережение Вэл не ехать одной взывает к моей совести, но я не хочу просить Рида о чем бы то ни было.

- А можно мне взять твою машину?

- Во-первых, это не просто машина, а внедорожник. Во-вторых, нет.

У меня нет времени спорить с ним. Я нужна Вэл. А мне, очевидно, нужен Рид. Но необязательно быть с ним милой, поэтому я сердито вздыхаю и топаю к прихожей, где хватаю с вешалки первую попавшуюся куртку. И только застегнув молнию, понимаю, что это куртка Рида. Отлично. Теперь я вдыхаю его запах.

- Ладно, но когда мы приедем на место, ты останешься сидеть в машине.

Он что-то бурчит в ответ, что может быть согласием, а может чем-то типа: «Я не стану спорить с тобой до тех пор, пока ты не окажешься в моей машине».

- Так куда едем? - спрашивает он, пока я пристегиваюсь. Я называю адрес, и в ответ он бросает на меня насмешливый взгляд. - Не знал, что в два часа ночи фастфуд у нас можно достать только на верфи.

- Слышала, что там самый вкусный в городе, - как ни в чем не бывало отвечаю я.

- Мы оба знаем, что ты собралась туда не за едой. Не хочешь рассказать мне, что происходит?

- Не особенно, если честно.

Я ожидаю, что Рид вот-вот скажет что-нибудь в духе «моя машина, мои правила», но он молчит. Его пальцы сжимают обтянутый кожей руль. Наверное, он представляет, что это моя шея и если он сожмет ее с достаточной силой, то я сдамся и скажу: «О боже, Рид, мне плевать, что ты переспал с подружкой своего отца и что она, возможно, залетела от тебя. Войди в мою спальню и забери мою девственность».

Конечно, если она все еще ему нужна. Да, он *говорит*, что хочет меня, но что это значит? Это вопрос гордости? Его самолюбие задето отказом девушки, и он преследует ее, чтобы восстановить свою репутацию?

Я больше не могу полагаться на свои внутренние ощущения. Ведь я доверяла Риду, даже когда он вел себя со мной как последний подонок. Мне определенно нельзя доверять ему сейчас, когда он весь такой из себя милый.

Мне следовало послушать его, когда он говорил держаться подальше, но я была одинокой, глупой и что-то в нем взывало ко мне. Я думала... не знаю, что я думала. Может, уровень гормонов зашкаливал и во всем виноваты они. А может, просто такая у меня судьба? Всю свою жизнь я наблюдала, как мама принимает одно неверное решение за другим, когда дело касается мужчин. Ничего удивительного в том, что я делаю то же самое.

Рид протягивает руку и сжимает мое колено.

- У тебя мозги закипят, если будешь так много думать.

От его прикосновения пульс ускоряется, и я отодвигаю колено, чтобы заставить Рида убрать руку. Он понимает намек, и его пальцы снова обхватывают руль, а я таращусь на панельную доску, пытаюсь избавиться от нахлынувшего сожаления.

- Моя проблема не в том, что я много думаю, а в том, что, наоборот, думаю недостаточно, - бормочу я.

- У тебя нет никаких проблем, Элла. Ты надумываешь их. Ты такая, какая есть, и это чудесно.

От его комплимента по животу разливается тепло. Милый, тактичный Рид действует на меня куда сильнее и опаснее, чем Рид-козел. Сейчас я не могу иметь с ним дело. Я слишком устала, мой щит опущен.

- Не любезничай со мной. Это не ты.

К моему удивлению, Рид смеется. В этом смехе нет сердечности, в нем чувствуется горечь, но все-таки это смех.

- Я больше не знаю, кто я. Кажется, я сбился с пути. И мои братья - тоже.

У меня замирает сердце. О нет. Ранним Рид еще опаснее. Я торопливо меняю тему.

- Поэтому с Истоном что-то не то?

- Если бы я знал, что с Истоном, я бы не ехал с тобой ночью, чтобы вытащить его из очередной передряги. Так что, если у тебя есть идеи, как вернуть его в колею, я весь внимание.

- Сейчас мы спасаем не Истона, - признаюсь я. - Если ты хочешь знать, как помочь ему, спроси кого-нибудь другого. Я понятия не имею, что с ним происходит.

Я знаю лишь то, что как-то сказал мне сам Истон, - у него проблемы с зависимостями. Он отчаянно скучает по своей матери, обожает своих братьев, и то, что он видел сегодня в уборной, вызвало у него отвращение.

Мне так и хочется спросить об этом Рида. Знает ли он. Но сейчас в семье Ройал происходит так много всего, что мне кажется: чем меньше я знаю, тем лучше.

- По-моему, ему не нравится чувствовать себя покинутым, - неохотно высказываю я предположение. - Есть близнецы, есть ты и Гидеон. Может, у него возникло ощущение, что он лишний?

Мне знакомо это чувство, и, возможно, именно поэтому Истон был так расстроен, когда увидел Гидеона с Диной. Поэтому он переспал с Эбби и Саванной. Поэтому он напивается и обкуривается до бессознательного состояния. Может, он просто пытается сблизиться со своими братьями, но делает это свойственным лишь ему, запутанным, способом.

- Знаешь, а мне это даже в голову не приходило, – бормочет Рид.

Он стучит пальцами по рулю и вдруг меняет тему разговора.

- Ты еще не рассказала отцу о своей машине.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что он принялся бы расхаживать по дому и звонить в тысячу мест. И твоя кишасящая муравьями тачка не стояла бы в гараже, где папа никогда ее не увидит.

- Я уже звонила кое-куда, узнавала, смогут ли ее почистить.

- Я позабочусь о ней.

Если я и хотела что-то ответить, то забываю обо всем, увидев открывшуюся перед нами картину, когда мы подъезжаем на место. С парковки срываются машины, до нас доносится отдаленный вой сирен. Рид притормаживает, я распахиваю дверцу, выпрыгиваю и бегу, крича:

- Вэл! Вэл! Где ты?

От лохматого куста, растущего у тротуара, отделяется худенькая фигурка и бросается ко мне.

- О боже, я уже думала, ты никогда не приедешь! – всхлипывает Вэл мне в ухо.

Я отстраняюсь и вижу, что рядом с ее левым глазом расплывается синяк, а на лбу краснеет ссадина.

- Что случилось? – вскрикиваю я.

- В машине расскажу. Пожалуйста, давай уберемся отсюда.

- Конечно.

Я обнимаю ее, но когда мы начинаем двигаться в сторону машины, Вэл запинается и чуть не тянет меня вслед за собой.

Рядом появляется Рид и поднимает Вэл на руки, а затем кивает на свой автомобиль.

- Поехали.

В этот раз я слушаюсь его без колебаний. Вой сирен приближается, люди отпихивают нас с дороги, убегая и уезжая в разные стороны.

Рид бежит к своему «роверу». Я открываю ему дверь, и он опускает Вэл на заднее сиденье. Я запрыгиваю рядом с ней, а Рид садится за руль.

- Не отвозите меня домой. Пожалуйста. Я не хочу разбираться еще и с Джордан, – хнычет Вэл.

– Конечно, переночуешь у меня.

Рид кивком показывает, что услышал, и машина трогается на север, в сторону нашего дома.

– Вэл, кто это тебя так? – сердито спрашивает он. – Я разберусь с ним.

Вэл откидывает голову на спинку сиденья. Она вымотана как эмоционально, так и физически.

– Если не хочешь говорить об этом, не говори.

Я поглаживаю ее руку. Ее классный наряд – укороченный топ и шорты с вышивкой – кажется, в порядке. И я вообще не заметила больше никаких повреждений, кроме синяка и ссадины на лице.

– Все нормально, – она грустно улыбается. – Просто я наткнулась на бывшую подружку Тэма. Мы сцепились, так что если и разбираться с кем-нибудь, то только со мной.

Она закрывает глаза, и по ее лицу текут слезы. Я придвигаюсь ближе, обнимаю ее одной рукой и прижимаю к себе до конца поездки.

Когда мы добираемся до дома, я помогаю Вэл подняться в мою спальню, и она падает на кровать. Я снимаю с нее туфли, шорты и топ, а потом достаю бутылку воды из холодильника. Она, благодарно улыбаясь, забирает ее у меня.

– Какую футболку хочешь – с лого футбольной команды Астора или старую, с Железным человеком?

Она выразительно смотрит на футболку с логотипом Астора, но показывает на другую.

– С Железным человеком, пожалуйста.

Я кидаю ей футболку с Железным человеком, радуясь тому, что подруга не стала спрашивать, почему я до сих пор храню старую футболку Рида. Я бы ответила: потому что она удобная. Нет, она правда очень удобная, но любой, у кого есть хотя бы половина мозга, догадался бы, что она остается у меня по совершенно другой причине.

Вэл залезает под одеяло как раз в тот момент, когда появляется Рид, держа в руках флакончик с таблетками.

– Валиум, – проходя через оставленную открытой дверь, говорит он.

Я не спрашиваю, откуда у него лекарство. Молча вытряхиваю одну таблетку и даю Вэл.

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо, – отвечаю я.

Он переминается с ноги на ногу и нехотя выходит из комнаты.

Вэл засыпает почти сразу, но я слишком напряжена, чтобы уснуть. Свернувшись калачиком, я лежу рядом с ней, и вдруг из коридора доносится какой-то звук. Осторожно, чтобы не разбудить подругу, я крадусь через комнату и приоткрываю дверь.

Конечно же, это Рид. Устраивается у стены напротив моей спальни.

- Иди в постель! - свистящим шепотом говорю я.

Он открывает один глаз.

- Я уже в постели.

- Но в коридоре нет кровати.

- Она мне не нужна.

- Ну и ладно.

Я хочу хлопнуть дверью, но в последнюю секунду вспоминаю про Вэл. Дверь закрывается с тихим щелчком, и я прислоняюсь к ней спиной, заставляя себя вспомнить, что больше не люблю его. Что он причинил мне боль. Что меня неделями напролет мучили видения, где они с Брук были вместе, и мне хотелось свернуться калачиком и умереть, но я все равно просыпалась каждое утро, чтобы бороться за жизнь и искать работу.

А теперь он сидит перед моей дверью и пытается заставить меня поверить, что изменился.

Я снова открываю дверь и сердито выхожу из комнаты.

- Зачем ты здесь?

Но в моих словах больше мольбы, чем обвинения.

Рид поднимается на ноги. На нем черная майка без рукавов и спортивные штаны, сползающие с бедер. Его бицепсы сокращаются, когда он тянется ко мне.

- Ты знаешь, зачем.

Огонь в его глазах и возбуждает меня, и еще сильнее распаляет мою злость.

- Не прикасайся ко мне.

Он роняет руку, и я ненавижу себя за нахлынувшее разочарование. *Соберись, Элла!*

- Ладно, - хрипло произносит он. - Тогда ты прикоснешься ко мне.

Я изумленно наблюдаю, как он начинает снимать с себя одежду прямо здесь, в коридоре.

Голый Рид, с рельефной грудью и мускулистыми бедрами, и той тонкой порослью волос, которая указывает путь под пояс его штанов? Нет. Нет. *Нет!*

- Оденься, - приказываю я и бросаю ему в лицо его майку.

- Нет. - Он ловит ее в воздухе и кидает в сторону.

И вдруг притягивает меня к себе.

Я жду, что мы опять начнем страстно, лихорадочно целоваться, как на подъездной дорожке у дома Саванны, но Рид удивляет меня. Он нежно касается пальцами моей щеки. Его дыхание учащается, пальцы осторожно проскальзывают в мои волосы и наклоняют голову под идеальным для его поцелуя углом.

Это самый сладкий наш поцелуй за все время. Медленный. Нежный. Легкие как перышко прикосновения его губ, робкие движения языка. Я чувствую, как он дрожит, то ли из-за нервов, то ли от возбуждения, то ли по обеим причинам.

Я мысленно кричу себе отодвинуться, оттолкнуть его от себя. Может, если я позову на помощь, он перестанет целовать меня так, будто я единственная во всем мире, кто имеет для него значение.

Но я ничего не делаю. Мое глупое тело тает в его объятиях. Мои глупые губы приоткрываются для него.

«Возьми от него все, что он может дать, а потом пошли его куда подальше, - нашептывает мне тоненький голосок. - Используй его».

Разве это не удобный предлог?

В тумане нарастающего желания я поддаюсь ему всего лишь на мгновение, но Рид тут же пользуется им, берет меня на руки и несет в свою спальню. Пинком закрывает за собой дверь и опускает меня на кровать.

- Я скучал по тебе, - шепчет он, и когда я открываю глаза, то вижу блеск его глаз. - Скажи, что тоже скучала по мне.

Я проглатываю слова, прежде чем они успевают слететь с языка.

На лице Рида мелькает разочарование.

- Хорошо, необязательно говорить. Можешь показать.

Его рука оставляет мои волосы и опускается между моих ног. Когда его пальцы сжимаются, я невольно приподнимаю бедра им навстречу. Он мычит от удовольствия и ласкает ноющий от желания бугорок, заставляя меня молить о большем.

Я ненавижу его власть надо мной. Ненавижу, что больше не могу ничего контролировать. Ненавижу, что я здесь. Что мамы больше нет. И что когда-то я влюбилась в Рида.

Я начинаю плакать, и слезы скользят по щекам к нашим слитым губам.

- Ты плачешь? - Рид тут же отстраняется от меня.

Я невольно сжимаю его сильнее. Как будто часть меня говорит, что в моей жизни и так было слишком много потерь, так почему бы не уцепиться за те крохи, которыми хочет

поделиться со мной Рид Ройал.

Но и перестать плакать я тоже не могу. Безудержные слезы продолжают течь по лицу. Рид вытирает их, но они льются и льются.

- Пожалуйста, перестань плакать, детка. Пожалуйста, - умоляет он.

Я пытаюсь. Сдерживаю дыхание, но тело все равно сотрясается от всхлипов.

- Это невыносимо. Я больше не трону тебя. Обещаю. Элла, ты убиваешь меня.

Он притягивает мою голову к своей груди и гладит по волосам. Стыдно признаться, но я очень долго не могу взять себя в руки, и все это время Рид извиняется и повторяет свое обещание не прикасаться ко мне.

Я говорю себе, что именно этого и хотела, но от его клятвы не трогать меня плачу еще больше.

Наконец я прихожу в себя, отталкиваю его и шепчу:

- Извини.

Он смотрит на меня печальными глазами.

Я поднимаюсь с кровати и отхожу от нее, потому что мне нужна дистанция. Чем дальше я нахожусь от Рида, тем лучше соображает голова.

- Нам нужно оставить друг друга в покое. Мы только вредим друг другу.

- Что это значит?

- Ты знаешь, что это значит.

Он встает и упирается руками в бедра. Я стараюсь не смотреть на его совершенное тело и прекрасное лицо. Если бы он вдруг стал уродом, мне было бы намного легче.

- Значит, тебе все равно, если я стану встречаться с кем-то? Поцелую другую девушку? Ее руки будут ласкать меня?

Меня чуть не выворачивает на бежевый ковер, поэтому я заставляю себя дышать поглубже и вру:

- Да.

Я ощущаю на себе его тяжелый взгляд, и это кажется бесконечным. Мне хочется броситься к нему, умолять остаться со мной, но ради собственной безопасности я продолжаю стоять на месте, опустив голову.

- Нет, - тихо говорит Рид. - Ты делаешь мне больно, отталкиваешь меня, но я не собираюсь сдаваться.

Он подходит ко мне, и я вся напрягаюсь. Но он лишь целует меня в лоб и уходит, оставляя одну в своей комнате.

Его последние слова висят в воздухе. Я опускаюсь на пол и подтягиваю колени к груди. Мне горько: он не стал настаивать. Я знаю, что поддалась бы. И одновременно я расстроена тем, что он по-прежнему намерен добиваться меня.

Нет, не так. Я расстроена из-за того, что тело возликовало, когда он объявил, что собирается вернуть меня, несмотря ни на что.

Глава 21

Я тащусь в свою комнату, и мне даже удастся поспать два часа, прежде чем звонит будильник, чтобы мы не проспали в школу. Я вытаскиваю из-под одеяла руку и нащупываю телефон. Включив повтор сигнала, я украдкой смотрю на другую сторону кровати. Вэл чуть не падает с кровати – одна нога высунулась из-под одеяла, рука свисает через край.

Я трясую ее за плечо.

– Пора вставать, спящая красавица.

– Не хочу, – ворчит она.

– Занятия начнутся... – мозг соображает медленно, и на расчеты уходит целая минута, – через час и десять минут.

– Тогда разбуди меня минут через двадцать.

Я заставляю себя вылезти из кровати, беру бутылку воды из мини-холодильника и захожу в ванную. Приходится несколько раз моргнуть, чтобы отражение в зеркале приобрело четкие очертания.

Рид как будто и не касался меня. На шее нет следов от засоса. И вообще нет никаких внешних доказательств моей слабости. Я прижимаю палец к нижней губе, воображая, что это Рид.

За моей спиной появляется Вэл, спасая меня от моего глупого воображения. Синяк у нее под глазом стал выглядеть еще хуже.

– Я помню, как ты вчера сказала Риду, что сама ввязалась в драку, но если кто-то причинит тебе боль, я убью его. – И я не шучу.

– Тогда тебе придется начать с меня, потому что это, – она показывает на свой лоб, – я получила, когда ударила головой бывшую Тэма.

Я морщусь.

– Может, в следующий раз используешь пивную бутылку? А еще лучше – возьми меня с собой. – Я ловлю ее взгляд в зеркале. – В школе ты ничего не говорила насчет подпольной вечеринки. Почему не попросила меня поехать с тобой? Я бы помогла.

– Я сама ничего не знала до позднего вечера. Мне пришло сообщение от девчонки, которая учится в Джефферсоне, – Тэм ходил в местную школу, – и она клялась, что видела его там. Я не соображала, что делаю. Оделась, попросила Джордан, которая ехала к Гастонбургу, подвезти меня, и потом вдруг – бац! – и я дерусь с какой-то незнакомой девицей из-за Тэма.

– По-моему, ты говорила, что она – его бывшая, а не какая-то незнакомка. Она из его колледжа?

У Вэл такой вид, словно ее ударили под дых.

– Нет. Мне кажется, он давно изменяет мне. Поэтому я назвала ее его бывшей.

– О, нет.

Я обнимаю Вэл, и она прижимается к моей груди.

– Я такая дура.

Не ты одна.

Я откашливаюсь.

– А я вчера поцеловала Рида.

– Серьезно? – Ее голос даже полон надежды.

– Да. Он все это время спал около моей комнаты. Дикость, да?

Вэл отстраняется, чтобы я могла видеть ее изумленные глаза.

– Еще бы, – соглашается она, но звучит не очень убедительно.

Я прислоняюсь к столешнице.

– Вообще-то, я так не думаю. Должна бы, но мне кажется... милым, что он так настойчив в своем стремлении... не дать мне снова сбежать и поэтому в буквальном смысле спит на полу перед дверью. – Я потираю лоб, смущенная собственной слабостью.

– Вчера он отделал Скипа Хенли из-за тебя.

Я удивленно моргаю.

– Что?

Вэл неловко переминается с ноги на ногу.

– Я ничего не говорила, потому что знаю, тебе не нравится, когда упоминают о Риде, но... да. Он ударил его прямо в столовой за то, что Скиппи издевался над тобой на практике речи.

Во мне взмывает целый вихрь эмоций. Радость. Удовлетворение: вчерашние мерзкие комментарии на уроке были откровенно жестокими. И еще чувство вины. Проклятье, я отталкиваю Рида с момента своего возвращения, а он, оберегая меня, спит под дверью и дерется с парнями, чтоб отстоять мою честь.

Может, я... Боже, заслуживает ли он второго шанса?

- Решила, вдруг тебе станет легче, когда ты узнаешь, - пожав плечами, говорит Вэл. - Рид не изменял тебе и не пытался обрубить с тобой все контакты. Он не лжец, в отличие от Тэма.

Вэл сжимает мою руку.

- У тебя есть запасная зубная щетка? А то у меня такое ощущение, что во рту кто-то умер.

Я роюсь в шкафчике, где нахожу корзинку с красиво упакованными брусочками мыла и запасом новых зубных щеток. Протягиваю одну Вэл, а затем выдавливаю пасту на свою электрическую. Пока Вэл чистит зубы и умывается, я возвращаюсь в комнату и смотрю на шкаф, забитый купленной Брук одеждой. Но ничего не вижу. В голове крутится одна и та же фраза: «Рид не изменял тебе».

Когда Вэл произнесла ее, мне даже не захотелось возразить ей.

Потому что это правда.

Я больше не считаю, что Рид изменил мне. Не знаю, его ли это ребенок. Но... если я верю, что он мне не изменял, значит, должна поверить ему, когда он говорит, что не он отец ребенка.

Вэл права еще в одном: Рид не лжец. Когда мы были вместе, он никогда не врал мне. Он предельно откровенно говорил мне, что планирует уехать из города сразу после окончания школы, что отношения - не сильная его сторона, что он рушит жизни людей, окружающих его.

Он не имел в виду девушек, и это был не просто юношеский максимализм. Я вдруг осознаю, что он говорил о своих родителях. Он отчаянно любил их, а они оба подвели его.

Его мать покончила с собой, оставив пятерых сыновей справляться с горем утраты. Отец топил себя в алкоголе и ужасных женщинах. Чему было удивляться, когда Рид заявил, что секс - это просто секс, что он пытался использовать его как оружие, чтобы наказать себя и других. Он следует примеру слабых родителей, но внутри него идет борьба - и именно это притягивает меня к нему.

- Ты сейчас обляпаешься, - говорит Вэл, выходя из ванной.

Я виновато вытираю рукой лицо и бегу к раковине, чтобы выплюнуть пасту и прополоскать рот. Признаться Вэл, что у меня по-прежнему есть чувства к Риду, - это одно, но признаться, что я начинаю думать о том, чтобы простить его, - совсем другое! Тем более что я не знаю, чем все может кончиться.

– Как думаешь, что сегодня окажется в моем школьном шкафчике? – спрашиваю я, встав рядом с подружкой напротив шкафа. – Мусор? Испортившаяся еда? Использованные тампоны?

Вэл показывает на свой синяк.

– А это? Я будто сошла с плаката против домашнего насилия.

– Я могу замаскировать его. Не раз такое делала. – Увидев на ее лице возмущение, я спешу объяснить. – Не маме и не себе – девушкам, с которыми она работала.

– Уф.

– Знаю.

Я отворачиваюсь от шкафа.

– А давай сегодня опять пропустим занятия и наведаемся в торговый центр? Что думаешь?

Ее губы медленно расползаются в улыбке.

– Я думаю, что хочу съесть большой крендель из дрожжевого теста и замороженный йогурт.

Мы стучаемся кулаками.

– Притворимся, что заболели?

– Мы просто прогуляем уроки. Поедем в торговый центр, будем есть вкусняшки, спустим денежки с кредиток наших опекунов. Затем пойдем делать макияж в «Сефору». А потом поедем на пирс и так налопаемся моллюсков, что на нас будет клевать исключительно морская живность.

Я широко улыбаюсь ей.

– Есть, капитан!

* * *

– Как шопинг?

Я резко оборачиваюсь на звук голоса Брук. Я приготовила себе перекусить, но ее присутствие, как обычно, убивает всякий аппетит. Отодвигаю миску с кукурузными чипсами и отхожу от стола.

Брук подходит ко мне, легко двигаясь на своих десятисантиметровых каблуках. Интересно, она и на восьмом месяце, с огромным животом, все равно будет ходить на шпильках? Вполне возможно. Брук настолько тщеславна, что ее не остановит риск споткнуться и упасть, даже будучи беременной.

Да какое мне вообще дело до ее беременности? Меня и так тошнит от Брук.

- Собираешься играть в молчанку? Серьезно? - Брук смеется, подходя к холодильнику. - Я думала о тебе лучше, Элла.

Я закатываю глаза за ее спиной.

- Можно подумать, тебе интересно, как прошел мой день. Хочу избежать пустых разговоров о вещах, на которые нам обеим плевать.

Брук берет кувшин с фильтрованной водой и наливает себе в высокий стакан.

- Вообще-то, я с нетерпением ждала возможности поговорить с тобой.

Ага, конечно.

- Мы с Каллумом обсуждали вечеринку в честь меня и ребенка и решили, что будет здорово, если ее организуете вы с Диной.

Я цепенею. Она что, издевается надо мной?

- Для вас это станет отличной возможностью лучше узнать друг друга, - продолжает Брук. - Каллум согласен со мной.

Еще бы. Никогда бы не поверила, что это идея Каллума. В тот день, когда меня повезли знакомиться с вдовой Стива, он еще в машине напился почти до бессознательного состояния и умолял меня не прислушиваться к словам Дины О'Халлоран.

Брук выжидающе глядит на меня.

- А ты что думаешь, милая?

- Что я думаю? - повторяю я приторно-сладким голосом. - Я думаю, что прежде, чем тратить время на вечеринку, я бы с удовольствием взглянула на результаты теста на отцовство.

Она вздергивает свой изящный подбородок.

- Тест не требуется.

- А я так не считаю. - Я упираюсь бедром в столешницу ижимаю плечом. - Может, ты и задурила голову Каллуму, заставив его поверить, что это ребенок Ройалов, но у меня есть свои сомнения, *милая*.

- Но это ребенок Ройалов, можешь не сомневаться. Но только ты уверена, что хочешь знать, ДНК кого именно из Ройалов составляет половину плода любви?

Брук хлопывает ладонью по едва заметному животику и улыбается.

Мои руки сжимаются в кулаки. Она задела меня и знает об этом.

«Нельзя бить беременных женщин», - твердо произносит голос в моей голове.

подавив поднимающуюся ярость, я заставляю себя успокоиться.

Брук одобрительно кивает, словно каким-то магическим образом проникла в мою голову и знает, как сильно мне хочется ударить ее.

- И так, вернемся к вечеринке, - безмятежно продолжает она. - Seriously подумай о том, чтобы помочь Дине. Ей не очень понравилось, как ты вела себя с ней за ужином.

- Мы едва перекинулись парой слов.

- Вот именно. - Брук хмуро смотрит на меня. - Дина из тех, кого никто не захочет иметь в числе врагов, Элла.

Я хмурюсь в ответ.

- И что это значит?

- А то, что она воспринимает в штыки любую дерзость в свой адрес, а ваше поведение, твое и мальчишек, совершенно взбесило ее.

Она не выглядела взбешенной, когда занималась сексом с сыном Каллума в гостевой ванной, чуть не проговариваюсь я.

- Когда я говорила с ней на следующее утро, она даже произнесла слово на букву «с», - нараспев говорит Брук.

У меня отвисает челюсть. Ого! Дина назвала меня...

- Суд, - подсказывает Брук, усмехаясь моему ошарашенному выражению лица.

Я непонимающе смотрю на нее.

- Дина угрожала оспорить завещание Стива, - поясняет Брук. - И если она намерена осуществить свою угрозу, гарантирую тебе, что судебное разбирательство затянется на годы. Под конец денег не останется ни у одной из вас - все получают юристы. Я отговаривала ее, но Дина всегда была упрямой, и она очень обижена на то, как ты вела себя с ней.

- Какое ей вообще до меня дело? - я раздраженно качаю головой. - Я не знаю ее и никогда не знала Стива.

Брук делает глоток воды.

- Со вторым пунктом тебе, считай, повезло. Я про то, что ты не знала Стива.

Я хмурюсь. Мне совсем не хочется затягивать наш разговор, но следует признать, что каждый раз, когда кто-то упоминает моего биологического отца, я начинаю сгорать от любопытства.

- Почему?

- Потому что, пусть даже Каллум Ройал думает обратное, Стив был отвратительным другом.

Что ж, данное мнение, скорее всего, исходит от Дины, которая в моей личной иерархии демонов лишь на шаг отстаёт от Брук, я не верю ни единому слову стервы, но мило улыбаюсь и киваю, потому что это самый легкий путь положить конец нашей дискуссии.

– Как скажешь.

– Это правда. Тебе повезло, что он умер. Я бы не хотела увидеть, что он сделал бы с такой юной, невинной девушкой, как ты.

От предельной откровенности Брук, которая так отличается от ее обычной слащавой манеры говорить, волосы на моем затылке встают дыбом.

– Дина бесится из-за завещания, но я не имею к этому никакого отношения.

Губы Брук кривятся в гадкой улыбке.

– Стив оставил бы свое состояние черепахе, только чтобы Дине ничего не досталось. Но то, что он завещал все тебе, стало для нас шоком. Даже Каллум думал, что деньги отойдут его сыновьям.

Это заставляет меня задуматься. Не потому ли Гидеон ненавидит меня? Считает, что я украла его наследство?

– Каллум не обделяет мальчишек, – говорю я.

Брук качает головой в притворном изумлении.

– В мире ничего никогда не бывает достаточно. Разве ты еще не уяснила это? – Она ставит стакан на столешницу между нами. – Еще не поздно, Элла. Мы с Диной можем стать твоей семьей. Тебе необязательно оставаться здесь, с этими людьми. Они губительны, как яд. Сначала используют тебя, а потом обидят.

Я удивленно смотрю на нее.

– Кроме тебя, меня тут никто еще не обидел. Ты пытаешься разрушить семью Ройал, и я не понимаю, почему. Какую цель ты преследуешь? Что ты имеешь против них?

Брук вздыхает, словно я глупый ребенок.

– Моя цель – выжить, и, видит бог, я стараюсь научить тебя тому же. Я до последнего уговаривала тебя убраться отсюда. Я делала все, чтобы помочь тебе. – Тон ее голоса меняется, из слащавого превратившись в жесткий и едкий. – Но смотрю, ты как они. Тебя ослепили обворожительные улыбки Ройалов, и ты не видишь своего спасителя. Моя мама говорила мне: нечего метать бисер перед свиньями.

– И я свинья, потому что думаю, что Ройалы не вгонят меня в могилу?

– Ты ничего не понимаешь, ты ослеплена детской страстью, и это печально, но, – она изящно пожимает плечом, – я не могу сделать тебя мудрее. Тебе придется усвоить непростые истины на собственном опыте.

- Да и ты не создана для того, чтобы быть учителем. Наверное, тебе бы лучше начать заботиться о себе, потому что, когда придут результаты теста на отцовство, не думаю, что Каллум продолжит отстегивать тебе денежки.

Я беру миску с чипсами и направляюсь к двери.

- Ты тоже береги себя, - говорит она мне вслед, - потому что я не буду твоей жилеткой, когда Рид разобьет тебе сердце. А может, тебе стоит присмотреться к Гидеону? Слышала из надежного источника, что в постели он просто зверь.

Я не могу скрыть потрясение.

Брук заходится смехом.

- Какое же ты дитя! Этот ужас на твоем лице просто нечто. Вот тебе последний мой совет: выкини из головы мальчишек Ройал. Они только навредят тебе. Позволь нам с Диной помочь тебе распорядиться твоими деньгами, и мы все будем жить долго и счастливо.

- Я скорее поверю Риду, чем когда-нибудь доверюсь тебе.

Мой укол не производит на нее впечатления. Она широко улыбается и продолжает, как будто я вообще ничего не говорила:

- Не наделай ошибок - и тогда станешь подружкой невесты на моей свадьбе. Было бы здорово, а?

Ха, я лучше пройду десять миль босиком по лаве, чем буду ее подружкой.

- Нет, спасибо.

Ее глаза прожигают дыру в моем затылке, когда я выхожу из кухни. На моем пути возникает улыбающийся Рид.

- Так и знал, что ты до сих пор равнодушна ко мне, - шепчет он.

Мне хочется отрицать это, сказать ему, что у него галлюцинации, но слова застревают в горле. Я не могу сказать ему ничего. Сейчас я слишком... ранима и не готова поговорить с ним начистоту.

- Ты только что заступилась за меня, - нажимает он, когда я ничего не отвечаю.

Я качаю головой.

- Я заступалась не за тебя, а за себя.

Глава 22

Рид

Я заступалась за себя.

Элла сказала мне эти слова два дня назад, а я по-прежнему не могу выкинуть их из головы. Как и ту ночь в моей спальне. Ее слезы. То, как она убеждала меня, что мы только вредим друг другу.

Она права. Вернее, наполовину права. Элла – определенно лучшее, что есть в моей жизни, но что хорошего ей сделал я? С самого первого дня вел себя с ней по-свински. Выплеснул на нее свой гнев, обращаясь с ней как с дерьмом, потому что меня взбесило, что папа притащил домой незаконнорожденную дочку Стива, в то время как едва удостоивал вниманием собственных сыновей. Папа явно заботился о ней, а мы с братьями сделали совершенно противоположное – мы отвергли ее.

Да, потом я изменил свое отношение к ней. Поддался влечению. Мой щит опускался все ниже и ниже, пока я полностью не оказался в плену ее чар. Но, даже влюбившись в Эллу, я не раскрыл ей свои секреты. Я отталкивал ее – и не раз. Я позволил ей убежать, вместо того, чтобы немедленно рассказать про Брук.

Я сказал Элле, что собираюсь снова завоевать ее, но что, черт подери, я действительно сделал? Врезал по морде Хенли, защищая ее честь, но что я по-настоящему могу предложить такой, как она? Девушке, которая сама прекрасно справляется со своими проблемами?

В том-то и дело. Она может постоять за себя, а все потому, что... никто никогда не делал этого за нее.

Сегодня все поменяется.

– Может, сначала завезешь меня домой? – ворчит Уэйд с пассажирского сиденья моего «рендж ровера».

Он сердито смотрит на машины на стоянке, когда я паркуюсь перед «Френч Твист».

– Незачем!

Пекарня всего в пяти минутах езды от школы, а особняк Уэйда – в двадцати минутах в противоположном направлении.

– Я буду через пять минут.

– Кое-кто ждет меня дома.

– И кто же? – с вызовом спрашиваю я.

– Рэйчел, – он невинно улыбается. – И ее подруга Дана.

Я усмехаюсь.

– Тогда зря ты вчера разбил свой «порше». Но что сделано, то сделано, и теперь тебе придется быть моей подружкой, пока не заполучишь себе тачку.

Он показывает мне средний палец.

- Я опаздываю на секс втроем - из-за тебя, Ройал. Никогда тебя не прошу.

- Сейчас расплачусь! - Я оставляю ключи в замке зажигания и открываю дверцу. - Жди здесь. Скоро вернусь.

- И давай побыстрее.

Когда я вхожу в пекарню, внутри, к моему удивлению, пусто. Обычно в это время здесь полно народу, но я замечаю лишь пару учеников из Астор-Парка и трех пожилых леди за столиком в углу.

Я подхожу к прилавку, и бывшая Эллина начальница хмурится.

- Мистер Ройал, - вежливо произносит она. - Чем могу помочь?

Я тяжело вздыхаю.

- Я пришел извиниться.

Ее брови взмывают вверх.

- Ясно. Но, честно говоря, вы не производите впечатление человека, который понимает значение данного слова.

- Поверьте, я знаю, как просить прощения, - я уныло улыбаюсь. - Последнее время я только этим и занимаюсь.

В ответ она тоже улыбается, правда, неохотно.

- Послушайте, это я виноват в том, что Элла сбежала, - на одном дыхании выдаю я. - Не знаю, говорила ли она вам, но мы типа встречались.

Люси кивает.

- Она ничего мне не говорила, но я знала, что у нее кто-то появился. За неделю до того, как исчезнуть, Элла выглядела такой счастливой.

Меня пронзает укол совести. Да, Элла была счастлива. Пока я не забрал у нее счастье и не растоптал его. Как всегда.

- Я совершил ошибку. - Я заставляю себя набраться смелости и смотрю Люси прямо в глаза. - Элла не болела. Она сбежала, потому что я не оставил ей другого выхода. Но я говорю вам, как есть: ей ужасно стыдно из-за того, что она подвела вас.

- И она тебя сюда прислала? - снова нахмурившись, спрашивает Люси.

Я фыркаю от смеха.

- Шутите? Она убьет меня, если узнает, что я приезжал к вам. Вы встречали кого-нибудь с чувством собственного достоинства большим, чем у Эллы Харпер?

Люси сжимает губы, словно старается не рассмеяться.

- Она обожала работу в пекарне, - напористо продолжаю я. - Все в нашей семье, включая меня, были против того, чтобы Элла работала. Но дело в... э-э-э... статусе.

Я - придурок. Хуже всех на свете только мы, богачи.

- Но Элла пошла работать, потому что такой она человек. Ей не нравится получать деньги просто так и сидеть на диване, как детишкам, которые учатся в Астор-Парке. И ей очень нравилась ее начальница.

- Мне тоже нравилось, как она работала, - говорит Люси. - Но это не отменяет того факта, что Элла пропала почти на две недели, ничего мне не сказав.

- Я виноват, - повторяю я. - Честно, я беру вину на себя. И мне тоже стыдно из-за всего, что случилось. Ведь это из-за меня она потеряла любимую работу. Поэтому я прошу вас пересмотреть свое решение уволить ее. Пожалуйста.

- Я нашла ей замену, Рид. Я не могу позволить себе двух работников.

Меня охватывает чувство досады.

- Что ж, понимаю.

- Но...

Во мне расцветает надежда.

- Но что?

- Кеннет может выходить только во вторую смену, - говорит Люси не слишком довольным тоном. - Я не смогла подыскать кого-нибудь, кто мог бы приходить к половине шестого утра, как Элла. - Она улыбается. - Не так много подростков, готовых вставать ни свет ни заря.

- Элла готова, - отвечаю я. - Она очень серьезно относится к работе. Да вы и сами знаете.

Люси кажется задумчивой.

- Наверное.

Я опускаю обе ладони на прилавок и с надеждой заглядываю ей в глаза.

- Вы дадите ей еще один шанс?

Люси не торопится с ответом, но в конце концов произносит:

- Мне надо подумать.

О большем я просить не могу. Я пожимаю ей руку, благодарю за уделенное мне время и выхожу из пекарни с улыбкой на лице.

* * *

Впервые за все время, как стало известно о ребенке и предстоящей помолвке, наш дом свободен от присутствия Брук. Она и ее злобная приспешница Дина отправились на две недели в Париж за свадебным платьем. Когда папа сообщает нам об этом, близнецы радостно вопят. Он сердито смотрит на них, а потом объявляет, что мы ужинаем вместе на террасе. Я пожимаю плечами и выхожу наружу: если Брук и Дина не едят с нами, то лично я совсем не против ужина.

Наша экономка Сандра ставит на стол, сервированный на семерых, две огромных формы для запекания.

– Я уйду, – говорит она Каллуму. – Но в холодильнике достаточно еды, чтобы вы, мальчики, не умерли с голоду до конца недели.

– Сэнди, нет! У тебя снова отпуск? – изумленно спрашивает Сойер.

– Я бы не назвала это отпуском. – Она вздыхает. – У сестры родился ребенок, и я отправляюсь на неделю в Сан-Франциско, чтобы помочь ей. Уже предчувствую бессонные ночи.

– Оставайся там столько, сколько нужно, – отвечает папа с теплой улыбкой. – Возьми еще неделю, если потребуется.

Сандра фыркает от смеха.

– Ну-ну, а когда я вернусь, то выяснится, что эти двое, – она показывает на близнецов, – опять пытались спалить мою кухню.

Ее голос становится жестче.

– Увидимся на следующей неделе, Ройалы.

Папа усмехается, и пухленькая черноволосая женщина направляется к выходу.

Из кухни доносятся голоса, и через французские двери вбегает Элла.

– Простите, что опоздала, – тяжело дыша, говорит она. – Разговаривала по телефону.

Она опускается на стул рядом с Каллумом.

– Вы не поверите, кто мне звонил!

Папа снисходительно улыбается ей. Я же, наоборот, прячу улыбку, потому что не хочу выдать себя. Мне прекрасно известно, кто ей звонил.

– Люси! – Голубые глаза Эллы радостно сверкают. – Она готова дать мне второй шанс и принимает на работу в пекарню! Вы можете поверить?

– Правда? – вежливо спрашиваю я. – Отличная новость.

Краем глаза я вижу, что Ист как-то странно смотрит на меня, но ничего не говорит.

– Новость... это уж точно, – расстроенным голосом говорит папа.

Элла, нахмурившись, смотрит на него.

- Вы не рады?

- Начнем с того, что я вообще не хотел, чтобы ты работала, - ворчит он. - Я бы предпочел, чтобы ты уделяла все время учебе.

- Мы опять к этому вернулись? - Она громко вздыхает и берет сервировочную ложку. - Я прекрасно могу и работать, и учиться одновременно. Кому лазанью?

- Мне, - говорят в унисон близнецы.

Пока Элла раскладывает порции, я замечаю, что отец и братья пристально следят за каждым ее движением. Близнецы улыбаются. Папа выглядит довольным. А вот Истон, кажется, чем-то огорчен. Разве он не рад, что видит Эллу? Он чуть не съехал с катушек, когда она сбежала, и ее присутствие должно было сделать его счастливым.

- Чего такой тихий, Ист? - спрашивает папа, когда мы дружно приступаем к еде.

Мой брат пожимает плечами.

- Просто нечего сказать.

Близнецы ржут.

- С каких пор? - сквозь смех спрашивает Себ.

Ист снова пожимает плечами.

- С тобой точно все в порядке? - не отстает папа.

- Угу. В Истон-ленде все отлично.

Его чрезмерно веселый тон настораживает меня. Я знаю своего брата. Сейчас ему больно, а когда ему больно, он становится неуправляемым. После смерти мамы он пристрастился к спиртному. Начал принимать окси[7]. Потом стал играть в азартные игры. Драки. Нескончаемая вереница девушек в его постели.

Нам с Гидеоном удалось утихомирить его. Мы выбросили таблетки в унитаз. Я стал чаще участвовать в боях, чтобы приглядывать за ним, когда он отправлялся в доки. Думал, мы вернули его, но он снова катится вниз по наклонной, и это убивает меня.

Папа отстает от Истона и поворачивается к Союеру.

- Я давно не видел Лорен. Вы расстались?

- Не, мы все еще вместе.

Вот и все, чем Союер желает поделиться, и папа снова оказывается в тупике.

- Рид, Истон, - окликает он нас, - как проходит сезон? Надеюсь, что смогу прийти на вашу игру в пятницу. Я попросил Дотти расчистить мое расписание.

Я не могу скрыть свое удивление. Раньше, когда мама была жива, папа не пропускал ни одной игры – они сидели за нашей скамейкой запасных и болели как футбольные маньяки, – но после ее смерти он не появлялся на стадионе. Как будто ему вдруг стало все равно. А может, ему всегда было наплевать, просто мама тащила его поболеть за нас.

Сидящий рядом со мной Истон настроен скептически.

– А какое тебе до этого дело?

Папа выглядит подавленным. Мне кажется, ему по-настоящему обидно.

– Ничего, – говорит он натянуто. – Просто уже давно не смотрел, как играют мои мальчишки.

Истон усмехается.

Над столом повисает неловкое молчание, которое вскоре робко прерывает Элла.

– Каллум, – начинает она. – Можно поговорить с вами после ужина?

– Конечно. О чем?

Она смотрит в тарелку.

– Э-э-э, о моем... наследстве. У меня есть к вам несколько вопросов.

– Конечно, – повторяет папа, и его лицо светлеет.

Ужин заканчивается быстро. Близнецы исчезают в игровой, а Элла и папа уходят в его кабинет. Остаемся лишь мы с Истоном, чтобы убрать со стола. Обычно мы шутили и болтали о разном, чтобы это занятие не казалось таким скучным, но сегодня, пока мы загружаем посудомоечную машину и убираем остатки еды в холодильник, Ист не произносит ни слова.

Отстой. Я скучаю по своему брату. С тех пор, как вернулась Элла, мы почти не разговариваем. Черт, да мы едва говорили друг с другом и до этого. Ненавижу, когда так происходит. Когда мы с Истом на ножах, я утрачиваю равновесие.

Истон закрывает холодильник и направляется к двери, но выйти не успевает, потому что я резко окликаю его.

– Ист.

Он медленно поворачивается.

– Что?

– Мы когда-нибудь начнем снова нормально общаться?

Либо это игра моего воображения, либо в его глазах мелькает раскаяние. Но все происходит так быстро, что я ни в чем не уверен.

– Мне нужно покурить, – бормочет он.

Когда Истон отворачивается, я раздосадованно опускаю плечи. Но он не уходит и, не глядя на меня, говорит:

- Ты идешь?

Я спешу вслед за ним, надеюсь, что моя радость незаметна. Впервые за столько дней он захотел побыть со мной наедине!

Мы выходим из дома через черный вход и неторопливо идем к навесу для автомобилей.

- Куда мы едем? - спрашиваю я.

- Никуда.

Истон щелкает замком пикапа и запрыгивает в кузов. Достает из кармана маленькую жестяную коробочку, открывает ее и вытаскивает тщательно свернутый косяк и зажигалку.

Помедлив секунду, я запрыгиваю к нему.

Он поджигает косяк, делает долгую затяжку и произносит через колечки дыма, слетающие с его губ:

- Ты вернул Элле ее работу.

- Кто тебе рассказал?

- Уэйд. - Ист передает мне косяк. - Я заезжал к нему после школы.

- А я думал, у него намечался секс втроем.

- Стал сексом вчетвером.

Я выдыхаю облачко дыма.

- Да? А мне казалось, что теперь тебя интересуют только бывшие пассии Ройалов.

Истон пожимает плечами.

- Никто никогда не говорил, что я отличаюсь большим умом.

- И никто никогда не говорил, что ты мстительный, - тихо замечаю я. - Нет, я понимаю. Ты злишься на меня - и поэтому подкатил к Эбби. Но Саванна. Тебе прекрасно известно, что Гидеон до сих пор любит ее.

У Иста хватает совести чувствовать себя виноватым.

- Я не думал о Гиде, когда клеил Сав, - признается он. - Вообще ни о чем не думал, если честно.

Я отдаю ему косяк.

- Ты собираешься и дальше быть честным и рассказать об этом Гиду?

Брат ядовито улыбается.

– Я буду честным с Гидом, когда он решит быть честным со мной.

Что, черт возьми, это значит? Но я ничего не говорю, потому что пришел сюда не для того, чтобы наладить отношения между Истом и Гидеоном. Я пришел сюда, чтобы спасти *свои* с Истом отношения.

– Я был неправ, – говорю я ему.

Он морщит лоб.

– А в чем?

– Во всем. – Я беру у него косяк и делаю глубокую затяжку, от которой в голове становится легко и беззаботно. В дурмане я перечисляю те глупости, которые натворил в этом году. – Мне не следовало спать с Брук. Не следовало ничего скрывать от тебя. Не следовало скрывать это от Эллы.

Травка не только распутывает паутину моих мыслей, но и развязывает мне язык.

– Из-за меня она и сбежала. Я прогнал ее.

– Да, согласен.

– Прости.

Он не отвечает.

– Я видел, как сильно ты испугался, когда она уехала. Тебя это ранило. – Я поворачиваюсь, рассматриваю его застывший профиль и сам напрягаюсь, когда в голову приходит некая мысль.

– Ты любишь ее? – охрипшим голосом спрашиваю я.

Он резко разворачивается ко мне.

– Нет.

– Уверен?

– Я не люблю ее. Не так, как ты.

Я расслабляюсь, но лишь слегка.

– И ты заботишься о ней.

Конечно, заботится. Мы все заботимся о ней, потому что девчонка ворвалась в наш дом и вдохнула в него жизнь. Она принесла с собой огонь и сталь. Она заставила нас смеяться. Она дала нам цель: поначалу мы с братьями объединились против нее, но потом мы встали рядом с ней, оберегая ее, полюбив ее.

– Она делала меня счастливым.

Я беспомощно киваю.

– Я знаю.

– А она уехала. Оставила нас, ни на секунду не усомнившись. Как...

Как мама, заканчиваю я за него, и грудь пронзает нестерпимая боль.

– Ладно, проехали, – бурчит Ист. – Ничего страшного не случилось. Она опять с нами, и все хорошо.

Он лжет. Я точно знаю, что он все равно боится, что Элла в любую секунду может собрать вещи и сбежать.

Я тоже боюсь. С той ночи, когда мы целовались, Элла едва разговаривает со мной. С той ночи, когда она плакала. Плакала так сильно, что разбила мое гребаное сердце. Я не знаю, что сделать, чтобы ей стало лучше. Я не знаю, как помочь Истону. Или Гидеону.

Но я знаю, что дело не только в Элле. Боязнь Истона быть покинутым лежит гораздо глубже.

– Мама никогда не вернется, – выдавливаю я.

– Заткнись, Рид! Она мертва! – Истон смеется, но бесчувственным, тусклым смехом. – Я убил ее.

Господи!

– Сколько ты сегодня выкурил, братец? Потому что ты только что произнес полный бред.

Он мрачно смотрит на меня.

– Я никогда не был настолько в здравом уме. – Истон усмехается, но мы оба понимаем, что он не видит в этом ничего смешного. – Мама была бы с нами, если бы не я.

– Это не так, Ист.

– Нет, так. – Он быстро затягивается и выдувает очередное серое облачко. – Это были мои таблетки, мужик. Она взяла их и наглоталась.

Я внимательно смотрю на него.

– О чем ты говоришь?

– Она нашла мою записку. За несколько дней до того, как умерла. Была у меня в комнате, собирала вещи в стирку, это дерьмо было спрятано в ящике с носками, и мама его нашла. Предъявила мне, забрала и пригрозила, что отправит меня в реабилитационный центр, если еще раз поймает с рецептами на наркоте. Я подумал, что она выкинула их в унитаз, но... – Он пожимает плечами.

- Ист... - Я обрываю фразу.

Он реально верит в то, что несет? Все эти годы он считал именно так? Я делаю медленный вдох.

- У мамы не было передозировки «Оксиконтинном».

Истон прищуривается.

- Папа сказал, что была.

- Это лишь одно из успокоительных, которые она принимала. Я видел врачебное заключение. Она умерла от целой кучи разной гадости. И даже если бы это был окси, ты же знаешь, мама сама могла достать рецепт. - Я забираю косяк из его обмякшей руки и делаю глубокую затяжку. - И, кроме того, мы оба знаем, что это была моя вина. Ты сам так сказал - что я убил ее.

- Я решил сделать тебе больно.

- Сработало.

Истон изучает мой профиль.

- Почему считаешь, что ты виноват?

От стыда по спине бегут мурашки.

- Просто было ощущение, что я сделал недостаточно, - признаюсь я. - Я знал, что ты сидел на таблетках. Знал, что с Гидеоном что-то не так. За день до ее смерти они с папой ссорились из-за потасовки, в которую я ввязался. Мои драки не давали ей покоя. Мне слишком нравилось драться. Она это знала и ненавидела. Я... я просто добавлял ей стрессов.

- Она умерла не из-за тебя. Ее давно что-то мучило.

- Да? Что ж, тогда и не из-за тебя тоже.

Несколько минут мы сидим в полном молчании. Но сейчас в нем ощущается неловкость, и мою кожу начинает покалывать. Ройалы не сидят рядышком и не говорят о своих чувствах. Мы прячем их глубоко-глубоко. Притворяемся, что ничто не может задеть нас за живое.

Ист тушит косяк и убирает окурочек в маленькую коробочку.

- Пойду в дом, - бормочет он. - лягу пораньше.

Едва перевалило за восемь, но я не хочу задавать ему лишних вопросов.

- Спокойной ночи.

Он останавливается у черного входа.

- Подвезти тебя завтра на тренировку?

Я чуть не задыхаюсь от внезапного прилива счастья. Черт, я сопливый хлюпик, но... мы давно не ездили никуда вместе.

– Конечно. Тогда увидимся завтра утром.

Он исчезает в доме. Я остаюсь сидеть в кузове его пикапа, чувство радости и облегчения начинает рассеиваться. Всегда знал, что смогу наладить отношения с Истом. Теперь я рассчитываю наладить наши отношения с Эллой. И с близнецами. И с Гидом. Мои братья никогда долго на меня не злятся, как бы сильно я ни облажался.

Сидя здесь и обмениваясь признаниями с Истоном, я вспомнил, что по-прежнему храню секрет от папы. И, хуже того, я так отчаянно стремился сохранить его, что сам уговорил папу опять впустить Брук в нашу жизнь.

Меня вдруг начинает мутить, но это не имеет ничего общего с моими чувствами или выкуренной травкой. Брук вернулась, потому что я трус и побоялся признаться в своих ошибках. Почему я просто не послал ее куда подальше? Ну и что, если бы она на весь свет растрепала, что я – отец ее ребенка? Один тест на отцовство – и ее история полетела бы коту под хвост.

Но нет, я заключил с ней сделку. Заставил отца вернуть ее, только чтобы он не узнал, что я натворил. Чтобы не узнала Элла. Но теперь Элла знает правду. И (я делаю глубокий вдох) возможно, пришло время и папе узнать правду.

Глава 23

Элла

Разговор с Каллумом получился ни о чем и лишь еще больше расстроил меня, поэтому я поднимаюсь наверх и падаю на кровать. Каллум сердится из-за того, что я возвращаюсь на работу и хочу отказаться от наследства. Он отчитывал меня минут двадцать, а затем я перебила его и спросила: он стремится контролировать меня, потому что не может контролировать своих сыновей? Да уж, только подлила масла в огонь.

Не пойму, в чем тут для него проблема. Это ведь мое наследство, верно? А я не хочу его. Пока деньги Стива у меня, люди типа Дины и Брук будут стараться забрать их себе. Так пусть забирают сейчас. Мне-то что?

Целый час я лежу и жалею себя, а потом сажусь в кровати и пишу Вэл.

– Чем занимаешься?

– Барбекю в семейном кругу. Это ужасно.

– Джордан пытается сжечь тебя живьем?

– Нет, она наверху, собирает чемоданы. Поедет к бабушке (со стороны папы). Они периодически засылают ее туда, потому что старая карга страшно богата. Они так говорят про нее, можно подумать, что это мешок из кожи, набитый сотенными купюрами.

Я смеюсь.

- Похоже, она будет жить вечно.

- Возможно. По-моему, ей уже 80.

- Все эти \$\$\$ меня только расстраивают. Думаю, если бы у Ройалов не было столько денег, они были бы куда счастливее.

- Детка, нельзя быть счастливым и бедным.

Я задумываюсь. Когда мама была жива, я была счастлива. Да, у нас были трудности, и порой они казались непреодолимыми, но в нашей жизни было много места для смеха. Я никогда не сомневалась в том, что мама любит меня всей душой. Вот такой неподдельной любви мне сейчас не хватает. Мамина чистая, нежная и крепкая любовь согревала меня по ночам и не давала умереть от голода днем.

- Но никто не гарантирует тебе счастья только потому, что ты богат.

- Исследования показали, что счастье можно купить за деньги.

- Все! Я сдаюсь. Давай купим себе немного счастья на мои \$.

- Мы недавно хорошо отоварились. Я не против снова походить по магазинам, если хочешь. Но только не сегодня. Сегодня мне придется терпеть эти муки. И тетушка уже сердито поглядывает на меня. Мне пора.

Я бросаю телефон на кровать и смотрю в потолок. Наверное, деньги и впрямь могут сделать жизнь лучше, но лишь до определенной степени. Может, я зашла не с той стороны? Возможно, я смогу вернуть Ройалам счастье, откупившись от Брук? Она хочет обеспечить себе будущее с помощью банковского счета Ройалов, так? А что если я заставлю ее уехать, отдав ей мое наследство? Каллум его не хочет. Я тоже могу прекрасно обойтись без него. Думаю... хм, думаю, это неплохая идея. Если бы еще было с кем ее обсудить.

Я стучу пальцами по покрывалу. А ведь есть кое-кто, кто знает Брук лучше меня и кто живет в этом доме.

Р-р-р. Я придумываю причину, чтобы поговорить с Ридом? Может быть. Оттолкнув эту мысль, я встаю с кровати и отправляюсь на поиски.

Найти его оказывается не так-то просто. Ройалы разбрелись кто куда. Себ и Соьер, скорее всего, поехали к Лорен. Дверь в комнату Истона закрыта, и там так грохочет музыка, что он не слышит моего стука. А может, он решил всех игнорировать. Пройдя дальше по коридору, я заглядываю в комнату Рида. Дверь открыта, но его самого нет.

Я бреду по огромному дому, пока не слышу доносящиеся из спортзала звуки. Ритмичное буханье ведет меня вниз по лестнице, в цоколь. Дверь чуть-чуть приоткрыта, и мне видно Рида, который бьет кулаками по большому мешку. По его лицу стекает пот, торс блестит.

Уф, какой же он сексуальный!

Я приказываю гормонам успокоиться и толкаю дверь. Он сразу поворачивается в мою сторону.

- Привет, - тихо говорю я.

Он ловит грушу и отступает назад, вытирая лицо обмотанной пластырем рукой. У него красные глаза, и у меня мелькает мысль, что поблескивающие капли на его лице - это не только пот.

- Что случилось? - спрашивает Рид, и его голос срывается.

Сделав вид, что у него пересохло в горле, он наклоняется и берет бутылку воды.

- Близнецы уехали. Истон закрылся в своей комнате.

Рид кивает.

- Близнецы поехали к Лорен. А Истон... - Он замолкает, подбирая нужные слова. - Истон...

Рид замолкает и качает головой.

- Что не так? - требовательно спрашиваю я. - С ним все в порядке?

- Скажем так, ему лучше, чем было пару часов назад.

- А ты... ты в порядке?

Повисает пауза. Потом он медленно качает головой.

Несмотря на предупреждающие звончки в голове, я подхожу ближе. Плохо. Моя защита рушится. Я чувствую, как поддаюсь ему. Он по-прежнему влечет меня своими поцелуями, рождающими зависимость, соблазняет меня своей силой и своей ранимостью, которую больше не пытается скрыть от меня.

- Что произошло? - спрашиваю я.

Рид сглатывает.

- Я... - Он откашливается. - Я попытался рассказать ему.

- Кому и что?

- Папе. Пошел прямо к нему в кабинет с твердой решимостью рассказать о том, что я сделал.

- Что ты сделал? - по-дурацки повторяю я за ним.

- Брук, - выплевывает он. - Я собирался рассказать ему про Брук. Но струсил. Стоял перед дверью и не мог заставить себя постучать. Я все представлял и представлял себе его отвращение, разочарование... и сдрейфил. Развернулся и пошел сюда, и вот колочу по груше, притворяясь, что я не трус и не эгоистичный козел.

В горле встает ком.

– Рид.

– Что? – бормочет он. – Ты знаешь, что это правда. Ты поэтому меня ненавидишь? Потому что я эгоистичный козел?

– Я... не ненавижу тебя, – шепчу я.

В его глазах что-то вспыхивает. Удивление? А может быть, надежда? Но что бы это ни было, оно быстро исчезает, сменившись грустью.

– Ты сказала, что никогда не простишь меня, – напоминает он.

– За что? – на моих губах появляется горькая улыбка. – За то, что у тебя был секс до меня? За то, что ты пытался предупредить меня?

Он в нерешительности кусает губы.

– За все. За то, что не рассказал тебе про Брук. За то, что не был рядом, когда ты нуждалась во мне. За то, что воспользовался случаем в ту ночь, когда Дэниел накачал тебя наркотиками...

– Той ночью я понимала, что делала, – перебиваю я его. – Если бы я сказала «нет», ты бы не прикоснулся ко мне. Я сама этого хотела, поэтому, пожалуйста, не порти все, искажая ситуацию, которая произошла.

Рид кидает бутылку в сторону и подходит ближе.

– Ну и хорошо. Я-то не жалею о той ночи. Мне за многое нужно извиниться, но я никогда не врал тебе. Та ночь была самой чудесной в моей жизни. – Он касается ладонью моей щеки. – И каждый следующий день был еще лучше, потому что я ждал с нетерпением, когда смогу снова обнять тебя, как тогда.

Я понимаю, что он имеет в виду. После той ночи мы оба отбросили свои щиты, и все стало таким... прекрасным. У меня еще никогда не было настоящего бойфренда, и я наслаждалась каждой секундой, которую проводила с Ридом: целуясь с ним, разговаривая, засыпая рядом – все было таким новым, таким волшебным.

– Я скучаю по маме, – сдавленным голосом говорит Рид. – Я даже не осознавал, как сильно скучаю по ней, пока не появилась ты. Мне кажется, ты стала моим зеркалом. Я смотрел на тебя, на то, какая ты сильная, и понимал, что во мне нет и грамма твоей мужественности.

– Неправда. Ты недооцениваешь себя.

– Может, ты меня переоцениваешь?

Я невольно смеюсь.

– По-моему, это слишком далеко от истины.

Он печально улыбается в ответ.

– Да уж, тут ты права.

Но он снова становится серьезным.

– Я хочу рассказать тебе о маме. Ты не против?

Я медленно киваю. Не знаю, что происходит сейчас между нами, но, что бы это ни было, оно кажется... правильным. В этом парне всегда было что-то правильное, даже когда он совершал ошибки... даже когда я поклялась, что никогда снова не попадусь на его крючок.

– погоди, я приму душ.

Рид опускает руку.

– Никуда не уходи, – шепчет он, отходя. – Обещаешь?

– Обещаю.

Он исчезает в прилегающей к спортзалу ванной комнате. У меня или Вэл душ занял бы как минимум минут двадцать, но Рид управляет буквально за две минуты. Он выходит еще мокрый, в обмотанном вокруг талии полотенце, а вторым вытирает свои короткие волосы.

Вода извилистыми дорожками стекает по его груди, по рельефным мышцам живота и впитывается в махровую ткань. Полотенце закреплено вроде бы достаточно надежно, но я уверена, что, если разок потянуть, оно сразу поддастся.

– Твоя комната или моя?

Я быстро поднимаю голову. Рид ухмыляется, но не говорит ни слова. Умный мальчик.

– Моя, – отвечаю я.

Он протягивает мне руку.

– Веди.

Глава 24

Как только мы поднимаемся на второй этаж, Рид убегает в свою комнату переодеться, а я тем временем достаю из мини-холодильника две банки с газировкой и жду его. Когда Рид возвращается, я протягиваю ему колу, и он садится на кровать рядом со мной, развернувшись так, чтобы смотреть мне в лицо.

– Ты знаешь, что мой отец изменял моей маме, верно?

Я медлю с ответом. Каллум утверждал, что, женившись на Марии, он и пальцем не коснулся другой женщины, но его сыновья почему-то не хотят в это верить.

Рид замечает отразившиеся на моем лице сомнения.

- Это правда. Он изменял ей с другими, когда они ездили повсюду с дядей Стивом, который, кстати, принялся изменять Дине с первого дня.

Я сглатываю вставший в горле ком. Мне неприятно слышать подобные вещи о своем отце, что странно, потому что я даже не знала его.

- Дине было наплевать. Она вышла за дядю Стива только из-за денег, все это знали. У нее у самой всегда были любовники. Но мама была не такой. Она *переживала*.

- А у нее были доказательства того, что Каллум ей изменял? - осторожно спрашиваю я.

- Он вечно был в разъездах, всегда со Стивом, а этот чувак точно не держал свой член на привязи.

Я морщусь.

- Но это же ничего не доказывает, Рид. Это всего лишь подозрение. Почему ты так уверен, что он виноват?

- Потому что он виноват.

Рид непреклонен. Я бы еще с ним поспорила, но он не дает мне такой возможности.

- У мамы началась депрессия, и она принимала уйму таблеток.

- Я слышала, что в ее рецептах что-то напутали. Доктор сел в тюрьму или типа того, да?

- Никто ничего не путал, - с горечью отвечает Рид. - Ей прописали препараты от депрессии и от бессонницы, и со временем она стала увеличивать дозы.

- А еще она много пила... - Его голос дрожит. - Становилось все хуже и хуже, папы не было дома, и нам пришлось заботиться о ней.

- Нет ничего ужаснее, чем чувствовать себя беспомощным, - шепчу я, вспоминая, как мне самой пришлось заботиться о маме, когда она заболела.

В его глазах загорается осознание, что я как никто другой понимаю его чувства: каково это - видеть, как любимый человек сгорает от болезни, и знать, что ты ничего не можешь сделать.

- Да. Самое ужасное в мире ощущение.

- Откуда ты знаешь, что это был не просто несчастный случай? - спрашиваю я.

Он делает глубокий медленный вдох.

- Она сказала нам, мне и Гидеону, что любит нас, но больше не может это выносить, что ей очень, очень жаль. - Его губы кривятся в злобной усмешке. - Такие пустые слова, ты не находишь?

Рид закрывает глаза от отвращения к самому себе, будто вспоминая, сколько раз извинялся передо мной с тех пор, как я вернулась в Бейвью.

Прощальные слова Марии, похоже, принесли больше вреда, чем пользы. Может, если бы она не сказала о своей любви и сожалениях, Гидеон и Рид смогли бы убедить себя, что это был просто несчастный случай. Но теперь им приходится нести на своих плечах груз вины за то, что они недостаточно старались и позволили ей умереть.

Мария оказалась не лучше Каллума, понимаю я. Такой же эгоистичной и эмоционально зависимой. Стоит ли удивляться, что их дети тоже далеки от совершенства?

– Я ненавижу его за то, что он сделал с ней, что все мы сделали. А через шесть месяцев после ее смерти он привел в дом Брук. Мне хотелось убить его. Он буквально плюнул на мамину могилу.

Я судорожно выдыхаю, гадая, почему Каллум повел себя так глупо. Почему не мог подождать еще чуть-чуть, прежде чем представлять сыновьям свою новую пассию?

– Они встречались уже больше года, когда Брук начала заигрывать со мной, – признается Рид. – Я повел себя неправильно. Я понимаю, что ошибся. И самое смешное – я захотел отомстить папе, а сам так и не решился рассказать ему.

– Почему той ночью ты промолчал? – вырывается у меня. – Почему позволил мне подумать самое худшее?

Рид поднимает голову, чтобы посмотреть мне прямо в глаза.

– Мне было стыдно. Я знал, что должен был сразу рассказать тебе про Брук, но побоялся, что ты возненавидишь меня. А она сказала, что ждет ребенка. Я понимал, что он никак не может быть моим, но... я одеревенел. Не мог шевельнуться. Я не вру. Пытался, но не мог. И я разозлился. Так сильно разозлился! На себя, на нее, на тебя.

Я напрягаюсь.

– На меня?

– Да, за то, что ты такая, каким я всегда хотел быть.

Его голос становится хриплым.

– Понимаешь, Ройалы известны своими деньгами и своим положением, больше ничем. Мы прогибаемся при малейшем давлении. Папин бизнес оказался под угрозой, и он начал спать с другими женщинами. Мама увеличила прием лекарств и... умерла. А я... – он сглатывает, – я был зол на отца и переспал с его девушкой.

Я сжимаю зубы, но не говорю ни слова.

– Я услышал, как хлопнула дверь, и это вырвало меня из оцепенения. Я бросился за тобой. Всю ночь искал тебя.

А я уже ехала в автобусе, твердо решив убраться из Бейвью восвояси.

– Прости меня. – Он берет мою руку и переплетает наши пальцы. – Прости за то, что причинил тебе боль, за то, что не сказал тебе правду сразу.

Я судорожно вздыхаю.

– Рид.

– Да?

– Я прощаю тебя.

У него перехватывает дыхание.

– Прощаешь?

Я киваю.

Дрожащая рука Рида обхватывает мой подбородок.

– Спасибо.

Его большой палец проводит дугу по моим скулам, вытирая слезинку, которую я даже не заметила.

Горло сдавило, мне трудно говорить.

– Я хочу забыть...

Рид целует меня прежде, чем я успеваю закончить предложение. Теплые губы прижимаются к моим, и я инстинктивно обхватываю руками его сильные плечи и притягиваю к себе.

Его дыхание щекочет мои губы.

– Я скучал по этому. Скучал по тебе.

И вот он опять целует меня. Повсюду. Его губы ласкают мои щеки, шею, закрытые веки. Это нежные, ленивые прикосновения, и я наслаждаюсь ими. Он протискивает бедро между моих ног и прижимается там, где пульсирует невыносимое желание.

– Рид, – шепчу я, но сама не знаю, о чем прошу.

Но он знает.

– Не сегодня.

Я сжимаю бедрами его ногу. Тело Рида вибрирует от стона, который он издает. Но затем он отстраняется и ложится рядом, притягивая мою голову к своей груди.

Как хорошо снова оказаться в его объятиях! Я тоже скучала по этому. Но мне страшно, что счастье не продлится долго, потому что перед нами еще полно препятствий.

– Рид.

– М-м-м?

- Что нам делать с Брук?

- Не знаю.

- А если я отдам ей свое наследство?

Рид вздыхает.

- Папа никогда тебе не позволит.

- Угу. - Мои плечи тяжело опускаются на матрас. - Я пыталась. Брук сказала мне, Каллум ожидал, что доля Стива в компании отойдет Ройалам.

Рид смотрит на меня сверху вниз.

- Пожалуйста, скажи мне, что он отказался.

- Он отказался.

- Хорошо. Нам не нужны эти деньги. Они - твои. У нас и своих много.

- Брук говорит, денег много не бывает.

- Брук - стерва, которая охотится за богачами.

Меня захлестывает отчаяние.

- Зачем он вернулся к ней? Только потому, что она беременна? Вроде мы живем в двадцать первом веке. Каллум должен понимать, что ему необязательно жениться на женщине только потому, что она ждет от него ребенка.

Рид напрягается.

Я поднимаю голову и решительно спрашиваю:

- Что ты сделал?

- Я заключил с ней сделку, - признается он. - Она никому не скажет, что ребенок мой, что на самом деле - ложь, в обмен на то, чтобы я замолвил за нее словечко перед папой.

- О боже! Что за кошмарная идея.

- Да. Я сглупил, но я был в отчаянии. В тот момент я согласился бы на что угодно.

- Оно и видно, - мрачно отвечаю я.

На мгновение мы оба умолкаем.

- Нам нужно найти способ избавиться от нее. - Его тихий голос звучит пугающе. - Я не могу позволить этой женщине жить в моем доме. Я не хочу, чтобы она близко подходила к тебе.

Я закусываю губу. Если правда откроется, для Рида все может плохо кончиться. Каллум и так считает, что слишком потакал мальчишкам, а если он узнает про Рида и Брук, то это послужит очередным сигналом затянуть гайки. Не уверена, что не соглашусь с позицией Каллума. Братьям Ройал не помешает немного дисциплины. Проблема лишь в том, какой способ выберет Каллум. Военное училище?

Не могу представить себе, как буду жить в этом гигантском музее без мальчишек. Наверное, я тоже эгоистка.

- Не сделай ничего такого, о чем пожалеешь, - предупреждаю я Рида.

Его рука сжимает меня еще крепче.

- Я не буду давать обещаний, которые не смогу выполнить. Ты же знаешь, что ради тебя, ради нас я готов на все.

Я придвигаюсь поближе к Риду. Мы вместе, и мне не хочется ссориться. Не сегодня. Я переплетаю наши пальцы.

- Как думаешь, никто не станет возражать, если мне достанется половина компании?

- Нет, конечно, а почему ты спрашиваешь?

- Потому что Гидеон недолюбливает меня.

- На самом деле ты все не так поняла. Гид считает, что я тебе не пара.

Вот в чем дело? Гидеон никогда не был откровенно груб со мной, но всегда держал дистанцию.

- Почему он так считает? - с тревогой спрашиваю я.

- Сейчас жизнь у Гида не сахар. У него... куча проблем.

Проблем? Например, как трахнуть вдову моего отца? Интересно, знает ли о них Рид?

- Каких же?

- Он оказался не в лучшей ситуации.

Не нравится мне все это. Я сдуваю с лица прядь волос.

- По-моему, у нас не должно быть друг от друга никаких секретов.

Рид поднимает вверх свободную руку.

- Клянусь, если бы я мог рассказать тебе все, я бы рассказал. Но это секреты Гидеона, не мои.

Я сажусь.

– Никаких секретов, – еще решительнее повторяю я. – Хочешь, чтобы я начала первой? Хорошо, я начну.

– Начнешь с того, что...

– Мы с Истоном видели, как Гидеон и Дина занимались сексом, – перебиваю я Рида.

Он тоже садится.

– Серьезно? И ты говоришь мне об этом только сейчас?

Я изучаю его лицо.

– Ты не кажешься удивленным. – Мой голос становится резким. – Почему ты не удивлен, Рид? Ты знал?

Он медлит с ответом.

– Ты знал, – обвиняющим тоном говорю я.

Рид пожимает плечами.

Я сердитым движением убираю волосы с глаз.

– Почему он с Диной? – требовательно спрашиваю я. – И почему ему не все равно, что мы вместе? Той ночью, перед тем, как я застучала тебя с Брук, Гидеон попросил меня о встрече. Он сказал тебе об этом? Поэтому я пришла тогда к тебе в комнату, чтобы поговорить с тобой.

– Нет, он мне ничего не говорил, – нахмурившись, отвечает Рид. – И о чем вы разговаривали?

– Он посоветовал мне держаться от тебя подальше. Сказал, что ты причинишь мне боль, а вокруг и так полно тех, кто страдает. Что он имел в виду?

Рид пожимает плечами.

– Рид, – предостерегающе произношу я. – Клянусь, если ты не расскажешь мне, что происходит, мы *никогда* не будем вместе. Я не вынесу новой лжи. Я не лгу.

Он вздыхает.

– Сразу после маминой смерти мы с Гидеоном попали на одну благотворительную акцию, куда должен был пойти папа, но он был слишком занят. Может, встречался со Стивом. В итоге туда отправились мы... и напились.

– Какое это имеет отношение к делу? – сердито ворчу я.

– Ты хотела знать, что происходит с Гидом. Я тебе рассказываю. – Рид недовольно смотрит на меня. – Там была Дина.

– Ой. – Я закусываю губу.

Может, мне лучше не знать всех подробностей?

- Да. Она приставала к нему и раньше, а тут поймала его, когда он выходил из туалета, и они... э-э-э, немного поцеловались.

- Ри-ид! - Я чуть не взрываюсь от раздражения. - Не тогда ли тебе пришла идея переспать с девушкой своего отца?

Виноватое выражение, появившееся на лице Рида, выдает его с головой.

- Возможно, - он вздыхает. - Короче, она не оставляла Гида в покое. Постоянно терроризировала его, отпускала похабные шуточки насчет того, что ей нравится все свежее, молодое и зрелое.

Я морщусь от отвращения.

- Какая пошлятина!

- И не говори! Она хотела большего. В том смысле, что была - да что там была, и есть - просто одержима им. После вечеринки она бессовестно пыталась совратить его. Он мне столько всего рассказывал про ее выходки, тебе лучше не знать подробностей. Но Гид был влюблен в Саванну и не хотел иметь ничего общего с этой охотницей до денег Стива. Однажды вечером Дина попросила Гида приехать к ней, сказала, что хочет ему кое-что показать. Папы и Стива, как обычно, в городе не было. Гид поехал к ней в пентхаус. - Рид умолкает. - А потом, когда вернулся, сказал мне, что переспал с Диной.

- Фу! Зачем?

- Потому что она шантажировала его, - с каменным лицом отвечает Рид.

- Ты шутишь? Чем?

- Фотографиями. Ей удалось заполучить телефон Гидеона. Наверное, он оставил его на кухне, когда она была у нас. Дина залезла в телефон и нашла фотографии, которыми обменивались Сав и Гид.

- Непристойные фотки?

- Да.

- Ну и что? - Я по-прежнему не понимаю. - Люди постоянно шлют друг другу эротические фотки.

- Но с этим ведут активную борьбу. Двоих подростков в Рэли втянули в процесс по делу о детской порнографии, когда родители девушки узнали, что они обмениваются такими смс. У девчонки отозвали стипендию в университете Северной Каролины. Если бы речь шла только о самом Гиде, он, скорее всего, послал бы Дину ко всем чертям, но она поклялась, что накапает на Сав и даже перешлет фотки всей школе.

Меня уже тошнит.

- Получается, что Дина шантажом затащила его в свою постель?

- Типа того. С тех пор прошел год. Он расстался с Сав, и это уничтожило ее.

Я думаю о Саванне, такой сдержанной и бескомпромиссной. У нее саркастическая улыбка и острый язык. Если она по-настоящему любила Гидеона, то боль, которую ей пришлось пережить, должно быть, была невыносимой.

- Ужас какой-то!

Рид корчит гримасу.

- Он убьет меня, если узнает, что я тебе рассказал.

- Я рада, что ты это сделал, - сурово говорю я. - Теперь мы можем придумать план.

- План чего?

- Как спасти Гидеона от Дины. Мы не можем позволить ей продолжать третировать его и дальше. Иначе он совсем спятит.

- Иногда мне кажется, что это часть плана Брук и Дины. Они как будто поделили нас между собой, решив разделаться с Ройалами. Да и со Стивом тоже. - Рид качает головой. - Вот произнес это вслух, и получается какой-то бред.

- Ты действительно считаешь, что Брук и Дина все спланировали?

- Они подруги. Мне кажется, папа спал с Брук еще до маминой смерти, но я ничего о них не знаю. Стив в один прекрасный день появился с Диной, и на ее пальце было кольцо. Хотя женитьба не охладила его пыл.

- Что еще нам известно о Дине? И как думаешь, где она хранит компромат на Гида? Показывала ли она кому-то те фотки?

- Сомневаюсь, иначе Гида бы уже давно посадили на несколько лет.

- Если мы сможем завладеть фотографиями, Дина останется с носом. Шантажировать будет нечем. - Я начинаю размышлять вслух. - Как мы их найдем? Настолько ли она глупа, чтобы хранить их где-нибудь в пентхаусе? Догадалась ли сделать копии?

- Понятия не имею. Но, возможно, ты права. Если мы найдем их и уничтожим, то эта история останется в прошлом.

- А Брук?

- Брук, - с отвращением повторяет Рид. - Нам нужен тест на отцовство. Не понимаю, почему папа до сих пор не сделал его.

- Я тоже.

Я грызу большой палец, пока Рид не вытаскивает его у меня изо рта.

- Ты съешь свой палец, если будешь и дальше об этом думать. Может, мы уже перестанем обсуждать Брук и Дину? Хотя бы ненадолго?

- Почему?

Его глаза вспыхивают.

- Потому что сейчас мы можем заняться другими вещами, поинтереснее.

- Например...

Я не успеваю закончить фразу, как Рид переворачивает меня на бок и целует в шею.

- Например, вот этим, - шепчет он.

Я ахаю.

- Хорошо.

Его умелые пальцы находят полоску обнаженной кожи над поясом моих домашних леггинсов. Другая девушка, с большей силой воли, смогла бы сдержать дрожь, но я всегда была не в силах устоять перед Ридом. Бессмысленно и пробовать. Особенно сейчас, когда мне так приятны его прикосновения.

Рид утыкается носом в мою шею и продолжает медленно гладить меня по животу, словно уже одно это делает его счастливым. И мне пока тоже этого хватает. Мы лежим в тишине и наслаждаемся простыми ласками. В этом умиротворении мне в голову приходит мысль, что впервые за долгое время я делю минуты тишины с другим человеком.

- Ты прощаешь меня? - спрашивает Рид.

Я глажу рукой его блестящие темные волосы. Когда я смотрю на него, на его мощное тело и жесткое лицо, то иногда забываю, что у Рида такая же ранимая душа, как у меня. Но парням не годится быть излишне эмоциональными, поэтому они прячут свои чувства за серьезностью, грубостью или отталкивающим поведением.

- Я прощаю тебя.

- Даже несмотря на то, что я скотина?

- Ты перестал вести себя по-скотски со мной?

Я тяну его за волосы чуть сильнее, чем следует.

Рид опускает голову, как бы соглашаясь, что заслуживает этого.

- Уже давно. Сразу после нашего первого поцелуя. Я перестал смотреть на других девушек, как только встретил тебя, Элла.

- Вот и славно. А если ты будешь носить меня на руках, как богиню, и не будешь изменять мне, то я - только «за».

– Я могу быть настоящим наказанием.

Он хочет сказать, что слишком сильно меня любит и боится, что я могу снова оставить его – как это было недавно, как сделала его мама, уйдя навсегда.

– Да... но ты *мое* наказание, – шепчу я.

Смех Рида звучит приглушенно, потому что его губы двигаются по моей ключице, осыпают грудь легкими поцелуями. Нежный шелк моего лифчика вдруг кажется шершавым и грубым. Я беспокойно ерзаю. Рид опускается ниже, его грудь вжимается в мой живот, опускается между моих ног.

Мои пальцы снова цепляются за его волосы, я то ли хочу притянуть его к своим губам, то ли толкнуть ниже. Но у Рида свой план. Он поднимает подол моей футболки и очень, очень медленно тянет. Я нетерпеливо хватаюсь за нее и стягиваю через голову.

Рид ухмыляется.

– Я говорил тебе, как мне нравится твоя ночная рубашка?

– Она удобная, – защищаюсь я.

– М-м-м, – мычит он и, продолжая самодовольно ухмыляться, заводит руки за спину и стягивает свою футболку.

Я сразу забываю, какую остроумную реплику хотела только что выдать, и провожу рукой по его груди.

Он закрывает глаза и вздрагивает. Его руки лежат вдоль тела, сжимаясь в кулаки и разжимаясь. Рид ждет меня? Мне это нравится – он в моей власти и ждет указаний.

– Коснись меня, – шепчу я.

Его глаза открываются, и огонь, полыхающий в них, заставляет меня ахнуть. Рид толкает меня на спину и накидывается на мои легинсы с таким рвением, как будто они оскорбили его лично. Я поднимаю бедра и стягиваю с себя спандекс, потому что не хочу, чтобы нам что-то мешало. Я хочу чувствовать его, когда он будет прижиматься ко мне.

Рид просовывает руку мне за спину и расстегивает лифчик. Его губы тут же начинают ласкать меня, и я дрожу всем телом. Когда он целует мой сосок, я издаю сдавленный, полный отчаяния звук и впиваюсь пальцами в его плечи.

Я ошибалась. Его прикосновения не умиротворяют. Нет, они сводят меня с ума, возбуждают еще сильнее, полностью лишают самообладания. И чем ниже опускается Рид, тем сильнее жар, охвативший мое тело.

– Рид, – шепчу я, запрокинув голову и постанывая.

– Ш-ш-ш, – говорит он. – Позволь мне.

Позволить ему... что? Опуститься вниз, когда его плечи раздвинут мои ноги так широко, что раньше я посчитала бы это неприличным? Когда его рот окажется прямо там и его язык будет делать потрясающие вещи с тем пульсирующим местечком? Позволить ему ласкать меня такими способами, которые когда-то казались мне странными и вгоняли в краску?

Рид восхищенно стонет, когда я позволяю ему довести меня до оргазма. Меня накрывает волной абсолютного блаженства, спина выгибается, пальцы на ногах сжимаются, и я цепляюсь за простыни.

Наконец Рид поднимается, оставляя меня дрожать и хватать ртом воздух, ложится рядом со мной, и от меня не ускользает то, как сильно топорщатся его боксеры.

Рид улыбается, когда замечает, куда я пялюсь.

- Не обращай внимания, скоро пройдет.

Я придвигаюсь ближе.

- И почему мы хотим не обращать на это внимания?

Он напрягается, когда я кладу на него руку.

- Я хотел, чтобы эта ночь была только для тебя, - возражает Рид, но когда мои пальцы проскальзывают под резинку его трусов, его глаза ярко вспыхивают.

- Ну а я хочу, чтобы эта ночь была для нас обоих, - шепчу я.

Мне нравится ощущать его в своей руке, и, судя по тому, как опустились его веки и участилось дыхание, Рид тоже наслаждается каждой секундой.

- Элла... - Он двигает бедрами вверх. - Черт. Быстрее.

Наблюдать за его лицом - это нечто совершенно захватывающее. На его щеках вспыхивает румянец, глаза подернуты дымкой, а когда я целую его, то наши языки сплетаются, и вот мы уже оба не можем отдышаться.

Пульсация у меня между ногами возвращается, и Рид, кажется, чувствует это, потому что его пальцы находят меня. Мы лихорадочно пытаемся свести друг друга с ума. И нам обоим это удастся. Я еще крепче цепляюсь за него, потому что если я упаду в пропасть, то заберу его с собой. Губы Рида прижимаются к моим, и мы двигаемся в едином ритме до тех пор, пока я не лечу вниз, в пучину блаженного счастья.

Глава 25

- Ты видел Рида? - спрашивает кого-то Каллум в коридоре.

Его голос звучит прямо рядом с моей дверью, и я сажусь в кровати. Тяжелая рука валит меня обратно в постель.

- Наверное, уехал на тренировку, - отвечает Истон.

- Хм, так рано? А тебе разве не нужно на тренировку?

- Нужно, но кое-кто учинил мне допрос о местонахождении моего брата, - язвительно говорит Истон.

Каллум то ли ворчит, то ли усмехается, то ли тяжело вздыхает. Сложно сказать. Я трясую Рида за плечо, пока он не открывает глаза.

- Это твой папа, - свистящим шепотом сообщаю я.

В ответ Рид снова закрывает глаза и трется щекой о мою руку.

Снова раздается голос Каллума.

- Мне звонили из «Франклин Авто-Бади», сказали, что Рид пригнал им машину, но его «ровер» стоит у дома. А машина Эллы пропала. Элла ведь не сбежала, нет?

В голосе слышится напряжение. Интересно, это я расстроила его своим разговором про деньги? Или, может, он думает, что расстроил *меня*, и поэтому так волнуется из-за меня.

- Нет, просто с машиной Эллы случился неприятный инцидент с медом, она постеснялась рассказать тебе об этом. Рид отогнал машину в мастерскую вместо нее.

- Инцидент с медом?

- Да, но все уже в порядке, пап, - говорит Истон, и их шаги удаляются по коридору.

Я смотрю на часы. Пора шевелиться, если я хочу успеть в пекарню вовремя. Люси дала мне второй шанс, и я ни за что не подведу ее снова. Я выбираюсь из-под прижимающей меня руки Рида и понимаю, что на мне только трусики.

Почему-то я стесняюсь разгуливать перед Ридом почти раздетой, хотя раньше раздевалась перед толпой незнакомых мужчин. Я поднимаю с кровати его футболку и быстро натягиваю ее.

Рид переворачивается на спину и кладет руку за голову. Он увлеченно наблюдает за тем, как я ношусь по комнате, собираясь.

- Тебе необязательно одеваться, когда я рядом, - растягивая слова, говорит Рид.

- Я оделась для себя, не для тебя.

Он смеется, низко, сексуально, хрипло.

- Ты все еще девственница, маленькая Мисс Невинность.

- Что-то я не чувствую себя невинной, - бурчу я.

- Да и не выглядишь.

Я встаю перед широким зеркалом, которое висит над столом. Волосы торчат в разные стороны, как будто лесные птицы свили в них гнездо.

– О господи! Вот почему говорят «волосы как после секса»!

Хотя можно ли сказать так про меня? Ведь у меня и секса фактически не было!

Рид встает с постели, он выглядит излишне красивым для столь раннего часа. Он убирает в сторону мои волосы и прижимается горячими губами к шее.

– Выглядишь сногшибательно и очень сексуально, так что, если я задержусь здесь еще на секунду, твоя девственность будет валяться на полу вместе с твоими трусиками.

Рид сильно шлепает меня по попе и вальяжной походкой выходит из моей спальни в одних лишь боксерах. Слава богу, навстречу не раздаётся возмущенного крика Каллума.

Я привожу волосы в порядок, намочив их под краном, натягиваю джинсы, кроссовки и довольно-таки откровенный топ из черного кружева, который надевала на работу в кафе на стоянке для фур, пока Каллум не нашел меня.

Когда я выхожу из комнаты, Рид как раз проходит мимо. Он останавливается, оглядывает меня с головы до ног и поднимает палец.

– Стой здесь.

Конечно, я не слушаюсь его. Я миллион раз говорила Риду, что я не собака.

Я иду за ним в его комнату, где он уже роется в шкафу.

– Что ты делаешь?

– Ищу форму.

Я закатываю глаза.

– По пятницам мы не носим форму.

Пятница – единственный день учебной недели, когда нам разрешается надевать обычную одежду, хотя директор Берингер предпочитает, чтобы в день футбольного матча на каждом из нас был какой-нибудь командный атрибут.

– Но это не значит, что ты должна одеться так, чтобы вызвать беспорядки в школе. – Рид достает рубашку в бело-голубую клетку. – Может, наденешь футболку с моей фамилией?

Я морщусь, потому что еще не готова объявить миру, что снова встречаюсь с Ридом Ройалом. В школе мне и без того хватает проблем, и не хочется усложнять ситуацию еще больше.

Рид вздыхает, но не спорит.

Я позволяю ему натянуть на себя рубашку, а потом поднимаю руки в чересчур длинных рукавах к его лицу.

– И как мне с этим ходить?

Он вращает указательным пальцем.

- Закатай их. Разве одежда бойфрендов сейчас не в моде?

Оттого, что Рид сказал слово «бойфренд», на сердце сразу становится теплее. Но я не хочу показывать, как легко ему удастся тронуть меня, иначе он будет использовать мою слабость в своих интересах.

- Вообще-то, имеются в виду джинсы бойфренда. Ладно, так и быть, но только сегодня, - ворчу я, закатывая рукава, чтобы можно было работать руками в пекарне и не испачкать рубашку Рида в муке.

Прихватив из кухни кое-что перекусить, мы выходим из дома.

- Чем хочешь заняться в выходные? - спрашивает Рид по дороге в пекарню.

- Идти на вечеринку к кому-нибудь из Астора я точно не хочу, - я морщусь носом. - И нужно что-то придумать с Вэл, потому что Тэм козел и надо, чтобы она была не одна.

- Мы можем поехать на ферму, там есть огромный лабиринт и проводят конкурсы с тыквами.

- Мы? То есть, я, ты и твои братья? - с надеждой спрашиваю я.

- Да, все мы. Выплеснем переизбыток тестостерона на тыквы, после чего будем целоваться в лабиринте.

- Что-то ты сильно уверен в себе.

Рид ухмыляется.

- Сегодня утром я обнаружил у себя на спине царапины.

- Не может быть! - восклицаю я и глубоко вздыхаю.

Он молчит.

- Нет, правда? - тихо спрашиваю я Рида, разглядывая свои ногти.

Рид продолжает ухмыляться, но благоразумно меняет тему.

- Как Вэл?

Я подсовываю руки под себя.

- Не очень. Скучает по своему бывшему.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вэл поняла, насколько ей лучше без этого изменника Тэма, но я не буду давать ей никаких советов. В примерках стрип-клубов не одна дружба распалась из-за того, что какая-нибудь женщина пыталась указать подруге на очевидные недостатки ее мужчины.

Внезапно мне приходит в голову, что Рид – старше меня и в следующем году я буду учиться в Астор-Парке, а он уедет. Как-то раз он сказал мне, что хочет оказаться как можно дальше от Бейвью, и сейчас я даже понимаю, почему, но при мысли о том, что Рид будет далеко, у меня разрывается сердце.

– Мне нужно будет волноваться, когда ты уедешь в колледж? – с тревогой спрашиваю я.

– Нет. – Рид протягивает руку и успокоительно сжимает мое колено. – Парень Вэл хочет сначала поэкспериментировать, но я уже...

Он умолкает, подбирая правильные слова.

– Не хочу говорить плохо о твоём отце, но Стив получал любую женщину, которую хотел, и ни одна не сделала его счастливым. Мне не нужны другие женщины, чтобы понять, чего я хочу.

Его слова, ох! Его слова – как лучики солнца, нежно согревающие каждую частичку моего тела. Я вдруг начинаю молить Бога, чтобы то, что я согласилась дать ему второй шанс, не оказалось очередной ошибкой. Если он снова причинит мне боль, не уверена, что смогу это пережить.

Рид останавливается у пекарни, наклоняется и обхватывает меня рукой за затылок. Я не успеваю возразить, как он уже целует меня, крепко и собственнически.

– Встретимся на школьной парковке, – хрипло говорит он.

Рид не ждет ответа и быстро уезжает, чтобы успеть на тренировку. Я мысленно даю себе подзатыльник за то, что мне так понравилось его варварское поведение, но все равно вхожу в пекарню с улыбкой на лице.

* * *

Утро пролетает незаметно. Мне казалось, что время будет тянуться медленно, а я буду киснуть и скучать по Риду, но, наоборот, меня словно зарядили энергией. Может, все дело в хорошем «почти сексе»? Интересно, а каково оно будет после настоящего? Я буду как супергерой? Смогу одним прыжком взлетать на высокие здания и одной рукой подхватывать падающие с неба самолеты?

Меня даже не волнует, что я нашла в своем шкафчике чьи-то грязные трусы. Наверное, стоит носить с собой резиновые перчатки, но даже мучители из Астор-Парка не смогут испортить мне сегодняшний день.

– У тебя что, вчера был секс? – устраивает допрос Вэл, когда мы опускаем на стол подносы с обедом.

У меня это что, на лбу написано?

– С чего ты взяла?

– У тебя такое же глупое и счастливое выражение лица, как у людей, которые регулярно и качественно им занимаются.

Она с отвращением опускается на свое место.

– Нет, вчера у меня не было секса, – уверяю я ее.

– Но что-то определенно было. – Вэл внимательно вглядывается в мое лицо, как будто на нем остались отпечатки пальцев Рида. – С ним?

Она кивает головой в сторону кассы, где расплачивается Рид. Наверное, что-то все-таки меня выдает, потому что подруга стонет:

– Точно. Ты вернулась к нему. Зачем?

Мою спину начинает покалывать. Вэл обычно никого не осуждает, но сейчас неодобрение прямо-таки написано у нее на лице.

– А что, ты перестанешь со мной дружить? – язвительно спрашиваю я.

Она смягчается.

– Нет! Конечно, нет. Просто я не понимаю. Ты сама говорила, что не сможешь простить его.

– Значит, я ошибалась. – Я вздыхаю. – Я люблю его, Вэл. Пусть я самая глупая девчонка на планете, но мне очень хочется, чтобы у нас все наладилось. Я скучаю по нему.

Вэл удрученно фыркает.

– Я тоже скучаю по Тэму. Вспомни, что я недавно натворила из-за него, и все ради чего? Нельзя прощать этих придурков – или мы потом сами себя не простим.

– Я все понимаю, и поверь мне, будь я на твоем месте, то тоже бы закатывала глаза. – Я прикусываю нижнюю губу.

Я не могу рассказать ей о заморочках Рида, потому что это слишком личное, но мне хочется, чтобы Вэл поняла. Она придирается ко мне только потому, что беспокоится, и я по-настоящему ценю Вэл.

– В чем же дело? Он действительно хорош в подхалимаже?

Почему я простила Рида? Не потому, что у него за спиной такая печальная история, и не потому, что мне хорошо с ним: это не повод оставаться с парнем, который обращался со своей девушкой так, как Рид обращался со мной.

Сложно объяснить, почему меня так тянет к нему. Я сама не всегда понимаю свои чувства. Но зато понимаю его, очень-очень глубоко, и его потеря трогает меня за душу. Когда счастлив он, счастлива и я. И даже то, как он пытается найти хоть какой-то смысл в этом сумасшедшем мире, тоже мне знакомо.

Я осторожно стараюсь объяснить все это Вэл.

– Я простила его, потому что не знаю никого другого, кого бы я так хорошо понимала, и кто точно так же понимал бы меня. Я тебе этого не рассказывала, но через пару недель после того, как я переехала сюда, у меня случился срыв, и я начала колотить Рида прямо в машине.

Губы Вэл вздрагивают.

– Seriously?

Я рада, что она улыбается. Дружба Вэл сейчас для меня важнее всего.

– Ага. Он держал меня одной рукой, а второй вел машину. И даже когда потом он сказал, что ненавидит меня, все равно каждый день отвозил меня в школу. Не знаю, как тебе объяснить, но у меня такое ощущение, что мы по сути одинаковые. Иногда у меня играют гормоны, и я становлюсь очень сентиментальной, а иногда он ведет себя как подонок, но мы сделаны из одного теста.

– И ты не пробовала встречаться с другим парнем?

– Нет. В любом случае это бы не сработало. Он не был бы Ридом.

Вэл сочувственно вздыхает.

– Даже не буду притворяться, что понимаю тебя, но после той драки я лично решила, что двигаюсь дальше.

– Тогда, наверное, тебе лучше дождаться, когда заживет синяк. Кстати, как ты объяснила его своим домашним?

– Сказала, что ударилась о дверь. И это почти правда, только вместо двери было лицо одной девчонки.

– Мы идем на сегодняшнюю игру?

Вэл ковыряет вилкой в своем салате из киноа и овощей.

– Не знаю. Думаю, с меня хватит парней из Астора.

– А как насчет красавчика, который сидит рядом с Истоном? – спрашиваю я.

Она украдкой выглядывает поверх моего плеча.

– Лиам Хантер?

– Он кажется... серьезным.

– Он и есть серьезный. И, пожалуй, находится в самом верху моего списка парней, которых лучше избегать. Он такой же, как Тэм. Мальчишка из бедной семьи с большими амбициями и желанием преуспеть. Он попользуется мной, а затем выкинет. – Вэл откручивает крышку бутылки с водой. – Мне нужен богатый мальчик, потому что они не привязываются к людям, только к вещам. А если ко мне не привязываются, я тоже не привязываюсь.

Я начинаю говорить ей, что это работает не так, что можно влюбиться в человека, который тебя на дух не переносит. Взять хотя бы меня и Рида. Я влюбилась в него, когда он отталкивал меня и ужасно со мной обращался. И продолжала любить, несмотря ни на что. Но Вэл не слушает меня. Она еще переживает свою боль, и эта боль сейчас говорит ее голосом.

- Если тебе нужен богатый мальчик, то я в твоём распоряжении.

Мы с Вэл оборачиваемся к Уэйд, который садится за наш столик.

Вэл беззастенчиво оценивает его, и ей явно нравится то, что она видит. Совсем не удивительно, потому что Уэйд сногшибательно красив.

- Если я соглашусь, тебе придется держаться подальше от других девушек.

- Что ты имеешь в виду? - с искренним недоумением спрашивает он.

Очевидно, верность - чуждое ему понятие.

- Она имеет в виду, что пока вы двое будете в распоряжении друг друга, ты не выходишь за рамки «секса по дружбе», - объясняю я.

Он хмурится.

- Но...

Вэл перебивает его.

- Забудь об этом, Уэйд. Я буду делать с тобой такие вещи, что у тебя снесет крышу, и потом ты больше никогда не сможешь по-настоящему получить удовольствие, потому что будешь сравнивать других девушек со мной, и они всегда будут уступать.

У Уэйда отвисает челюсть.

Я ухмыляюсь, потому что впервые вижу, как кто-то утер ему нос.

- Она разбирается в этом, - подтверждаю я, хотя понятия не имею, о чем говорю.

- Разбираешься, значит, - хрипит он.

Вэл кивает.

- Еще как разбираюсь.

Внезапно Уэйд опускается на одно колено.

- Послушай меня, дражайшая дева! Прошу, позволь мне ввести мой член в твою пещеру блаженства, и я вознесу тебя к таким вершинам, о которых известно лишь бессмертным.

Вэл встает из-за стола и берет свой поднос.

- Если ты считаешь, что непристойности звучат именно так, то тебе еще многому предстоит научиться. Понял?

И она уходит.

Уэйд поворачивается ко мне и с детским восторгом одними губами произносит: «Непристойности».

Я пожимаю плечами и поднимаю руки вверх, и он бежит вслед за Вэл. В буквальном смысле.

- Мне нужно знать, что это было? - спрашивает Рид, опуская свой поднос рядом с моим.

- Не думаю. Если честно, я даже не уверена, что смогла бы тебе объяснить.

Глава 26

На стадионе у меня создается впечатление, что Каллума Ройала знают все. Или, по крайней мере, люди делают вид, что знакомы с ним. Зрители на трибунах поднимаются и машут, приветствуя его. Кто-то даже останавливает Каллума у нижнего ряда, пока мы ищем свободные места. Он пожимает несколько рук. Кое-кто выражает сожаление по поводу его утраты, что мне лично кажется бестактным. Мария умерла два года назад. Зачем сейчас вспоминать об этом? Но Каллум улыбается и благодарит каждого за внимание к нему и его семье. На все уходит полчаса, и только потом мы поднимаемся, чтобы сесть в секторе для родителей.

- Уверена, что не хочешь сидеть со своими друзьями? - Каллум показывает рукой на среднюю секцию, где зрители рассажены так, чтобы чередовались синий и золотой. Он косится на меня. - Девушки в именных футболках сидят там, внизу.

Я передергиваю плечом под футболкой с именем Рида. К его досаде, я не надела ее в школу, но зато сейчас в ней. Решила, что раз сяду с Каллумом, то это будет выглядеть так, как будто я поддерживаю семью, а не лично Рида. Каллум одет в футболку Истона и отлично в ней смотрится. Я же утопаю в своей.

- Нет, мне и здесь хорошо. И нужно забить место для Вэл, - напоминаю я.

Но даже если Вэл не придет, я все равно предпочту сидеть подальше от моих так называемых «друзей». Я пришла к выводу, что в Астор-Парке учатся одни уроды. Бесчинство в школе почти сошло на нет, но пока еще не до конца. В один прекрасный день кто-то сделал так, что дверцу моего шкафчика заклинило, и я опоздала на урок, пытаюсь ее открыть. К счастью, учитель принял мои объяснения. А на этой неделе на уроке физкультуры из раздевалки пропали мои трусики, и мне пришлось весь учебный день ходить без них.

По простоте душевной я рассказала об этом Риду, и он затащил меня в комнату для музыкальных репетиций, чтобы «убедиться лично». Я, конечно, опоздала на биологию, и Истон, который тоже был в этом классе, сразу догадался о причине и принялся безбожно дразнить меня.

– Каллум, а вы тоже играли в футбол в старшей школе? – спрашиваю я, пока мы наблюдаем, как команда разогревается, делая какие-то странные упражнения для ног.

– Да, был тайт-эндом[8].

Я ухмыляюсь. Термины в американском футболе звучат непристойно.

Каллум подмигивает мне, как будто знает, о чем именно я сейчас думаю.

– А твой отец играл на той же позиции, что Рид. Дефенсив-энд[9].

– Вы знали, что моей маме было шестнадцать, когда она встретила Стива?

Я как-то задумалась над разницей в возрасте и была немного шокирована. Каллуму сейчас чуть за сорок, и если они со Стивом вместе учились в старшей школе, значит, тот был примерно такого же возраста. Маме было семнадцать, когда она родила меня, шестнадцать – когда забеременела. Наверное, он уже тогда был настоящим бабником. Но даже так мне ни капли не легче воспринимать его смерть.

– Никогда об этом не задумывался, но ты права, – Каллум смущенно смотрит на меня. – Девушки, которые обычно сидели в барах рядом с тренировочной базой... было сложно сказать, сколько им лет на самом деле.

Я закатываю глаза.

– Каллум, мне исполнилось пятнадцать, когда я начала танцевать в стрип-клубах. Уж поверьте, я знаю, как сложно различить возраст. Просто пришла в голову мысль, вот и все.

– Стив никогда бы не стал обманывать женщину, чтобы соблазнить ее. Он был не такой.

– Я его ни в чем не обвиняю. Мама никогда не говорила ничего плохого о моем доноре спермы.

Каллум морщится.

– Я бы очень хотел, чтобы ты познакомилась с ним. Он был хорошим человеком.

Он щелкает пальцами.

– Нам нужно встретиться со старыми друзьями из «морских котиков»! Никогда по-настоящему не узнаешь человека, пока не проведешь с ним неделю в какой-то дыре посреди пустыни.

– Звучит реально жутко, – я морщу нос. – По-моему, Алекс, я приняла шопинг-туры за победу.

Он смеется.

– Справедливо. А вот и Вэлери. – Каллум встает и подзывает Вэл к нам.

Она так и сияет от радости, когда опускается на сиденье рядом со мной.

- Эй, подружка, что такое?

- Вот хорошо, твой приход спас меня от военных баек Каллума.

Видя непонимание на лице Вэл, Каллум объясняет:

- Я говорил Элле, что ей нужно встретиться со старыми друзьями ее отца из «морских котиков».

- А-а-а. Кстати, а я встречалась со Стивом. Разве я тебе не рассказывала?

- Нет. Когда? - с любопытством спрашиваю я.

- В прошлом году, на осеннем балу. - Она наклоняется вперед, чтобы посмотреть на Каллума. - Помните? Вы привезли мальчишек на вертолете.

У меня отвисает челюсть.

- Seriously? На вертолете?

Каллум начинает хохотать.

- Я и забыл. Мы тестировали новый прототип, и Стив хотел испробовать его в деле. Мы взяли мальчиков и их подружек и, наверное, целый час летали вдоль побережья, а потом сели на территории школы. Берингера удар хватил. Мне пришлось отстегнуть кругленькую сумму на благоустройство ландшафта. - Он широко улыбается. - Но оно того стоило.

- Ничего себе! Неудивительно, что девчонки лезут по головам друг друга, только чтобы встречаться с Ройалами.

- Элла, - Каллум притворяется обиженным, - мои сыновья - воплощение мужественности. Женщину притягивает личность, а не чековая книжка.

- Можете и дальше в это верить.

Кто-то трогает Каллума за плечо, не дав ему ответить. Он наклоняется в ту сторону, и Вэл толкает меня локтем.

- А во дворце Ройалов снова все счастливы?

- Не знаю. А что, похоже, мы ладим друг с другом?

- После смерти Марии Каллум Ройал впервые пришел на игру своих сыновей, - выразительно говорит Вэл. - И я не единственный, кто это заметил. К тому же все сейчас смотрят на вас по-другому.

- То есть? - Я оглядываю толпу, но не вижу никакой разницы - в основном все те же злобные взгляды, к которым я уже привыкла.

- Вам легко друг с другом. Ты явно ему нравишься, но не в том пошлом смысле, о котором все сплетничали. Ты смеешься, он разговорчив. Не так, как было раньше. Каллум - важная шишка, и многие хотели бы заслужить его одобрение.

- Или доступ к его счету.

Вэл пожимает плечами.

- Разницы никакой. Но это может помочь тебе в школе. Если родители узнают, что их придурки третируют подопечную Каллума Ройала, то многих лишат карманных денег.

- Ну, теперь уже не так, - признаюсь я. - Самым страшным на этой неделе была пропажа моих трусиков.

- Да, слышала, для тебя это стало настоящей трагедией. - Подруга закатывает глаза. - Может, тебе следовало поискать виновного в доме?

Я ухмыляюсь.

- Риду не нужно красть мою одежду, чтобы заполучить меня.

- Ты омерзительна, - нежно говорит Вэл.

- Все равно в моей постели не было никого лучше тебя, - заверяю ее я. - Кстати, как там дела с Хиро?

- Не знаю. Он, конечно, секси и все такое, но не будоражит мою кровь.

- А Уэйд?

Вэл рассказала, что сегодня они прогуляли четвертый урок, чтобы пошалить в кладовке, но в подробности не вдавалась.

- Он слишком опытный. Что бы он ни сказал, это категорически нельзя воспринимать всерьез. Не знаю, что он будет делать, если какая-нибудь девчонка признается ему в любви. Наверное, это его самый кошмарный сон. Как для нас пауки, которые заползают в рот. - Меня аж передергивает. - Так для него это толпы девчонок, которые встают и говорят: «Уэйд, я люблю тебя. Давай будем вместе!». Готова поспорить, он просыпается в холодном поту.

- А ты много об этом думала.

- Все лучше, чем страдать по Тэму.

- Это точно.

Зрители на трибунах дружно поднимаются, когда оркестр начинает играть национальный гимн, прерывая наш разговор. Каллум стоит рядом со мной, вытянувшись по стойке смирно. Что и говорить, привычка - вторая натура. Вэл стоит справа от меня. Мой любимый мужчина - на поле. На моей спине, на позаимствованной у него футболке, красуется слово «Ройал».

Я еще никогда в жизни не ощущала себя настолько в своей тарелке. Это так странно и так волшебно, поэтому я не перестаю улыбаться.

Игра заканчивается нашей победой с разгромным счетом, и потом все только и говорят, что о предстоящей серии плей-офф.

По пути к выходу Каллум останавливается за два ряда до лестницы и тянется через группу людей, чтобы похлопать по плечу крепкого мужчину небольшого роста.

- Как поживаешь, Марк? - вежливо спрашивает Каллум.

Но от его холодного тона у меня от напряжения сковывает плечи.

- Не можешь спуститься на минутку? Хочу перекинуться с тобой парой слов.

Это не просьба, а приказ. Все, кто стоит рядом, понимают это, потому что весь ряд встает, чтобы пропустить Марка.

- Это мой дядя, - шипит мне в ухо Вэл.

Мне еще не доводилось встречаться с родителями Джордан, но Каллум не представляет нас друг другу. Вместо этого он протягивает руку, словно преграждая нам путь, и вынуждает Марка Каррингтона спуститься к нам. Марк останавливается у последнего ряда трибун, но что-то в лице Каллума заставляет его повернуться, быстро пойти в сторону лестниц и спуститься на землю.

- Что происходит? - шепчу я Вэл.

Она в таком же смятении. Но Каллум не отсылал меня, и я следую за ним, а Вэл - за мной.

- Достаточно, - говорит Каллум, когда мы отходим от трибун метров на шесть.

- В чем дело, Ройал?

Каллум поворачивается ко мне, быстро хватая меня за запястье и выталкивает вперед.

- Поверить не могу, что ты еще не знаком с моей воспитанницей. Элла Харпер. Дочь Стива.

Мистер Каррингтон бледнеет, но протягивает мне руку. Не понимая, что происходит, я пожимаю ее.

- Рад познакомиться с тобой, Элла.

- Я тоже рада знакомству, сэр. Мы с Вэл подруги. - Я притягиваю ее к себе, а потом подталкиваю вперед, подражая Каллуму.

Вэл робко машет ему рукой.

- Привет, дядя Марк.

- Здравствуй, Вэл.

- Здорово, не правда ли, - произносит Каллум, - что наши с тобой воспитанницы стали подругами?

Марк неуверенно кивает.

- Да, хорошо, когда есть друзья.

Вэл берет меня за руку.

- Элла очень много значит для моей семьи, и я рад, что ее радушно приняли в Астор-Парке. Я был бы сильно возмущен, если бы услышал, что кто-то так или иначе досаждал ей. Уверен, ты бы тоже этого не потерпел, правда, Марк?

- Конечно!

- Кажется, твоя дочь имеет влияние в Асторе? - Каллум говорит бесстрастным тоном, словно обсуждает погоду, но что-то в его словах вновь заставляет Марка побледнеть.

- У Джордан много друзей.

- Хорошо. Я убежден, что ее дружелюбие распространится и на Эллу, точно так же, как моя доброжелательность распространяется на твою семью.

Марк откашливается.

- Не сомневаюсь, что Элла прекрасно впишется в круг общения моей дочери.

- Я тоже, Каррингтон. Я тоже. А теперь можешь идти к своей семье.

Каллум отворачивается от Марка, больше не обращая на него внимания, и поворачивается ко мне.

- Девушки, найдите мальчишек, а я пока попрошу Дюрана подогнать машину, договорились?

- Э-э-э, хорошо, - запинаясь, отвечаю я, но стоит ему зашагать прочь, как желание выяснить, что именно ему известно, берет верх, я отпускаю руку Вэл и бросаюсь за ним. - Каллум, подождите!

Он останавливается.

- Да?

- Зачем вы это сделали?

Каллум устало смотрит на меня.

- Я всегда узнавал о том, что происходит, в числе последних. Вот Мария всегда была первой. Но так или иначе я все выяснял. Так что мне известно, что ты уже неделю не пользуешься машиной, потому что кто-то искупал ее в меду, что Рид и Ист от нечего делать участвуют в подпольных боях в выходные дни, а также что ты надела эту футболку не просто ради того, чтобы поддержать школьные традиции. - Он мнет в пальцах рукав футболки Рида, потом отпускает его и, криво улыбувшись, разворачивает меня лицом к полю. - Ступай, отыщи наших мальчиков, милая, а я поеду домой. Не задерживайся допоздна и держись своих братьев.

Каллум умолкает, а потом вздыхает.

- Хотя какие они тебе братья, да?

Боже, надеюсь, что так. У меня кружится голова, когда я возвращаюсь обратно к Вэл.

- Каллум только что угрожал дяде Марку? - в недоумении спрашивает она.

- Наверное.

- Ты рассказала ему про свою машину?

Я качаю головой.

- Нет, мне было очень неловко. Рид позаботился о ней вместо меня. Я только сегодня получила ее обратно.

- Каллуму явно что-то известно.

- Очевидно. Ты правда считаешь, что его разговор с твоим дядей на самом деле что-то изменит?

- Конечно. Дядя Марк может оставить Джордан без гроша в кармане. А если он сочтет, что его бизнес под угрозой из-за ее выходок? Тогда ей совсем несдобровать.

- Хм. Поживем, увидим. - Мне лично с трудом в это верится.

Вэл сжимает мою руку.

- Думаю, теперь после физкультуры тебе придется самой терять свое нижнее белье.

Я показываю ей язык.

- А кто сказал, что я вообще его ношу?

- Пожалуйста, скажите мне, что вы собирались поцеловаться, - встречается Истон.

Мы смотрим на него, и он широко улыбается.

- Даже если бы и собирались, то точно не для твоего удовольствия, - отвечаю я.

- Мне все равно. Просто хочу посмотреть. Желательно, когда мы окажемся в более уединенном месте, где будет больше света и намного меньше одежды.

- Для такого шоу тебе должно исполниться как минимум восемнадцать, - поддразнивает Вэл.

- Тогда я знаю, что хочу получить на свой день рождения. Кстати, он в апреле. Можете уже начинать планировать. Я равнодушен к костюмам сексуальных горничных.

- Хэллоуин уже прошел, братец, - подходя к нам, говорит Рид.

Он наклоняется и быстро целует меня в щеку.

– Какие у нас планы?

Истон нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

– Мне все равно, только решайте быстрее. Я устал стоять без дела.

Мы с Ридом обмениваемся тревожными взглядами.

– Ты только что закончил играть в футбол, – напоминаю я Истону.

– Вот именно. Меня переполняет адреналин, и нужно как-то его выплеснуть. Предпочитаю три зла: секс, алкоголь и колеса. Вы двое уже весь мозг мне выгрызли – ни выпить, ни покурить... так что остается только секс.

Истон выразительно смотрит на Вэл.

Она смеется и поднимает руки вверх.

– Нет-нет, я добровольцем не вызывалась. Боюсь, мое бедное тело не выдержит таких нагрузок. Но давай найдем тебе кого-нибудь. Я буду твоим духовным наставником и проведу тебя через коварные препятствия школьного флирта.

– Передаю свое брэнное тело в твое полное распоряжение. – Истон закидывает руку на плечи Вэл и оборачивается к нам. – А вам придется самим о себе позаботиться.

Я выгибаю бровь.

– Оставшийся адреналин?

Рид подмигивает мне.

– В этом есть доля истины.

– Мне это неинтересно.

Его губы расплываются в порочной улыбке.

– Да? У меня есть парочка идей, как отметить нашу победу. Хочешь послушать?

Я ухмыляюсь в ответ.

– Еще как!

Глава 27

Рид

Я веду Эллу на пляж. Мне всегда нравилась близость дома к океану. Пляж не очень большой – метров пять в длину и около трех в ширину, когда прилив проглатывает весь песок, остается лишь скалистый выступ, который естественной стеной тянется от лужайки заднего двора до самого берега.

И все же он наш – тихий, мирный и, что самое главное, уединенный.

Я расстилаю тяжелое шерстяное покрывало, на него бросаю пуховое одеяло, а сверху все остальное.

– Садись, а я пока разожгу огонь.

Элла сбрасывает туфли рядом с покрывалом и усаживается. Я успеваю увидеть, что ее ногти покрашены каким-то темным лаком, но она сразу же подбирает ноги под себя.

К скалам все время прибывает коряги, так что я в два счета разжигаю небольшой костер, которого вполне достаточно, чтобы давать свет и тепло. Не хочу, чтобы моя девочка простудилась.

– В том, как ты разжигаешь костер, есть что-то невероятно эротичное, – говорит Элла, когда я выбираю сучья получше и посуше.

Я разворачиваюсь и улыбаюсь ей.

– Мастеровитые парни для девчонок – как крутое порно. Тебе нравится, что я могу работать руками.

– Если бы я была пещерной женщиной, то точно утащила бы тебя в свое логово, – соглашается она.

– Значит, так оно было в прошлом? Мужчина разводил костер, а потом приходила женщина, тюкала его по башке самой большой дубиной и делала с ним что хотела?

– Ага, но мы позволили мужчинам писать историю, чтобы не ранить их самолюбие.

Я бросаю в костер еще одну деревяшку, чтобы нам было тепло и уютно, и сажусь на покрывало к Элле. Она накрывает мои ноги одеялом, и я растягиваюсь рядом с ней. Какое-то время мы смотрим на танцующие языки пламени и слушаем потрескивание древесины. Просто сидим и кайфуем от нашей близости. Безбрежный океан, бесконечное небо, и мы с Эллой вместе. Наконец-то.

Ее ноги рядом с моими затынутыми в джинсы бедрами. Моя рука обнимает ее за спину, а ладонь лежит на ее милой попке. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас на ней была школьная форма, тогда я бы залез к ней под юбку и отыскал то местечко, где голая кожа, тепло и мягко.

– Спасибо, что вернул мне работу, – вдруг говорит Элла.

– С чего ты решила, что это я?

Она косится на меня.

– А кто еще, если не ты?

Я глупо улыбаюсь.

– Seriously, Рид. Спасибо.

Я убираю руку с ее ягодиц и подкладываю ее себе под голову. Если она хочет поговорить, будем говорить. Мой член, наверное, сейчас задохнется в джинсах, но если она рядом со мной, оно того стоит.

- Это самое малое, что я мог сделать. Ты потеряла работу из-за меня.

- Не соглашусь, но мне приятно, что ты так думаешь.

Она быстро проводит рукой по моей ноге.

Я закрываю глаза. Уверен, этим прикосновением Элла хотела подбодрить меня, но на пару сантиметров левее было бы лучше. Я делаю несколько глубоких, но негромких вздохов.

- В школе стало не так плохо, как раньше. Это тоже ты? - спрашивает она.

Ее рука переместилась выше, и теперь Элла водит пальцем по боковому шву моей футболки с длинными рукавами.

Она нарочно старается свести меня с ума? Я поворачиваю к ней голову, но ее взгляд устремлен на воду.

Приняв прежнее положение, я пытаюсь найти на небе созвездие Большой Медведицы, чтобы отвлечься от ее пальцев, которые уже продвинулись дальше и теперь глядят через футболку кубики на животе.

- Да, но этого мало, - признаюсь я. - Я поговорил с Уэйдом и еще несколькими парнями. Сказал им, что хочу знать обо всем, что происходит, но мы с тобой прекрасно понимаем, что за всем этим дерьмом стоит Джордан. Если бы это был парень, я бы вывел его на парковку и избивал, пока он бы не начал плевать собственными зубами.

- Какая чудесная картина.

Я фыркаю.

- А ты бы хотела, чтобы я отвез его в торговый центр и купил нам по браслету дружбы?

- Не знаю. Но разве насилем можно решить все проблемы? Ну, ударил ты Дэниела, а я помогла опозорить его, но он все равно никуда не делся. Он даже не выглядит пристыженным.

Ее неугомонные пальцы скользят по краю моей футболки.

- Это лишь видимость, - уверяю я Эллу. - Он хорошо притворяется, что все в порядке, но на самом деле его выгнали из команды по лакроссу и сняли его кандидатуру на пост президента школьного совета в следующем году.

Я хмурюсь.

- Но этого все равно недостаточно.

- Зато это уже начало. - Элла принимается гладить мою руку, и это невинное прикосновение разжигает в моем теле пожар куда жарче, чем костер на песке в нескольких

шагах от нас. – Кстати, раз уж речь зашла о Джордан, твой отец сегодня на стадионе пригрозил ее отцу.

– Seriously? – Я даже не пытаюсь скрыть изумление.

Она кивает.

– Сказал, что очень огорчится, если со мной что-нибудь случится, потому что это повлияет на их деловые отношения.

– А старик-то еще о-го-го! Даже не думал, что он способен на такое. Или что он вообще в курсе, что творится в Асторе.

– По-моему, он знает куда больше, чем позволяет нам думать. Намекнул, что знает о нас с тобой.

Я ухмыляюсь.

– А что мы?

– Ну, что твоя футболка на мне – это кое-что значит.

Несколько непокорных прядей лезут Элле в лицо. Я пользуюсь этим, чтобы прикоснуться к ней, и заправляю их ей за ухо.

– Я знаю, что это значит для меня. Не хочешь рассказать мне, что это значит для тебя?

Элла берет меня за запястье и поворачивает, чтобы прижаться губами к моей ладони. Как будто ставит на мне клеймо. Что я принадлежу ей. Мне хочется сжать кулак и сохранить ее поцелуй навсегда.

– Это значит, что все остальные девчонки должны отойти в сторону. Ты мой. – Она поднимает на меня блестящие глаза. – Твоя очередь.

И мне снова приходится сделать глубокий вдох. Но на этот раз потому, что сердце вот-вот выскочит у меня из груди.

– Это значит, что всем остальным парням лучше отвалить подальше. Ты моя. – Я устал терпеть и притягиваю Эллу к себе на колени. – Я хочу избавить тебя от всех трудностей. Хочу, чтобы Джордан отстала от тебя. Хочу, чтобы Брук исчезла из нашей жизни. Я хочу, чтобы для тебя этот мир стал идеальным, солнечным, прекрасным.

– С каких пор ты стал таким романтиком? – поддразнивает она меня.

– С тех пор, как встретил тебя.

Боже, окажись здесь сейчас кто-нибудь из приятелей, они моментом организовали бы поиск моих яиц по всему штату. Но мне плевать. Каждое мое слово шло от самого сердца.

Элла обхватывает руками мою голову.

– Знаешь, мне ничего этого не надо, – шепчет она, ее губы в миллиметре от моих.

- Я сделаю все что угодно. Просто скажи, что тебе нужно.

- Ты. Только ты. Всегда ты.

И Элла целует меня. Ее губы нежно прижимаются к моим, запечатывая обещание, которое она дала мне. Она моя и всегда будет моей. Еще до нашей встречи мы принадлежали друг другу. Я слишком долго с этим боролся, но сейчас сдаюсь, полностью капитулирую.

Я целую Элли в ответ, опуская ее на покрывало, чтобы чувствовать под собой ее тело. Сначала невинно. Я не срываю с нее футболку, не засовываю руку в трусики, хотя мне до смерти хочется сделать и то, и другое. Мы просто целуемся до тех пор, пока она не начинает беспокоиться и ерзать подо мной.

Ноги Эллы раздвигаются, и я устраиваюсь между ними, прижимаясь к соблазнительному телу. Ее руки опускаются и нащупывают нижний край моей футболки. Я одной рукой стягиваю ее через голову.

- Ты не простудишься? - спрашивает Элла, полушутя, полусерьез.

- Я не замерзну, даже если пойдет снег, - я беру ее руку и прижимаю к своей груди. - Чувствуешь, какой горячий?

Ее пальцы осторожно прикасаются ко мне. У нее почти нет опыта, но я еще никогда не ощущал такого сильного возбуждения, никогда не был так близко к краю. Даже во время своего первого раза. Я мог бы убрать ее руку и положить конец всему этому, оправдавшись тем, что теряю самообладание, но я хочу, чтобы она прикасалась ко мне.

Я нависаю над Эллой, упираясь локтями, чтобы не упасть, и позволяю ей гладить себя. Ее пальцы пересчитывают каждое ребро. Ладони исследуют мою грудь, и я получаю какое-то первобытное удовольствие оттого, что такой огромный по сравнению с ней. Ее руки гладят мои плечи и спину. Я дрожу под ее прикосновениями, дикий зверь во мне готов выпрыгнуть на волю и лишь ждет ее сигнала.

Черт подери! Эта девчонка убивает меня.

Элла приподнимается, держась за меня, и проводит языком по лихорадочно пульсирующей венке на моей шее.

Это уже слишком. Я перекатываюсь на спину, грудь тяжело вздымается, словно я только что пробежал марафон.

- Что случилось? - уютно прижимаясь ко мне, спрашивает Элла.

Я переплетаю наши пальцы.

- Поговори со мной. Помоги мне успокоиться.

- Уверен, что не хочешь, чтобы я помогла тебе по-другому?

Ее слова вызывают у меня улыбку.

- Потом. А сейчас я хочу просто лежать и наслаждаться тем, что ты рядом.

- Это всегда так бывает?

- Ты о чем?

Элла на секунду замолкает, а потом отвечает:

- Как будто сердце вот-вот разорвется.

- Ты говоришь так, словно я хочу тебя убить.

- Иногда мне так и кажется. А иногда... те чувства, которые ты пробуждаешь во мне, пугают меня.

Мои пальцы еще крепче сжимают ее руку.

- Поверь, я испытываю то же самое, ничего подобного раньше со мной никогда не случилось.

- Даже с Эбби?

Видно, что она тут же жалеет, что спросила об этом, слова слетели с языка прежде, чем она смогла их остановить.

Я наклоняю голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

- Даже с Эбби. Ты правда хочешь поговорить о ней?

- Наверное. - Элла корчит рожицу. - Но не надо, если ты не хочешь.

Я притягиваю ее еще ближе, чтобы нас ничто не разделяло. Мне не хочется обсуждать с ней Эбби. Не потому, что у меня были какие-то чувства к ней, а потому, что эти самые чувства были недостаточно сильными, и из-за этого я ощущаю себя виноватым.

- Я начал встречаться с Эбби после маминой смерти, - признаюсь я. - До этого у меня никогда не было постоянной девушки. Так, время от времени спал с разными. Не как Ист, конечно, но развлекался с девчонками, в пятнадцать потерял девственность с ученицей выпускного класса. А когда мама умерла, я... почти совсем съехал с катушек. В голову что только не лезло... - Я умолкаю, а потом, погрузившись, продолжаю: - Да и до сих пор лезет, наверное. Короче говоря, вдруг появилась Эбби, и она очень напоминала мне маму. Я считал, что если буду рядом с ней, то вроде как мама и не умирала.

- И как, сработало?

- Поначалу да, но потом... Я не настолько сильно скучал по маме. В том смысле, что мне до сих пор не хватает ее, но Эбби никогда не смогла бы завоевать мое сердце. Она слишком тихая. Слишком... пассивная, что ли. - Мне было чертовски скучно рядом с ней, но это звучит грубо, а мне не хочется, чтобы Элла снова начала считать меня козлом. - Я расстался с ней перед Рождеством. Ты когда-нибудь думала о том, что осень - плохое время для расставаний? Безумие какое-то. Гид всегда говорил, что нельзя бросать девушку перед

зимним балом или перед праздниками. Но я все-таки сделал это, потому что оттягивать для нас обоих было бы только хуже. Конечно, Эбби сильно расстроилась. Продолжала подходить ко мне, и чем больше она гонялась за мной, тем больше я жалел о том, что мы вообще начали встречаться.

Элла трется щекой о мое плечо.

- Почему сейчас твой голос звучит так виновато?

- Потому что я чувствую себя виноватым, - ворчу я.

- Но ты не должен. Ты не несешь за нее ответственность. Если, конечно, ты был честен с ней и не давал пустых обещаний. Ее оскорбленные чувства - это ее проблема.

- Ты единственная девушка, которой я что-то обещал, - угрюмо отвечаю я.

- Пообещай мне еще кое-что, прямо сейчас.

- Что угодно.

- Пообещай, что всегда будешь честным со мной. И если когда-нибудь пожалеешь о наших отношениях, то сразу скажешь мне об этом.

Я переворачиваю ее на спину и прижимаю ее руки у нее над головой.

- Хорошо, я обещаю тебе это. Потому что никогда не пожалею ни об одной секунде, которую мы провели вместе.

Я снова целую ее, чтобы заглушить любые возражения. Она просила меня не об этом, но я могу дать только такой ответ, потому что никогда не устану от нее.

Я прерываю поцелуй и прижимаюсь губами к ее шее. Она понятия не имеет о том, как красива, о том, что, когда она идет по школьному коридору, при виде ее золотых волос, ярких голубых глаз и стройного тела у любого парня сразу же встает. Она не знает об этом, потому что не похожа на остальных девчонок из Астора. В ней нет тщеславия, эгоизма или высокомерия.

Она просто... Элла.

- Ты в моей футболке - самое горячее зрелище, что я когда-либо видел, - хрипло говорю я ей на ухо и кусаю за мочку.

- Да?

- О да.

Ее пальцы с голодом и страстью все сильнее впиваются в мою кожу. Я протискиваюсь бедром между ее ног, и она трется о меня.

- Я хочу позаботиться о тебе, - я прижимаюсь к ней сильнее. - Позволь мне.

- Прямо здесь? Сейчас? - Элла возмущена, но заинтригована.

– Здесь на мили вокруг ни души.

Я стягиваю с нее футболку и майку, которую она надела под низ, полностью оголяя ее нежную кожу. Потом медленно провожу языком вокруг набухшего соска, и Элла выгибает спину, требуя еще.

Усмехнувшись, я вбираю его в рот, и, когда дразню кончик соска языком, она ахает. Ее пальцы запутываются в моих волосах, чтобы притянуть меня ближе. Как будто мне нужна помощь, ага. Пусть начнется прилив, пусть поднимется ураган, я не отпущу ее.

Я сползаю вниз и стягиваю с нее джинсы.

– Детка, ты такая красивая. Само совершенство.

Однако у меня есть более важные занятия для рта, чем произносить слова, которые все равно не в силах передать мои чувства. Ее пятки упираются в песок. Пальцы сжимают мои плечи. А я целую и дразню ее, пока она не начинает сходить с ума, и я сам не перестаю ясно соображать. Мой член стал таким твердым, что эрекция причиняет боль, но мне плевать. Когда я с Эллой, она всегда стоит на первом месте. И я сам чертовски возбуждаюсь, когда она оказывается у самого края.

Элла дрожит, не переставая повторять мое имя. Я поднимаюсь и обнимаю ее до тех пор, пока ее дико бьющееся сердце не успокаивается, одновременно успокаиваюсь и сам. Мне чертовски хочется избавиться от напряжения, но легко отбросить собственные желания, когда любимая девушка лежит в твоих объятиях на седьмом небе от счастья.

– Становится холодно. Может, пойдём домой? – робко спрашивает она.

Если честно, мне не очень хочется. Я бы остался здесь с ней до начала следующего тысячелетия, и поэтому с неохотой отстраняюсь от нее.

– Давай.

Я помогаю Элле привести себя в порядок, продолжая целовать. Потом сворачиваю покрывала, забрасываю их на плечо и беру ее за руку.

– Рид.

– Да?

– Мне не хватает тебя по ночам.

В груди становится тепло. До побега мы спали вместе в ее кровати почти каждую ночь. Мне не хотелось оставлять ее ни на секунду.

Я стискиваю ее руку и отвечаю:

– Мне тоже.

– Ты будешь опять спать со мной?

– Конечно.

Существует только один ответ на все, о чем бы она меня ни попросила.

Глава 28

- Фу, гадость! - говорит Истон утром в понедельник, когда мы ждем Эллу, которая вот-вот должна приехать в школу из пекарни.

Я провожу рукой по лицу.

- Что? В сиропе замарался? - После тренировки мы заглянули в столовую, и я проглотил с десяток блинчиков.

- Нет, я про твою улыбку, чувак. Ты выглядишь счастливым.

- Козел.

Я протягиваю руку, чтобы по-братски дать ему подзатыльник, но он ловко уклоняется.

Мы одновременно замечаем Эллу, и Ист подбегает к ней и в шутку прячется за ее спиной.

- Спаси меня, сестренка. Наш старший братец наезжает на меня.

- Рид, выбери кого-нибудь себе по размеру, - кричит Элла.

Я пользуюсь моментом, чтобы как следует рассмотреть ее, все детали, которые так мне нравятся, от сногшибательной улыбки до хвостика, который качается из стороны в сторону в такт ее шагам. Обычная школьная форма, в которой ходят все ученицы Астора: клетчатая юбка, белая рубашка, синий блейзер, - на ней смотрится чертовски сексуально. Наверное, потому что я представляю, что там, под одеждой.

- Ты права. Истон какой-то дохлый. Надо с ним полегче.

Когда Элла подходит ближе, я притягиваю ее к себе. Так близко, что чувствую, как в грудь впиваются лямки ее рюкзака. Затем наклоняюсь и целую ее, страстно и долго, пока Истон, который стоит за спиной Эллы, не начинает кашлять.

Она отстраняется, и ее губы становятся прекрасного розоватого оттенка. Мне хочется не ходить в школу, затащить ее в свою машину и сделать так, чтобы ее тело везде было такого же цвета.

- Привет, малыш. Хочешь конфетку? - спрашивает Элла с соблазнительной улыбкой.

- Еще как! - незамедлительно отвечаю я. - Где фургон? Пусть меня уже похитят.

Я шутливо оглядываюсь по сторонам.

- Фургона нет, но зато здесь...

Она поворачивается и шевелит рюкзаком. Прямо сверху я замечаю маленькую белую коробку.

- Есть пончик для каждого, - заканчивает фразу Элла, когда я уже достаю коробку.

Истон запускает туда руку и сразу откусывает половину пончика, прежде чем отдать контейнер обратно. Потом показывает мне два поднятых вверх больших пальца. Я проглатываю свой и вижу, как по лужайке идут близнецы и Лорен. Они кивают в знак приветствия, и я машу им рукой, подзывая к нам.

- Для тебя, Лорен, тоже найдется, - говорит Элла, когда они подходят.

Лорен, смущенно улыбаясь, опускает голову.

- Спасибо.

- Не за что.

Элла прислоняется ко мне, пока я доедаю пончик.

- Как прошла тренировка?

- Хорошо. Все на взводе и хотят выйти на команды штата. В прошлом году мы вылетели в полуфинале. Парень из команды частной школы Святого Франциска вырубил Уэйда так сильно, что тот потерял сознание, и врачи не разрешили ему вернуться в игру. Наш запасной не смог бы попасть куда нужно, даже если бы к его голове приставили пушку.

Элла фыркает.

- Значит, тебе все равно, выиграете вы или нет?

- Ага, совсем все равно, - ухмыляюсь я.

Мы оба знаем, что я кайфую от победы, как и от многих других вещей.

Со стороны ступеней доносятся громкие крики.

Элла прищуривается.

- Что там происходит?

- Наверное, ажиотаж из-за плей-офф. Следующие несколько недель будут горячими. Не забывайте про командный дух, - напоминает нам Истон.

Элла вяло произносит «ву-ху!». Но ничего, мы еще сделаем из нее футбольную болельщицу.

- Самое классное, что во время этих четырех недель, пока идет плей-офф, будут дни, когда не нужно носить форму, - говорит ей Лорен. - Синие дни. Золотые дни. Дни безумных шляп.

- Пижамный день, - Истон озорно играет бровями.

К нам подходят Уэйд и Хантер.

- Чего ты улыбаешься? – спрашивает Уэйд Истона.

- Из-за пижамного дня.

- Черт, мой самый любимый день в году!

Уэйд и Ист дают друг другу пять.

- Помнишь Эшли-Эм? – спрашивает мой брат. – Она надела розовую...

- Короткую ночнушку, – заканчивает за него Уэйд. – Помню. Потом у меня еще целый месяц вставал на розовый.

Он поворачивается к Элле и спрашивает:

- А ты что наденешь?

- Деревенскую ночную рубашку до пят и бабушкины панталоны, – с сарказмом отвечает она. – Ну а вы, ребята, наверное, гоняете в одних боксерах?

Уэйд был бы только за.

- Черт, если бы разрешили, я бы весь день проходил нагишом. Свободу яйцам двадцать четыре часа в сутки! Это моя мечта.

Но мы с Истоном не успеваем сострить по поводу того, что нам не хочется все уроки напролет смотреть на сосиску и яйца Уэйда, потому что крики и шепот у парадного входа становятся все громче.

Хантер, вездесущий и молчаливый спутник Уэйда, отходит, чтобы разузнать, что там. Мы все идем за ним, потому что скоро должны начаться занятия.

В самом шуме нет ничего особенного, но вот толпа учеников в пять рядов – это уже нечто из ряда вон. Только футбольные матчи собирают столько народу. И то лишь потому, что для многих это повод потусоваться с друзьями.

Мы с Уэйдом и Истоном обмениваемся тревожными взглядами. Даже Хантер понимает, что здесь что-то не так. Мы дружно начинаем проталкиваться вперед. Рука Эллы держится за мой рюкзак, и я протягиваю руку за спину, чтобы схватить ее за запястье. Не хочу потерять ее в толпе. Чувствую, что происходит что-то нехорошее, неправильное.

Сцена, развернувшаяся перед нами, оказывается ужасной до предела. К кирпичной стене у главного входа в школу приклеена скотчем почти голая девчонка. Она уронила голову, и, несмотря на расстояние, я вижу, что часть волос на затылке грубо отрезана. Руки и ноги широко разведены в стороны, и, похоже, ее удерживает только клейкая лента. Чертовски много клейкой ленты. Полосы крест-накрест пересекают тело поверх груди и по бедрам, выделяя места, скрытые лишь трусиками и лифчиком.

Меня подташнивает.

- Господи боже! Люди, что с вами? – кричит Элла.

Я и глазом не успеваю моргнуть, как она пробегает мимо меня, на ходу скидывая рюкзак и снимая пиджак. Девчонка висит слишком высоко, чтобы Элла прикрыла ее всю, но она хотя бы пытается.

Я подбегаю к Элле одновременно с Хантером. Она закрывает пиджаком девчонку, а мы начинаем отрывать клейкую ленту. Хантер достает из ботинка нож. И вот он разрезает, а я отдираю.

Ленты так много, что нам удастся снять девчонку только минут через пять. Ист протягивает мне куртку, и я пытаюсь набросить ее на плечи девчонки. Она дергается в сторону, рыдая так сильно, что я боюсь, как бы ее не вырвало. Или как бы она не упала в обморок.

Элла забирает у меня куртку.

- Все хорошо. Вот, накинь, - утешает она девчонку. - Как тебя зовут? Можешь сказать мне, какой у тебя шкафчик в раздевалке? У тебя там есть одежда?

Девчонка не может - или не хочет - ответить, продолжая рыдать взахлеб.

Потрясенный увиденным, я сжимаю свисающие вдоль тела руки в кулаки. Мне хочется убить кого-нибудь.

Тут появляется один из близнецов.

- У меня есть кое-что в машине. Погодите.

Еще несколько человек бросают нам свои куртки, и они накрывают не только девчонку, но и Эллу.

- Лорен, подойди, - командует Элла.

Лорен подбегает к ней и приседает на корточки. Элла осторожно передает ей беднягу, а потом поднимается на ноги и оглядывает собравшихся учеников.

- Кто это сделал? - рычит она. - Наверняка кто-то что-то видел. Кто это сделал?

Все молчат.

- Клянусь богом, если никто ничего не скажет сейчас же, я обвиню в этом вас всех!

- Я все выясню, Элла, - шепчет Уэйд. - Я могу узнать что угодно.

- Это Джордан, - говорю я. - За милую несет ею.

- Это была Джордан, - сдавленно говорит девчонка. - Она...

Но дальше мне не разобрать, настолько тихий у нее голос. Элла наклоняется к ней и внимательно слушает. Потом выпрямляется, и в ее глазах полыхает гнев.

В этот раз я обращаюсь к толпе.

- Джордан Каррингтон. Где она?

- В школе! – кричит кто-то.

- Я видел, как она шла к своему шкафчику, – доносится еще чей-то голос.

Элла не ждет ни секунды. Разворачивается на каблуках и рывком открывает дверь. Мы с Истоном следуем за ней по пятам, а близнецы остаются с Лорен.

Когда мы приближаемся к коридору, где расположены шкафчики учеников выпускного класса, Элла переходит на бег. Она тормозит, скользя по полу, когда в поле зрения появляется Джордан, которая хихикает с Пастелями и делает селфи перед рядами шкафчиков.

Элла подходит к Джордан, и та медленно опускает телефон.

- Что за спешка, принцесса? Не можешь пережить и секунды, если в тебя не сует член кто-то из Ройалов?

Элла не отвечает. Ее рука молниеносным движением взмывает вверх, она хватается за волосы и бьет с размаху о шкафчик. Телефон отлетает в сторону. Пастели пятятся назад. Из-за угла на вопль Джордан вырывается Гастонбург, но я оскаливаюсь на него, и он исчезает. Трус.

Элла не закончила. Она подносит свой локоть к носу Джордан. *Хрясь!* Кровь бьет струей.

Истон морщится.

- Черт, наверное, очень больно.

- И не сомневайся.

Джордан с криком и плачем вырывается из хватки Эллы. Судя по тому, как Элла отряхивает пальцы, не обошлось без потерь. С руки Эллы свисает несколько темных прядей волос. Да, это моя девочка!

Выставив когти, Джордан бросается вперед и царапает лицо Эллы. Истон уже готов броситься на помощь, но я оттаскиваю его назад.

- Она справится.

Мне тоже хочется помочь Элле, но я понимаю, что это ее бой. Если она возьмет верх над Джордан – нет, *когда* она это сделает, – никто в школе больше и пальцем Элле не тронет. Никто не скажет ей ни одного плохого слова. Все станут бояться ее.

И я хочу, чтобы так и было. Ей это пригодится в следующем году, когда я уеду в университет.

Элла делает рывок вперед, и Джордан, попятившись, запинается и падает. Элла прыгает на нее и садится верхом. Хватает руки Джордан и прижимает к полу у нее над головой.

- Что она сделала? – спрашивает Элла. – Не так посмотрела на тебя? Надела не то? Что?

- Она просто существует, - выплевывает Джордан, пытаюсь освободиться от хватки Эллы. - Слезь с меня, паршивая корова!

Элла поднимает на меня глаза.

- У тебя есть веревка?

На ее лице кровь, может быть, Джордан, а может быть, и ее собственная.

Она еще никогда не выглядела настолько сексуально.

- Нет. Возьми мою рубашку, - я снимаю рубашку и протягиваю Элле.

Она неуверенно смотрит то на кусок ткани, то на меня.

- Помочь? - мягко спрашиваю я.

Когда Элла кивает, я делаю из рубашки длинный жгут и связываю им запястья Джордан.

- Что ты делаешь? Прекрати! Это насилие! - кричит Джордан и дергается из стороны в сторону. - Уберите с меня эту тварь!

Одна из Пастелей делает шаг вперед. Я качаю головой, а Истон с угрожающим видом выдвигается им навстречу. Маленькая демонстрация сопротивления тут же сходит на нет.

Элла поднимается и проверяет узлы.

- Я знаю, как завязывать узлы. Вырос на яхте, - напоминаю я ей.

- Отпусти меня, дрянь! - кричит Джордан. - Мой папа сделает все, чтобы вас арестовали так быстро, что вы даже глазом моргнуть не успеете!

- Вот и хорошо. - Элла направляется к выходу, волоча за собой Джордан. - С нетерпением жду, как три сотни учеников будут давать показания о том, что мы увидели на улице сегодня утром.

- Тебе-то что за дело? Я оставила тебя в покое, как потребовал твой папик!

Джордан дергает за ткань, но Элла крепко ее держит.

- Ты высокомерная, избалованная богатенькая девочка, которая считает, что может улыбаться одной стороной рта, а из второй извергать яд. Кто сказал, что ты неприкасаемая? Сегодня тебе придется встретиться с плодами своей мерзости.

Элла решительно марширует к парадному входу, волоча Джордан за собой.

Мы следуем за ними.

- Поверить не могу, что вы позволяете ей это! - Джордан разворачивается к нам с Истоном, как будто мы могли бы спасти ее. - Она ничтожество. Мусор.

- Не разговаривай с ними, - приказывает ей Элла. - Для них тебя не существует.

Мой брат ухмыляется как дурачок и одними губами говорит мне:

– Я обожаю эту крошку.

Я тоже.

Элла-мстительница – это нечто потрясающее. Она будет сражаться не на жизнь, а на смерть, добиваясь того, чего хочет. Поэтому важно оставаться тем, кем она хочет. Иначе если она решит, что ты ничего не стоишь, то и оставит тебя позади.

Кое-кто из учителей высовывается из своих классных комнат, но при виде нас поспешно скрывается. Преподавательский состав знает, кто главный в этом зоопарке и что это точно не они. Уволили уже не одного учителя, и все потому, что кое-кому из учеников показалось, что их не так поняли.

– И что теперь? – ядовито спрашивает Джордан. – Покажешь всем, что ты сильнее меня? Подумаешь!

Когда мы подходим к парадному входу, я встаю рядом с одной створкой двери, а Истон – с другой. Мы распахиваем их, и резкий звук привлекает внимание толпы.

Элла вытаскивает Джордан и останавливается. Клейкая лента все еще свисает со стены, похожая на грязный флаг. Элла отрывает одну из полосок и заклеивает рот Джордан.

– Я устала от твоей болтовни.

Откровенный шок на лице Джордан вызывает у меня смех, но когда мой взгляд опускается на пострадавшую девчонку, которая все еще прижимается к Лорен, все веселье вмиг улетучивается.

Элла пихает Джордан к лестнице. Толпа дружно ахает.

Девчонка, которая была приклеена к стене, сидит под ворохом курток, Лорен обнимает ее, еще несколько учениц утешают. Близнецы, Уэйд, Хантер и еще половина футбольной команды околачиваются у ступеней, гадая, с кем им предстоит драться, с разочарованием видя, что цели пока нет.

Я понимаю их на все сто процентов, но, как уже сказал Истону, это шоу за Эллоу, и любой, кто захочет помешать ей закончить его так, как она задумала, будет иметь дело со мной.

– Посмотри на нее! – Элла отпускает нашу самодельную веревку и снова хватается за волосы. Свободной рукой она отклеивает с ее рта ленту. – Скажи ей в лицо, чем она заслужила то, что ты с ней сделала. Объясни это нам всем.

– Я не стану тебе подчиняться, – отвечает Джордан, но в ее голосе не слышно прежней решимости.

– Скажи нам, почему мы не должны раздеть тебя и приклеить рядом с дверями, – рычит Элла. – Скажи нам.

– Она решила, что я флиртовала со Скоттом, – говорит пострадавшая девчонка сквозь слезы. – Но это неправда. Клянусь! Я споткнулась, он подхватил меня, я поблагодарила. Вот и все.

– Неужто? – Элла в недоумении поворачивается к Джордан. – Ты унизила бедную девочку, потому что решила, что она флиртовала с твоим недоделанным парнем?

Она яростно трясет Джордан.

– Это так?

Джордан пытается вырваться, но Элла не отпускает ее. Даже если начнется апокалипсис, она все равно не отпустит.

Элла разворачивается, заставляя Джордан встретиться лицом к лицу с остальными учениками. Руки Эллы трясутся от напряжения, и я вижу, что у нее почти не осталось сил. Тащить сопротивляющуюся Джордан по всему коридору уже было непросто, даже когда мы с Истоном замыкали процессию.

– Она не справится, – шепчет мне Истон.

– Справится.

Я выхожу вперед и встаю у Эллы за спиной. Она сможет опереться на меня, если будет нужно. Я здесь, чтобы поддержать ее. Рядом мои братья. Мы все у нее за спиной.

У Эллы дрожат руки. Она сжимает колени, чтобы не упасть, но голос звучит четко и твердо.

– Все вы так много имеете, но вместо того, чтобы ценить это, обращаетесь друг с другом как с ненужным барахлом. Ваши маленькие игры просто отвратительны! Ваше молчание противно! Вы все – жалкие, безвольные трусы. Наверное, никто никогда не говорил вам, что вы за ничтожества. И вы стали такими из-за ваших денег и даже не замечаете, насколько все это мерзко. Но это ужасно. Даже хуже, чем ужасно. Если я буду учиться в этой школе до выпуска, то это больше не будет продолжаться. Если придется, я доберусь до каждого из вас и приклею ваши задницы к стене школы.

– Ты и кто еще? – кричит из толпы какой-то придурок.

Мы с Истоном бросаемся вперед, но я отталкиваю брата.

– Сам разберусь.

Толпа расступается, и умник с громким голосом остается стоять один. Размахнувшись, я со всей силы бью ему в челюсть, и он камнем падает на землю. Черт, это было круто.

Потом я улыбаюсь толпе и спрашиваю:

– Кто следующий?

Все опускают головы в трусливом молчании, я отряхиваю руки и возвращаюсь к своей девушке и братьям. Уэйд бросает мне запасную рубашку, которую я тут же надеваю.

- Впечатляющий удар, - шепчет мне Элла.

- Спасибо. Я держал его для подходящего случая. - Я беру ее ушибленную руку в свою. - Семья, которая борется вместе, никогда не распадется.

- Это девиз Ройалов? Я думала, он звучит по-другому.

Адреналин ушел, и я чувствую, как дрожит ее тело. Я притягиваю Эллу к себе так близко, что касаюсь подбородком ее головы, и обнимаю ее.

- Может быть, до того, как ты приехала, но сейчас он звучит именно так.

- Не самый плохой девиз.

Элла косится по сторонам, на расходящуюся толпу, обрывки клейкой ленты на ступенях, капли крови на мраморе.

- Ну что, получается, это наше первое свидание?

- Еще чего! Наше первое свидание было... - Я умолкаю. Каким было наше первое свидание?

- Ты никогда не приглашал меня на свидание, глупенький.

Элла шлепает меня - вернее, пытается. Это больше похоже на клевок птички, потому что сейчас в ее руках столько же крепости, сколько в желе.

- А ты права.

- Ладно, не парься. Я ни разу не была на свидании. А люди вообще еще ходят на них?

Я широко улыбаюсь, потому что наконец могу хоть что-то для нее сделать.

- О, детка, тебе еще многое предстоит узнать.

* * *

Вскоре новости об утреннем инциденте доходят до директора. Стоит мне усесться на стул после звонка на первый урок, как преподаватель сообщает, что меня ждут в кабинете Берингера. Когда я прихожу туда, выясняется, что Эллу и Джордан тоже вызвали с уроков и позвонили нашим родителям. Дело дрянь. Это может плохо кончиться.

Кабинет заполняется. Мы с Эллой сидим рядом, позади нас отец. Джордан с каменным лицом сидит рядом со мной, и я физически ощущаю исходящую от нее смесь страха и ярости.

Жертва Джордан, девятиклассница Роуз Эллин, сидит как можно дальше от нас, у противоположной стены. Ее мать не переставая жалуется, что пропускает очень важную встречу.

Наконец входит Берингер и с грохотом закрывает за собой дверь. От резкого звука Элла подпрыгивает на месте, и мы с папой протягиваем руки, чтобы успокоить ее. Он кладет свою на ее плечо, а я – на ее колено. Наши взгляды встречаются, и на этот раз отец смотрит на меня с одобрением. Что бы ни решил Берингер, для папы его решение не будет иметь никакого значения. Для него главное – что я заступился за семью, что я не эгоистичный подонок, каким бываю почти всегда.

Берингер откашливается, и все мы поворачиваемся к нему. В своем костюме за тысячу долларов он вполне бы сошел за члена совета директоров папиной компании. От нечего делать я начинаю размышлять, был ли этот сшитый на заказ костюм справлен на деньги, которые заплатил Берингеру отец после того, как я отделал Дэниела, и что он купит на взятки, которые лягут ему в карман после сегодняшней встречи.

– Насилие – это не ответ, – начинает он. – Цивилизованное общество решает проблемы в живых дискуссиях, а не драками на кулаках.

– А я слышал, что вооруженное общество – это общество взаимной вежливости[10], – сухим тоном вставляет папа.

Элла прикрывает рот рукой, чтобы сдержать смех.

Берингер сердито смотрит на нас.

– Теперь я понимаю, почему Ройалам так сложно найти общий язык со своими одноклассниками.

– Минуточку! – Элла с возмущением садится прямо. – Но Ройалы не приклеивали никого к стене.

– Ну, не в этом году точно, – шепчу я.

Папа легонько шлепает меня по затылку, а Элла сердито смотрит на меня.

– А что? Думаешь, эти придурки стали слушаться только потому, что я им так сказал? – бормочу я себе под нос.

– Мистер Ройал, уделите мне, пожалуйста, минуточку внимания! – рявкает Берингер, не дав Элле продолжить.

Я вытягиваю ноги и кладу руку на спинку стула Эллы.

– Простите, – отвечаю я, но в моем голосе нет ни капли сожаления. – Я пытался доказать Элле, что в Асторе на самом деле не терпят таких вещей, как приклеивание лентой к стене полуголых девятиклассниц. А то ей в голову пришла шальная мысль, что государственные школы лучше.

– Каллум, вам следует быть построже со своим сыном, – советует Берингер.

Но папа совершенно не нуждается в советах.

- Я не был бы здесь, если бы в школе обеспечивалось надлежащее исполнение всех правил.

- Согласна. Вы сорвали риелторскую сделку на семизначную сумму, потому что не способны сладить с нашими детьми, - встревает мама Роуз. - За что мы вам платим?

Мы с Эллой обмениваемся веселыми взглядами, а Берингер становится пунцовым.

- Это не подростки! Это какие-то дикие звери! Вы только посчитайте, в скольких драках участвовал Рид!

- Я не собираюсь извиняться за то, что вступаю за свою семью, - скучающим голосом отвечаю я. - Я сделаю все, чтобы мне и моим близким ничто не угрожало.

И даже Марк, отец Джордан, начинает раздраженно ворчать.

- Переход на личности тут вряд ли поможет. Очевидно же, что у учеников возникли разногласия и они решили все уладить своими силами.

- Разногласия? - в негодовании переспрашивает Элла. - Это не разногласия! Это...

- Это называется взросление, Элла, - перебивает ее Джордан. - И я советую тебе тоже повзрослеть. И, пожалуйста, даже не пытайся убедить меня, что если бы какая-нибудь девчонка подозрительно посмотрела на твоего парня, ты не стала бы разбираться с ней.

- Привязывать ее клейкой лентой я бы точно не стала, - отвечает Элла.

- Ты бы просто ударила ее лицом о шкафчик? Думаешь, так лучше? - язвительно спрашивает Джордан.

- Не смей нас сравнивать. Мы *совершенно* разные.

- А вот тут ты права! Ты из трущоб...

- Джордан! - грохочет голос Марка. - Хватит!

Он с опаской смотрит на папу, чье прежде бесстрастное лицо сейчас нахмурено. Марк берет дочь за плечи, то ли чтобы удержать ее на стуле, то ли чтобы показать, кто тут главный.

- Мы сожалеем, что в школе случился инцидент, не соответствующий правилам внутреннего распорядка частной академии Астор. Каррингтоны готовы уладить ситуацию. Надеюсь, никто не возражает?

Берингер начинает мямлить какой-то бред о том, как нас следует наказать, но его никто не поддерживает, и он пренебрежительно говорит:

- В таком случае все свободны.

- Наконец-то! - восклицает мама Роуз.

Она вылетает из кабинета, не удосужившись посмотреть на дочь.

Наступает короткая пауза, но Элла подходит к Роуз и ласково кладет руку ей на плечо.

- Пойдем, Роуз. Я провожу тебя до твоего шкафчика.

Роуз слабо улыбается, но выходит вслед за Эллоу.

- С появлением твоей воспитанницы, вижу, многое поменялось, - натянуто говорит Марк Каррингтон.

Мы с папой обмениваемся гордыми взглядами.

- Надеюсь, что так, - отвечаю я, хотя Каррингтон обращался к папе. Потом поднимаюсь со стула и пожимаю плечами. - Она лучшее, что случилось с Ройалами за долгое время.

Глава 29

Элла

- Здесь слишком пафосно, - шепчу я Риду в четверг вечером.

Он настоял на том, чтобы повести меня сегодня на свидание, но когда прозвучало слово «ужин», я даже не думала, что мы поедем в дорожный ресторан. Мое черное платье кажется слишком простым по сравнению с коктейльными нарядами, в которые все одеты.

- И одежда у меня неподходящая.

Рид лишь крепче сжимает мою руку и чуть не силком тащит меня к стойке обслуживания.

- Ты выглядишь роскошно, - бросает он мне, а потом говорит одетой в черное девушке, что у нас зарезервирован столик на двоих на фамилию Ройал.

Она ведет нас мимо уединенных столиков, спрятанных между огромных вазонов с раскидистыми папоротниками. В центре зала устроен фонтан, из которого извергаются водяные дуги, а за баром - похоже, водопад. Я никогда не была в таком шикарном ресторане.

Рид выдвигает для меня стул, а затем усаживается напротив. Подходит официант и приносит два меню в кожаных папках и винную карту, от которой Рид сразу отмахивается.

- Лучше воду, - говорит он парню, за что я очень благодарна ему, потому что ненавижу вино. У него противный вкус.

Я открываю меню, и меня сразу приводит в замешательство полное отсутствие цен. Это всегда плохой знак. Наверное, здесь любое блюдо стоит больше, чем многие платят за обучение в университете.

- Лучше бы мы пошли в морской ресторан на пирсе, - ворчу я.

- На твое первое в жизни свидание? Ни за что.

Вот зачем мне надо было признаваться ему в том, что я никогда не была на свидании? И почему я не догадалась, что Рида обязательно занесет? Этот парень ничего не делает вполсилы.

- Почему для тебя так важно, чтобы у меня было настоящее первое свидание? - со вздохом спрашиваю я.

- Потому что у тебя полно плохих воспоминаний обо мне, и я хочу заменить их хорошими, - чистосердечно отвечает он, и я таю, как воск, стекающий по тонким белым свечам, которые стоят в центре нашего столика.

Официант приносит нам воду, и мы, пропустив закуски, заказываем себе по основному блюду, а потом сидим и смотрим друг на друга. Мне до сих пор не верится, что я на свидании с Ридом Ройалом. Когда я рассказала Вэл о наших планах на вечер, она посмеялась, что у меня все задом наперед. Конечно, первое свидание должно идти перед всеми этими поцелуями и прочим, но, послушайте, моя жизнь никогда не напоминала жизнь нормальных людей - зачем ей становиться такой сейчас?

- Слышала что-нибудь про Роуз? - спрашивает Рид.

Я качаю головой. Бедняжка Роуз не ходит на занятия после того, как Джордан поиздевалась над ней и унизила ее перед школой.

- Нет. Да со мной, кроме Вэл, никто и не общается. Думаю, они боятся меня.

- Если ты спросишь, кто-нибудь что-нибудь да выложит.

- Я даже подумываю о том, чтобы позвонить ей, но, может, Роуз хочется забыть про Астор раз и навсегда.

- По-моему, ты должна ей позвонить, - поддерживает меня Рид.

- У меня такое ощущение, что мы с тобой сражаемся в нескончаемой битве, - уныло говорю я. - Вроде бы народ в школе перестал вести себя как кучка психов, но все остальное по-прежнему в полном хаосе.

Рид хмурится.

- Мы в полном порядке.

- Нет, не о нас с тобой речь, - соглашаюсь я. - Но...

- Что?..

Я делаю глубокий вдох.

- Брук с Диной возвращаются на следующей неделе.

Его лицо становится мрачнее тучи.

- Ты хочешь испортить свое первое свидание разговорами об этих ведьмах?

– Рано или поздно нам придется о них поговорить, – замечаю я. – Что мы будем делать? Дина шантажирует Гидеона. Брук беременна и вот-вот выйдет замуж за твоего отца. – От растерянности я кусаю губы. – Почему-то мне кажется, что они никогда не отстанут от нас, Рид.

– Мы заставим их, – решительно отвечает он.

– Как?

– Понятия не имею.

Я до боли прикусываю нижнюю губу.

– Как решить проблему с Диной, я тоже не знаю, но насчет Брук у меня есть одна идея.

Рид с подозрением смотрит на меня.

– Какая идея?

– Помнишь, ты как-то подслушал наш с ней разговор на кухне? Я спросила, какая у нее цель, чего она хочет на самом деле, и Брук ответила, что это деньги. – Я наклоняюсь вперед, опираясь на локти. – Деньги – все, что ей нужно. Давай дадим их ей.

– Поверь мне, я пытался. Предлагал ей наличные, – он фыркает от отвращения. – Она хочет все, Элла. Все состояние Ройалов.

– А как насчет состояния О'Халлоранов?

Рид резко втягивает в себя воздух и, прищурившись, смотрит на меня.

– Детка, даже не думай об этом.

– Но почему? – начинаю спорить я. – Я ведь говорила тебе, что не хочу денег Стива. Не хочу четверть компании «Атлантик Авиэйшн».

– Зато ты хочешь, чтобы все получила Брук? – удивленно спрашивает он. – Сейчас мы, вообще-то, говорим о сотнях миллионов долларов.

Он прав: это безумная сумма. Но наследство Стива никогда и не казалось мне чем-то реальным. Бумаги еще оформляются, остались какие-то нерешенные юридические формальности, и пока кто-нибудь не вручит мне чек со всеми этими нулями, я не могу считать себя богатой. Да я и не хочу быть богатой. Я хочу лишь одного – жить нормальной жизнью, в которой мне не придется раздеваться перед незнакомцами.

– Если таким способом мы заставим ее отстать от нас, мне все равно, что деньги получит она, – отвечаю я.

– Ну а мне – нет. Стив оставил деньги тебе, а не Брук. – Жесткое выражение его лица говорит, что дальше с ним лучше не спорить. – Ты не дашь ей ни цента, Элла. Я серьезно. Я сам с ней разберусь, ладно?

– Как? – снова спрашиваю я, на этот раз с вызовом.

Он выглядит растерянным.

- Что-нибудь придумаю. А до тех пор, пожалуйста, ничего не предпринимай, пока сначала не поговоришь со мной, договорились?

- Ладно, - неохотно соглашаюсь я.

Рид протягивает руку через стол и переплетает свои пальцы с моими.

- Все, больше ни слова на эту тему, - решительно произносит он. - Будем есть и притворяться, что Брук Дэвидсон не существует, идет?

Я сжимаю его руку.

- Замечательное предложение.

И мы наслаждаемся нашим вечером... еще около десяти минут. По-моему, я накаркала, когда сказала, что мы с Ридом сражаемся в нескончаемой битве: как только официант приносит нам шоколадный торт-мусс, который мы решили поделить на двоих, мимо нашего столика проходит кое-кто знакомый нам обоим.

Рид не видит его, потому что наклонил голову и отламывает вилкой кусок торта, но резко поднимает глаза, когда я шиплю:

- Здесь Дэниел.

Мы оба поворачиваемся к столику, куда только что провели Дэниела Делакурта и его спутницу. Я не узнаю девушку, но выглядит она весьма юной. Девятиклассница, наверное.

- Теперь он встречается с малолетками? - бурчит Рид.

- Ты знаешь ее?

- Кэссиди Уинстон. Младшая сестра одного из моих товарищей по команде, - он поджимает губы. - Ей пятнадцать.

Меня начинает грызть тревога. Всего лишь пятнадцать... и она ужинает с подонком, которому нравится опаивать девушек всякой дрянью.

Я украдкой смотрю на их столик. Дэниел и Кэссиди уже уселись, и она смотрит на него так, как будто он божество. Ее щеки порозовели, и она кажется еще младше.

- Почему он повел на свидание девятиклассницу?

Я подталкиваю тарелку с десертом Риду. У меня пропал аппетит. У него, видимо, тоже, потому что он не притрагивается к тарту.

- Потому что никто из наших классов и близко к нему не подойдет, - мрачным голосом отвечает Рид. - Все старшие девчонки знают, что он сделал с тобой. А после вечеринки у Уортингтона Саванна постаралась сделать так, чтобы все узнали, что нечто подобное он проделал и с ее кузиной.

- Как думаешь, а Кэссиди в курсе?

Рид быстро качает головой.

- Она бы не пошла с ним, если бы знала. И не думаю, что она сказала домашним, с кем идет сегодня на свидание, иначе, поверь мне, Чак разбил бы Делакурту физиономию, если бы узнал, что эта мразь подкатывает к его сестре.

Я смотрю на симпатичную девятиклассницу. Она смеется над чем-то, что сказал ей Дэниел. А потом берет свой стакан и делает небольшой глоток, и мне в душу закрадывается страх.

- А если он уже что-то подмешал ей? - шепчу я Риду, мой пульс ускоряется.

- По-моему, он не настолько глуп, чтобы подмешивать девушке какую-нибудь гадость в таком месте, - убеждает меня Рид.

- Согласна, он не глуп... но он отчаялся. - Сердце колотится еще быстрее. - Девчонки из одиннадцатого и выпускного избегают его, и теперь он зовет на свидание *девятиклассниц!* Он явно в безвыходном положении. - Я резко сдергиваю с колен салфетку и бросаю ее на стол. - Кто-то должен предупредить ее. Я поговорю с ней.

- Нет...

- Рид...

- Позволь мне, - заканчивает он.

Я удивленно моргаю.

- Ты и правда собираешься подойти к ним?

Рид отодвигает свой стул.

- Конечно. Детка, я не позволю ему причинить вред кому-то еще. - Он встает. - Жди здесь. Я обо всем позабочусь.

Я быстро вскакиваю на ноги.

- Ха, я иду с тобой. Знаем мы, как ты умеешь «позаботиться». Нет уж, я не дам тебе устроить сцену в роскошном ресторане!

- Кто сказал, что я собираюсь устраивать сцену? - возражает он.

- Напомнить тебе, что было в школе в понедельник?

- Напомнить тебе, кто все это начал, вытащив Джордан за волосы?

Тут он меня подловил. Мы улыбаемся друг другу, но наше веселье испаряется, когда мы одновременно поворачиваемся и шагаем через зал.

Дэниел уже заметил нас и помрачнел. Кэссиди сидит к нам спиной, но начинает нервно шептать что-то, увидев вспыхнувшую в его глазах ненависть.

- Добрый вечер, - нараспев говорит Рид.

- Чего тебе, Ройал? - сердито бормочет Дэниел.

- Да просто хочу перекинуться парой слов с твоей спутницей.

- Со мной? - повернув темноволосую голову к Риду, пищит Кэссиди.

- Кэссиди, верно? - непринужденно спрашивает он. - Я - Рид. Мы с твоим братом вместе играем в футбол.

У девятиклассницы такой вид, как будто она сейчас упадет в обморок, потому что Рид знает ее имя. Дэниел замечает ее благоговейный трепет, и его рот кривится в злобном оскале.

- Да, - выдыхает Кэссиди. - Я знаю тебя. Я хожу на все игры Чака.

Рид кивает.

- Круто! Спасибо, что поддерживаешь нашу команду.

- Не хочу показаться грубым, - холодно произносит Дэниел, - но у нас, вообще-то, свидание.

- Не хочу показаться грубым, - передразнивает его Рид, глядя своими голубыми глазами на Кэссиди, - но твой спутник, Кэсс, - насильник.

Она ахает.

- Ч-что?

- Ройал! - рычит Дэниел.

Рид не обращает на него внимания.

- Понимаю, по его красивой внешности и костюму за тысячу долларов этого и не скажешь, - говорит он Кэссиди, - но парень - настоящий подонок.

На ее щеках выступают красные пятна. Она смотрит на Дэниела и опять - на Рида.

- Я не понимаю.

В разговор вмешиваюсь я и тихо говорю:

- На одной из вечеринок он добавил мне в воду экстази. И изнасиловал бы, если бы мой парень, - я показываю на Рида, - не появился вовремя и не помешал ему.

Кэссиди несколько раз сглатывает.

- О боже!

– Мы можем отвезти тебя домой, – ненавязчиво предлагает Рид. – Хочешь?

Она смотрит на Дэниела, чье лицо стало красным как помидор. Его сжатые кулаки лежат на льняной скатерти, и он в секунду от того, чтобы броситься на Рида.

– Ты слишком хороша для него, – говорю я девчонке. – Пожалуйста, давай мы отвезем тебя домой.

Кэссиди на мгновение затихает. Просто сидит и таращится на Дэниела.

Люди тоже смотрят, не сводя с нас любопытных глаз, хотя мы ни разу не повысили голос.

Наконец Кэссиди отодвигает свой стул и встает.

– Я бы с радостью поехала домой, – шепчет она, чопорно расправляя подол своего платья с цветочным узором.

– Кэссиди, – шипит оскорбленный Дэниел. – Какого черта?

Она даже не смотрит на него, а молча подходит ко мне, и мы втроем выходим из зала. Когда мы останавливаемся, чтобы Рид сунул три хрустящих сто долларовых купюры хостес, я зачем-то оборачиваюсь на Дэниела.

Он все еще сидит за столом, замерев, словно статуя, его рот напоминает тонкую линию. Оскорбленное выражение лица сменилось разъяренным. Мы не встречаемся взглядами, потому что он даже не смотрит в мою сторону. Его глаза впились в Рида с такой нескрываемой злобой, что по моей спине пробегает холодок.

Сглотнув, я отворачиваюсь и иду вслед за Ридом и Кэссиди к выходу.

Глава 30

– Мне скучно. Развлеките меня.

Мы с Ридом мгновенно отстраняемся друг от друга, тяжело дыша, как раз в тот момент, когда в мою комнату без стука входит Истон. Здорово. Я так рада, что попросила Каллума убрать сканер с моей двери! Рид убедил меня, что сейчас, когда мы снова вместе, от него все равно никакого толку. К тому же Рид не сможет прокрадываться ко мне по ночам, если эта штука будет на двери. Но, похоже, мы оба забыли, что Истон не знает, что такое стучаться.

– Пошел вон, – ворчит Рид с кровати.

– Почему? Чем вы, ребята, тут занимаетесь? – Истон умолкает, заметив нашу помятую одежду и переплетенные ноги. – Упс. Вы сосетесь, что ли?

Я сердито смотрю на него. Да, мы *целовались*, и это было чудесно, и сейчас я в бешенстве, потому что Истон помешал нам.

– Виноват. – После небольшой паузы он добавляет: – Замутим втроем?

Рид кидает в Истона подушку, которую тот с легкостью ловит.

- Господи, остынь, братан! Это была шутка.

- Мы заняты, - говорю я Истону. - Уходи.

- А мне чем заняться? Субботний вечер, и ни одной вечеринки. Мне *скучно*, - жалобно отвечает он.

Рид закатывает глаза.

- Уже почти полночь. Как насчет того, чтобы пойти спать?

- Нет. Это не весело. - Истон достает из кармана телефон. - Ладно, забейте. Напишу Каннингему. Наверняка сегодня будет бой или даже два.

Рид распутывает наши ноги и садится на кровати.

- Один ты никуда не пойдешь. Нужен напарник, помнишь?

- Ладно, тогда будь моим напарником. Тебе нравится драться. Так поехали драться!

От меня не ускользает, как начинают блестеть глаза Рида, но блеск тут же исчезает, как только он замечает, что я смотрю на него. Вздохнув, я тоже сажусь.

- Если хочешь поехать, поезжай.

- Слышал, Рид? - не отстает Истон. - Твоя сестренка - горячая подружка - только что разрешила тебе подраться! Все, поехали!

Рид не двигается. Он изучает мое лицо.

- Тебе действительно все равно, что я буду драться?

Я нерешительно молчу. Мне не особо нравится то, чем он любит заниматься на досуге, но я как-то раз приехала в доки вслед за ним и Истоном и не увидела ничего, что показалось бы мне страшным или опасным. Просто какие-то старшеклассники и студенты лупят друг друга забавы ради, а другие ставят на это деньги. К тому же мне удалось посмотреть на Рида в бою. Он может быть беспощадным, когда требуется.

- Отрывайся, - отвечаю я, а потом насмешливо улыбаюсь ему: - Нет, погоди, лучше оторви что-нибудь кому-нибудь другому. Я хочу, чтобы ты вернулся домой таким же красавчиком, каким уедешь.

Истон громко притворяется, что его сейчас стошнит.

Рид смеется.

- Хочешь поехать с нами? Мы ненадолго. К двум все обычно сваливают.

Я обдумываю его предложение. Завтра - воскресенье, а значит, мы сможем спать столько, сколько захочется.

- Да. Я поеду.

- Отлично! Будешь хранить наш выигрыш в лифчике.

Истон игриво шевелит бровями, и Рид снова бросает ему в лицо подушку.

- Тебя не касается, что Элла носит под одеждой, лифчики в том числе, - говорит он брату.

Истон невинно моргает.

- Чувак, может, мне напомнить, кто поцеловал ее первым?

Рид рычит, и я хватаю его за руку, пока он не бросился на Истона.

- Оставь это для доков, - сурово говорю я.

- Ладно. - Он тычет пальцем в сторону Истона. - Но еще один пошлый комментарий - и я вытащу тебя на ринг.

- Не могу ничего обещать, - отвечает Истон, когда мы все вместе выходим из комнаты.

Поездка до доков не занимает много времени, и когда мы приезжаем на место, у забора, ограждающего территорию верфи, уже стоят несколько машин. Рид и Истон с легкостью перепрыгивают забор, мне же это удастся только с третьей попытки. Без особой грации я приземляюсь в объятия Рида, и он, сначала ущипнув за попу, ставит меня на землю.

- Ты написал Каннингему? - спрашивает он Истона.

- Да, из машины. Додсон тоже здесь.

У Рида загораются глаза.

- Здорово! У него крутой удар слева.

- Обалденный, - соглашается Истон. - И он ничем себя не выдает. Кулак появляется из ниоткуда. В последний раз, когда вы дрались, ты выдержал его удар как чемпион.

- Но было чертовски больно, - признается Рид и широко улыбается.

Я закатываю глаза. Эти двое чуть не скачут от радости, обсуждая Додсона и его доблестное боевое мастерство.

Мы проходим мимо многочисленных рядов грузовых контейнеров, шагая по опустевшей верфи. До меня доносятся приглушенные крики, но чем ближе мы подходим, тем громче они становятся. Парни, которые приходят сюда, даже не пытаются скрыть свое присутствие. Остается лишь догадываться, как им удастся безнаказанно участвовать в подпольных боях, которые ко всему прочему проводятся явно на чьей-то частной территории.

Я спрашиваю об этом у Рида, но он лишь пожимает плечами и говорит:

- Мы платим начальнику доков.

Еще бы. Как только я переехала к Ройалам, то сразу уяснила себе одну вещь: предложи правильную цену – и получишь все что хочешь.

Мы подходим к группе галдящих полураздетых парней, и Рид с Истоном сразу стягивают футболки. Конечно же, при виде голого торса Рида у меня перехватывает дыхание. У него мышцы даже в тех местах, где у обычных людей их нет.

– Ист! – кричит кто-то, и к нам подходит взмокший от пота бритый парень. – Ты в доле?

– Да, черт подери! – Истон протягивает ему пачку новеньких стодолларовых банкнот.

Это очень толстая пачка, и я поворачиваюсь к Риду и шепчу ему на ухо:

– Сколько все это стоит?

– Пять кусков, если будешь драться, плюс ставки.

Господи! Поверить не могу, что кто-то тратит столько денег, только чтобы отметить кого-нибудь. Но, может, у парней такая фишка, потому что лицо каждого из них светится от животного возбуждения.

Рид шепчет мне:

– Все время оставайся рядом с кем-то из нас, поняла?

И это не шутка. На протяжении следующего часа рядом со мной всегда стоит один из Ройалов. Истон дерется дважды, один раз выиграв, второй – проиграв. Рид выигрывает свою единственную схватку, но лишь после того, как его соперник – тот самый Додсон – апперкотом разбивает ему губу. Я ахаю. Но мой мальчик лишь улыбается и подходит ко мне, совсем не обращая внимания на кровь, стекающую по подбородку.

– Ты – животное, – с осуждением говорю я.

– Но тебе же нравится, – отвечает Рид и целует меня с языком. И это такой глубокий и опьяняющий поцелуй, что мне плевать на вкус крови у меня во рту.

– Готовы ехать? – Истон машет перед нами пачкой наличных, в два раза больше той, которую он отдал, когда мы приехали. – Что-то мне уже не хочется искушать судьбу.

Рид поднимает брови.

– Ты хочешь закончить, пока выигрываешь? Неужто выиграл... – он притворно ахает, – *самоконтроль?*

Истон пожимает плечами.

– Элла, ты только посмотри – маленький братец взрослеет.

Я смеюсь, а Истон показывает ему средний палец.

– Пойдемте, – говорю я парням. – Пора возвращаться домой. Я начинаю уставать.

Они надевают футболки, пожимают руки друзьям, и мы втроем уходим в том же направлении, откуда пришли. Истон плетется за мной и Ридом. Рид говорит мне на ухо:

- Ты не устала, правда? Потому что у меня были планы.

Я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться ему.

- Какие еще планы?

- Очень грязные.

- Я все слышу, - жалуется Истон за нашими спинами.

Я усмехаюсь.

- Тебе кто-нибудь говорил, что подслушивать нехорошо...

Но я не успеваю договорить - неожиданно из-за контейнеров выпрыгивает парень в капюшоне.

Рид поворачивает голову.

- Какого...

Но он тоже не успевает закончить фразу.

Все происходит так быстро, что я не сразу понимаю, что случилось. Парень в капюшоне шипит какие-то слова, которые я не могу разобрать. В воздухе мелькает что-то серебристое, а потом все как в тумане. Рид только что стоял рядом со мной, а в следующую секунду он лежит на холодной земле, и все, что я вижу, - это кровь.

Мое тело словно парализовало. Легкие горят от нехватки кислорода. Я слышу чей-то крик, наверное, свой собственный, и вдруг меня оттаскивают в сторону. Кто-то бежит по асфальту.

Истон. Он бросился вслед за парнем в капюшоне. А Рид... Рид лежит на земле, зажимая правый бок перепачканными кровью руками.

- Боже мой! - кричу я и бросаюсь к нему.

У него красные липкие руки, и меня вот-вот вырвет, когда я понимаю, что кровь сочится между его пальцев. Я отбрасываю руки Рида в сторону и сама зажимаю его бок. Слабым хриплым голосом зову на помощь. Доносятся еще шаги. Крики. Какая-то суматоха. Но сейчас мой мир вращается только вокруг Рида.

Его лицо стало совсем белым, веки подрагивают.

- Рид, - сдавленно зову его я. - Не закрывай глаза, малыш.

Не знаю, зачем я прошу его об этом, но напуганная, охваченная паникой часть меня говорит, что если он закроет глаза, то может больше никогда их не открыть.

– Кто-нибудь, вызовите скорую, черт вас дери! – кричу я через плечо.

Кто-то останавливается рядом со мной и наклоняется. Истон. Он падает на колени и торопливо кладет обе свои руки поверх моих.

– Рид, – подавленно говорит он, – как ты, братишка?

– А ты, черт побери, как думаешь? – бурчит Рид. В его голосе звучат хрипы, которые утраивают мою панику. – Меня только что проткнули ножом.

– Скорая сейчас приедет, – объявляет мужской голос.

Я оборачиваюсь на голос – над нами склонился бритый парень. В глазах Додсона тревога.

Я поворачиваюсь к Риду, и меня опять начинает тошнить. Его ударили ножом. Кто, черт побери, это сделал?

– Ублюдок сбежал, – говорит Истон. – Перелез через забор, и я не успел схватить его.

– Плевать, – говорит Рид. – Т-ты же слышал, что он сказал?

Истон кивает.

– Что он сказал? – требовательно спрашиваю я, одновременно стараясь подавить тошноту, вызванную лужей крови Рида.

Истон поднимает глаза и смотрит прямо на меня.

– Он сказал: «Дэниел Делакуорт передает привет».

Глава 31

– Как состояние Рида Ройала? – спрашиваю я, наверное, в тысячный раз.

Медсестра проскальзывает мимо, как будто не слышит. Мне хочется закричать: «Я знаю, ты слышишь меня, стерва!», но вряд ли после этого она вообще мне ответит.

Истон сидит напротив меня, у противоположной стены. Он напоминает проснувшийся вулкан, который вот-вот начнет извергать раскаленную лаву, с тех самых пор, как почти догнал парня, ударившего Рида ножом в живот. Он хочет убить Дэниела, и только страх за жизнь Рида удерживает его на стуле.

Да еще и копы появились быстрее, чем мы ожидали. Я умоляла Истона не оставлять меня одну, потому что была сама не своя от страха. Что если был еще один нож, предназначавшийся для Истона?

Я не могу *поверить*, что этот маньяк заплатил кому-то за то, чтобы Риду причинили вред.

– Я не сделал из Дэниела донора органов только потому, что Рид сразу же убьет меня, когда поправится и узнает, что я оставил тебя одну.

Я грызу ноготь на большом пальце.

- Не знаю, Истон. Дэниел – сумасшедший. Начнешь ты с ним драку, и что дальше? Он делает такие вещи, которых мы и представить себе не можем. Нанял человека, чтобы тот *пырнул ножом* Рида! А если бы нож задел какой-нибудь важный орган? Это чудо, что он остался в живых.

- Тогда мы сделаем что-нибудь похуже, – говорит Истон очень серьезным тоном.

- И вас с Ридом отправят в тюрьму за нападение?

Он усмехается.

- Никто не сядет в тюрьму. Это только между нами.

- А ты не мог просто рассказать полиции о том, что слышал?

- Парень с ножом давно исчез, – Истон качает головой. – К тому же Рид захотел бы сам обо всем позаботиться. Без вмешательства копов.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не могу найти подходящего ответа. Я не заявила на Дэниела, и вот что произошло. Он будет охотиться на девушек и нанимать отмороzków, чтобы причинять вред тем, кого я люблю.

В двери врывается Каллум и прерывает мои размышления.

- Что слышно? – спрашивает он нас.

- Ничего! Они ничего нам не говорят! – громко жалуясь я.

- Ни черта до сих пор не сказали, – подтверждает Истон.

Каллум коротко кивает.

- Оставайтесь здесь, – без особой на то необходимости приказывает он нам.

Я еще никогда не была так рада увидеть Каллума. Пусть в его семье царит полный хаос, но другие люди безропотно слушают его. Он выходит из приемного покоя, чтобы встряхнуть руководство и узнать, что все-таки с Ридом.

Пять минут спустя Каллум возвращается.

- Рид в хирургии. Похоже, все хорошо. Они оставили его там, чтобы посмотреть, не задеты ли жизненно важные органы, но рана не такая глубокая, как показалось вначале. Она аккуратная и чистая. – Каллум проводит рукой по волосам. – Чистая ножевая рана. Послушай, что я вам говорил? – он сурово смотрит на Истона. – Поверить не могу, что вы потащили Эллу с собой на верфи, когда там настолько опасно!

Истон бледнеет.

- Там никогда не было опасно. Только салаги типа меня, которым хочется выбить немного дерьма друг из друга и поставить на это деньги. Мы всех знаем. Приносить оружие не

разрешается. Все случилось, когда мы уже уходили.

- Он не врет, Элла? - сердито спрашивает Каллум.

Я лихорадочно киваю.

- Не врет. Я ни разу не почувствовала себя в опасности, и там были еще парни из Астора и из других частных школ. Я не видела пушек, ничего такого.

- Значит, вы хотите сказать, что это была случайность? - Судя по скептическому выражению лица Каллума, он ни на секунду не верит в то, что это так.

Истон вытирает рот рукой.

- Нет, этого никто не говорит.

- Элла.

- Это был Дэниел, - тихим голосом отвечаю я. - И это моя вина.

- В каком смысле? Ты держала нож?

Я закусываю губы, чтобы не расплакаться. Сейчас совсем не время срываться, хотя я чувствую себя - на грани по-настоящему серьезного эмоционального срыва.

- Я не стала заявлять на Дэниела. Должна была, но мне не хотелось лишних неприятностей. У меня не самое прекрасное прошлое, а эти показания, сплетни в школе... мне и так уже хватало по горло.

И я думала, что я сильнее, но, видимо, нет. Я пристыженно опускаю голову.

- Ох, милая. - Каллум подходит и обнимает меня одной рукой. - Здесь нет твоей вины. Даже если бы ты заявила на Дэниела в полицию, он бы все равно еще был на свободе. Только потому, что кто-то написал на тебя заявление, в тюрьму не посадят. Для этого нужно судебное разбирательство.

Оставшись при своем мнении, я выскальзываю из-под его руки.

Истон откашливается.

- Не вини себя, Элла. Мне нужно было преподать ему урок.

Каллум качает головой.

- Я всегда за хороший удар по лицу, если он идет на пользу. Но я не вижу, как можно решить проблему, просто избив пацана. Он нанял человека, чтобы тот пырнул ножом моего сына, - это выходит за пределы обычной школьной травли. Еще пару сантиметров левее, и... - Он умолкает, но я мысленно заканчиваю фразу.

Еще пару сантиметров левее, и нам пришлось бы заниматься похоронами. Может, Каллум прав. Даже если бы я заявила на Дэниела, Рида могли ударить ножом. Но и молчать мне больше не хочется.

Я не смогу вытащить Дэниела на лестницу перед главным входом в школу и унижить его на глазах у всех. Этого недостаточно, чтобы он унялся. Я уже пыталась. И Рид избивал его. Но Дэниел сам не остановится.

Кто-то должен остановить его.

- Если бы я написала заявление, что бы произошло потом? - спрашиваю я.

- Ты имеешь в виду сегодняшний случай? - уточняет Каллум.

Истон хмурится, но я не обращаю на него внимания.

- Нет, я про тот день. Когда он накачал меня наркотиками. Понимаю, сейчас поздно сдавать анализы, но там были еще люди. Парень по имени Хью. Две девчонки из Норта. Они знают, что Дэниел подсыпал мне наркотики.

Каллум отклоняется назад, чтобы посмотреть мне в лицо. В его глазах беспокойство.

- Не буду тебе врать, милая. Это обычно очень неприятно для жертв, тем более что в твоём случае прошло слишком много времени. Мы не сможем сделать анализы крови. Если остальные, кто там был, не станут - или не захотят - давать показания, то это будет только твое слово, сказанное против его.

Я все понимаю. Именно поэтому я не обратилась в полицию сразу. Мое заявление вылилось бы в нешуточную борьбу, которая обычно ничем хорошим не заканчивается, особенно для потерпевшей стороны. Но какая альтернатива? Держать язык за зубами, а Дэниел будет выискивать новые жертвы?

- Пусть так. Но я не единственная, кто от него пострадал. Может быть, если я выступлю против него, остальные тоже не побоятся?

- Хорошо. Конечно, мы поддержим тебя. - Он говорит таким безапелляционным тоном, как будто по-другому нельзя. Как говорила бы моя мама, будь она жива. - У нас есть средства. Мы найдем команду по связям с общественностью и лучших адвокатов. Они будут копаться в подноготной Дэниела до тех пор, пока из шкафов не посыплются скелеты предков Делакортов.

Он хочет еще что-то сказать, но дверь в приемный покой открывается, и входит доктор. На его одежде нет крови, да и вид у него не самый печальный.

Я облегченно вздыхаю. Сама не знаю, почему. Наверное, если бы доктор вышел весь в крови, это бы означало, что операция прошла скверно и жизнь Рида стала пятнами на хлопке.

- Мистер Ройал? - подойдя к нам, спрашивает он. - Я доктор Сингх. С вашим сыном все в порядке. Нож не задел никаких важных органов. Рана неглубокая. Он поймал лезвие руками, и на ладонях остались мелкие порезы, но они заживут в течение десяти-пятнадцати дней. Ему нужно будет избегать излишней активности.

Истон фыркает от смеха, и Каллум бросает на него сердитый взгляд. Мои щеки становятся пунцовыми.

– Но если «Райдерс» будут продолжать выигрывать, – добавляет доктор, – он будет готов к играм с командами штата.

– Вы серьезно сейчас говорите о футболе? – вырывается у меня.

Все смотрят сердито уже на меня. Доктор Сингх снимает очки и вытирает стекла о рубашку.

– Конечно. Мы бы не хотели, чтобы один из наших лучших игроков защиты сошел с дистанции.

Он смотрит на меня так, как будто я сумасшедшая. Возмущенно вскинув руки, я отхожу, потому что Каллум и доктор Сингх начинают обсуждать, удастся ли «Райдерс» победить в первом матче плей-офф без Рида.

– Истон, ты же не позволишь своему брату снова играть? – шиплю я.

– Док сказал, что все нормально. А ты и впрямь считаешь, что я могу указывать Риду, что делать, а что нет?

– Вы все рехнулись! Риду нужно быть дома, в постели!

Истон закатывает глаза.

– Ты слышала, что сказал доктор. Рана неглубокая. Будет как новенький уже через две недели.

– Ладно, сдаюсь. Это совершенно нелепо.

Каллум подходит к нам.

– Готовы ехать домой?

– А я не могу остаться с Ридом? – спрашиваю я.

– Нет, хоть он и в отдельной палате, но там нет лишней кровати для тебя. И для тебя, – говорит он Истону. – Сегодня вы оба возвращаетесь домой вместе со мной, чтобы я мог приглядеть за вами. Рид сейчас спит, незачем ему волноваться еще и о вас двоих.

– Но...

– Нет. – Каллум не поддается. – И ты, Истон, не поедешь к Делакортам и не наделаешь глупостей.

– Ладно, – угрюмо соглашается тот.

– Я хочу поехать в полицейский участок и написать заявление на Дэниела, – объявляю я.

Мне необходимо сделать это сегодня, пока я снова не струсил, и раз уж Рид не может быть со мной рядом, хорошо, если это будет Каллум.

– Отлично, поедem сначала туда, – соглашается Каллум, выводя нас на улицу к ожидающему лимузину. – Все будет хорошо, Дюран.

Дюран лаконично кивает и садится на место водителя.

Когда машина отъезжает, Каллум набирает чей-то номер, а затем кладет телефон на колесо экраном вверх и включает громкую связь.

После третьего гудка ему отвечает сонный голос:

– Каллум Ройал? Сейчас час ночи!

– Судья Делапорт, как поживаете? – вежливо интересуется Каллум.

– Что-то случилось? Время довольно позднее. – Отец Дэниела говорит тихо, как будто еще остается в постели.

– Я знаю. Это звонок вежливости. Сейчас я, мой сын и моя воспитанница едем в полицейский участок. Ваш мальчик, Дэниел – мерзавец, преступник и подонок, и мы собираемся сделать так, чтобы он получил по заслугам.

В ответ – изумленное молчание. Истон прикрывает рот рукой, чтобы заглушить смех.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, – наконец произносит Делапорт.

– Возможно, что и так, – соглашается Каллум. – Иногда родители не уделяют большого внимания детям. Я сам был недостаточно внимателен к своим. К счастью, у меня есть замечательная команда частных детективов. Понимаете, с учетом всех правительственных заказов, которые мы выполняем, нам нужно быть очень осторожными с теми, кого мы принимаем на работу. Моя команда особенно хороша в раскрытии любых секретов, которые могут изменить мнение о добропорядочности человека в худшую сторону. Уверен, если в шкафу Дэниела нет никаких скелетов... – Каллум делает паузу ради драматического эффекта, и это срабатывает, потому что даже у меня – а ведь угрожают не мне – волосы на затылке встают дыбом, – как и в вашем, вам не о чем беспокоиться. Спокойной ночи, ваша честь.

– Погодите, не вешайте трубку. – Слышится какая-то возня. – Минуточку.

Звук закрываемой двери, и голос звучит громче, тревожнее.

– Что вы предлагаете?

Каллум молчит.

Делапорту это не нравится. В панике он принимается умолять:

– Вы должны предложить мне хоть что-то, иначе бы не позвонили. Скажите мне ваши требования.

Каллум по-прежнему не отвечает.

Делакорт снова начинает говорить, чуть ли не задыхаясь.

– Я отошлю Дэниела. Его приглашали в Найтс-бриджскую школу джентльменов в Лондоне. Я уговаривал его поехать, но он не хотел оставлять своих друзей.

Да, лучше и не придумаешь! Значит, он поедет в Лондон и будет там насиловать девчонок и нанимать отморозков с ножами, чтобы те нападали на нормальных людей? Я открываю рот, но Каллум поднимает руку и качает головой. Я усаживаюсь обратно на сиденье и пытаюсь набраться терпения.

– Попробуйте еще, – просто говорит Каллум.

– Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы Дэниел понял, что именно он сделал плохо, и в будущем никогда больше так себя не вел. Но, если честно, я не особо верю, что заключение под стражу вызовет какие-либо перемены. Через пять часов у вашей двери будут стоять два морских офицера. Вы подпишете бумаги, которые позволят им забрать вашего семнадцатилетнего отпрыска с собой. Дэниел будет учиться в военной академии, созданной специально для исправления трудных подростков вроде него. Если он пройдет обучение, то вернется к вам. Если нет, мы суем его в один из реактивных двигателей на заводе. – Каллум смеется, повесив трубку, но я так и не пойму, шутка это была или нет.

Я знаю, что глаза у меня сейчас как два больших блюдца, но не могу не спросить:

– Э-э-э, вы реально собрались убить Дэниела?

– Черт, пап, как круто!

– Спасибо, сын. – Каллум ухмыляется. – Мои яйца еще при мне, что бы вы, мальчишки, там себе ни думали. И нет, Элла, я не собираюсь убивать Дэниела. Военная служба может спасти. Но может и превратить трудных подростков в законченных отморозков. Если мои друзья посчитают, что он неисправим, то у меня есть и другие варианты. Но вот их я уже с вами обсуждать не буду.

Ну и ладно.

Когда мы приезжаем домой, Истон сразу бежит вверх, чтобы рассказать все близнецам, а Каллум скрывается в кабинете, чтобы позвонить Гидеону. Я остаюсь стоять в огромном холле, вспоминая первую ночь, когда я переступила порог этого дома. Было поздно, почти как сейчас.

Мальчишки выстроились вдоль балюстрады раздвоенной лестницы, вид у них был раздосадованный и неприветливый. Я боялась их. А сейчас я боюсь за них.

Каллум меняется на глазах. Например, его сегодняшние действия. И вообще он стал принимать гораздо больше участия в жизни мальчишек, чем когда я впервые приехала сюда. Но все пойдет коту под хвост, если он женится на Брук. Его сыновья никогда не

смогут доверять ему, пока он будет с этой ужасной женщиной. Почему он этого не видит?

Если бы Каллум был поумнее, то отправил бы Брук в специальную военную академию вместе с Дэниелом. Но почему-то он ничего не замечает, когда дело доходит до нее.

Я жую щеку. А что если бы Каллум узнал правду? Если бы узнал о Риде и Брук... он бы все равно женился на ней?

Есть только один способ это выяснить...

Будь Рид дома, он не захотел бы, чтобы я пошла в кабинет Каллума. Но его дома нет, и я принимаю решение, ответственность за которое беру исключительно на себя. Знаю, он будет в ярости, когда узнает, что я сделала, но кто-то должен достучаться до его отца, и, к сожалению, этим кем-то должна стать я.

Я тихо стучусь.

– Каллум, это Элла.

– Заходи, – доносится сиплый ответ.

Я вхожу в кабинет. Здесь все очень по-мужски: стены отделаны темными панелями из древесины вишни, мебель для сидения обита бордовой кожей, окна обрамляют темно-зеленые шторы.

Каллум, конечно, держит в руке стакан. Ладно, можно сделать исключение. Если бы существовала специальная ночь для того, чтобы напиться, то сегодняшняя бы прекрасно подошла.

– Спасибо, что помогли с Дэниелом, – говорю я.

– Когда я привез тебя сюда, то пообещал, что сделаю для тебя все, в том числе уберегу от таких людей, как Делапорт. Мне стоило отослать его еще раньше.

– Я очень благодарна вам, правда. – Я прохожу мимо рядов книг. В центре книжных полок стоит еще один портрет Марии. – Мария была очень красивой.

Немного помолчав, я добавляю:

– Мальчики сильно скучают по ней.

– Мы очень изменились после того, как она покинула нас, – отвечает Каллум, повертев в руках стакан.

Я делаю глубокий вдох, понимая, что вот-вот переступлю все дозволенные границы.

– Каллум... насчет Брук... – на одном дыхании говорю я. – На дворе двадцать первый век. Вам необязательно жениться на девушке только потому, что у нее будет от вас ребенок.

Он резко усмехается.

– Нет, обязательно. Видишь ли...

- Что я должна увидеть? - Я в полнейшем смятении. Мне хочется броситься и выбить у него из руки дурацкий стакан. - Что вы хотели сказать?

Он смотрит на меня поверх стеклянного края.

- Черт побери, Каллум! Пожалуйста, скажите мне!

Проходит почти минута, и Каллум тяжело и опустошенно вздыхает.

- Присядь, Элла.

Мои ноги делаются ватными, поэтому я даже не спорю. Опускаюсь в кресло напротив него и жду, когда же он наконец расскажет мне о своем отвратительном и необъяснимом влечении к Брук.

- Брук появилась в моей жизни в самый нужный момент, - признается Каллум. - Я был убит горем и пользовался ее телом, чтобы забыть. А потом... было проще и дальше продолжать использовать ее. - Каждое его слово пронизано сожалением. - Ей было все равно, что я сплю с другими женщинами. Она даже поощряла меня. Мы могли пойти куда-нибудь, и она обращала мое внимание на женщин, которые могли бы мне понравиться. Не нужно было никаких эмоциональных вложений, и меня это устраивало. Но в какой-то момент ей захотелось больше, чем я мог дать. Я никогда не пытался найти другую Марию. К тому же Брук не будила во мне никаких чувств, кроме похоти.

Я изумленно таращусь на него.

- Тогда пошлите ее ко всем чертям. Вы же все равно сможете быть отцом этому ребенку.

Черт, да Брук продаст его, если ее устроит цена!

Каллум продолжает, словно меня здесь нет.

- Может, если Брук станет моей женой, я смогу контролировать ее. Смогу связать ей руки брачным договором. Она не хочет жить в Бейвью. Хочет переехать в большой город. В Париж, Милан, Лос-Анджелес, где смогла бы водить дружбу с актерами, моделями, спортсменами. Если я смогу отправить ее подальше от своих мальчиков, то оно того стоит.

- Вы не отправите ее подальше от них. Вы тычете ею прямо им в лица! - Почему этот человек не хочет уступить здравому смыслу?

- Мы могли бы перебраться на западное побережье. Или за границу. Мальчики отлично справятся здесь и сами, пока не закончат школу. Я сделаю все, чтобы она держалась от них подальше. Особенно от Рида.

Я хмурюсь.

- Что вы имеете в виду?

От его следующих слов у меня стынет кровь.

- Этот ребенок, скорее всего, его, Элла.

Хорошо, что я сижу. Иначе бы рухнула на пол.

Я пришла сюда, чтобы рассказать Каллуму про Рида и Брук, а он, похоже, вовсе не пребывает в неведении, как мне казалось, а прекрасно знает, что его сын переспал с его же подружкой.

Наверное, мои мысли отражаются у меня на лице, потому что взгляд его голубых глаз становится пронзительным.

- Ты знала, - задумчиво произносит он.

Я робко киваю. Мне требуется немного времени, чтобы вернуть себе способность говорить.

- Вы знали?

Он мрачно усмехается.

- Когда Брук пришла ко мне и сообщила о том, что беременна, я сказал ей то же самое, что ты мне сейчас. Что она может оставить ребенка, я буду помогать ей. Тогда она рассказала мне, что переспала с Ридом и ребенок может быть его.

К горлу подступает тошнота.

- К-когда это случилось? У них с Ридом?

Рид клялся мне, что не прикасался к Брук с тех пор, как поцеловал меня, но он не говорил, когда они точно перестали спать друг с другом. А мне не хватило храбрости или глупости, чтобы выжать из него детали.

Каллум осушает стакан и встает, чтобы налить еще.

- Предполагаю, что до твоего приезда. Я знаю Рида. Он бы даже не подошел к тебе, если бы все еще был с Брук.

Я поднимаю руку к горлу.

- Вы и о нас знаете?

- Я не слепой, Элла. Да и вы двое не очень-то осторожны. Я подумал... что, наверное, так будет даже лучше для вас обоих. Рид будет с кем-то своего возраста, а в твоей жизни появится кто-то близкий. Я не знал до твоего побега, - признается он. - Но позже все понял.

- Тогда почему вы не поняли, что затеяла Брук? Почему не смогли защитить от нее сына?

Мой обвиняющий тон заставляет его глаза яростно вспыхнуть.

- Зато я защищаю его сейчас! Думаешь, я хочу, чтобы мой мальчик был привязан к ней до конца жизни? Лучше я буду растить этого ребенка как своего собственного, а у Рида будет жизнь, которую он заслуживает.

– Каллум, он не может быть его отцом. В последний раз они были вместе полгода назад, но она никак *не* может быть на шестом месяце!

Если, конечно, Рид не наврал мне о том, что случилось в его спальне в прошлом месяце.

Нет. Нет. Я отказываюсь в это верить. Я дала ему еще один шанс, потому что доверяю ему. Если он сказал, что той ночью между ними ничего не было, значит, между ними ничего не было.

Каллум смотрит на меня так, будто я маленький ребенок, глупое, ничего не понимающее дитя.

– Это его ребенок, Элла.

– Откуда вы знаете, что не ваш? – с вызовом спрашиваю я.

Он грустно улыбается.

– Потому что пятнадцать лет назад я сделал вазэктомию.

Я проглатываю ком в горле.

– Ой!

– Мария отчаянно хотела девочку, – рассказывает Каллум. – Мы не сдавались, но после рождения близнецов врачи запретили ей иметь детей. Еще одна беременность могла убить ее. Она отказывалась смириться, но... Я сделал вазэктомию и ничего ей не сказал. – Он печально качает головой. – Я не могу быть отцом ребенка Брук, но могу взять на себя ответственность за него. Если она втянет во все Рида, то они будут связаны навечно, связаны чувством вины, горечью, обязательствами. Я не могу этого позволить. Может, мой сын и ненавидит меня настолько, что лег в постель с моей девушкой, но я люблю его достаточно, чтобы спасти его от дальнейших мучений.

– Какой у нее месяц? – спрашиваю я.

– Третий с половиной.

От чувства бессилия я сжимаю кулаки. Мне хочется вдолбить Каллуму, что он пришел к неверным умозаключениям.

– Я верю Риду, а он сказал, что не трогал ее уже полгода.

Каллум просто смотрит на меня.

– Я верю ему, – настойчиво продолжаю я. – И хочу, чтобы вы тоже поверили. Вы не изменяли Марии, Рид не изменял мне, но это не значит, что Брук такая же.

– Брук слишком хочет носить фамилию Ройал, чтобы пойти по этому пути. Однажды я даже поймал ее на жульничестве с противозачаточными средствами.

Я провожу руками по лицу, потому что очевидно, что он уже сделал свой выбор.

– Ладно, но вы ошибаетесь. – Я встаю из кресла и понуро опускаю плечи. Но у дверей останавливаюсь и предпринимаю последнюю попытку. – Рид хочет, чтобы вы сделали тест на отцовство. Он заставил бы Брук, если бы мог.

Каллум, похоже, ошарашен.

– Он готов рискнуть и взять на себя такую ответственность?! Он ведь может стать законным отцом этого ребенка!

– Нет, он хочет доказать правду. – Я смотрю ему прямо в глаза. – Она лжет вам. Ребенок не от Рида, и если вы хотя бы немного доверяете своему сыну, то заставьте Брук... и покончите с этим дурацким бредом.

Я уже ухожу, когда Каллум поднимает руку.

– Подожди.

Нахмурившись, я наблюдаю, как он берет трубку стационарного телефона и набирает номер. Кто бы ни был на том конце провода, отвечают сразу.

– Дотти, – грохочет Каллум в трубку. – Когда утром приедешь в офис, запиши мисс Дэвидсон на прием к гинекологу, на пятницу, ровно в девять утра. И пришли за ней машину.

Мое лицо расплывается в улыбке. Может, мне удалось достучаться до него.

Каллум вешает трубку и тревожно смотрит на меня.

– Чертовски надеюсь, что ты окажешься права, Элла.

Глава 32

Рид

С тех пор, как меня выписали из больницы, Элла не отходит от меня ни на шаг. Что совершенно необязательно. Почти все время я нахожусь под обезболивающими, а пока не двигаюсь, то единственное, что причиняет дискомфорт, – это чешущиеся швы. Врачи велели не трогать их, чтобы не разошлись, поэтому я отвлекаю себя тем, что наблюдаю, как Соьер и Себастиан резвятся в бассейне с Лорен, перекидывая ее друг другу словно мячик.

Погода для плавания совсем неподходящая, но в нашем бассейне есть подогрев, а у Лорен есть близнецы, которые не дадут ей замерзнуть. Мы с Эллой лежим рядышком на одном из шезлонгов, а Истон сидит на стуле и переписывается с кем-то по телефону.

– Уэйд хочет знать, останется ли у тебя крутой шрам, – рассеянно произносит Ист.

Элла громко ворчит.

– Скажи Уэйду, чтобы он перестал думать о всяких глупостях и просто радовался тому, что его лучший друг остался в живых.

Я давлюсь от смеха.

- Так и процитирую, сестричка. - Ист что-то печатает, ждет, потом начинает смеяться. - Уэйд хочет знать, ты точно так же кричишь на Рида, когда вы занимаетесь сексом?

- У тебя есть смайлик со средним пальцем? - сладким голосом спрашивает Элла. - Если есть, отправь ему.

Я провожу пальцами по ее мягким волосам, наслаждаясь теплом ее тела, прижатого к моему. Если бы она только знала, как чертовски сильно я тогда испугался - не за себя, а за нее. Когда из темноты вдруг выскочил этот парень в капюшоне, моим первым и единственным инстинктивным порывом было защитить свою девушку. Я даже не помню, как в меня вошел нож. Помню лишь, как оттолкнул Эллу и опустился перед ней.

Господи! А если бы Дэниел послал кого-то за ней, а не за мной? Если бы ее серьезно ранили?

- Рид, - с беспокойством шепчет Элла.

- М-м-м?

- Ты вдруг так напрягся. С тобой все в порядке? - Она резко садится. - Нужны обезболивающие?

- Со мной все хорошо. Просто думал о Делакорте и о том, какой он псих.

- Точно, - мрачно поддакивает Ист. - Надеюсь, в той военной тюрьме из него вышибут дерьмо.

Элла вздыхает.

- Это не тюрьма, а военная академия для трудных подростков.

- Трудных подростков? - Ист фыркает. - Придурок вообще с головой не дружит. Он заказал моего брата!

- Ты и правда думаешь, что парень в капюшоне пытался убить Рида? А если он вернется и попытается снова? - Она кажется сильно расстроенной, и я сурово смотрю на Истона.

- Никто не пытался меня убить, - заверяю я ее. - Иначе он резанул бы меня по горлу, и все.

Эллу передергивает.

- О боже, Рид! Зачем ты так сказал?

- Прости. Я сглупил. - Я снова притягиваю ее к себе. - Давайте больше не будем об этом говорить. Дэниел исчез. И он дал полицейским имя парня в капюшоне, так что скоро его поймут. Договорились?

- Хорошо, - отзывается она, но в ее голосе нет уверенности.

Услышав пронзительный крик, мы поворачиваемся в сторону бассейна, где на мелководье Себ пытается развязать трусики купальника Лорен.

– Себастиан Ройал! Даже не смей! – Но она смеется и пытается уплыть от моего младшего братца.

Сзади к ней подплывает Сойер, хватая ее, и перебрасывание начинается заново.

Ист наклоняется к нам и понижает голос:

– Как думаете, как это у них выглядит?

Элла прищуривается.

– Что ты имеешь в виду?

– Лорен и близнецов. Все думаю: они трахают ее вдвоем или каждый по отдельности?

– Честное слово, я и знать об этом ничего не хочу, – откровенно отвечает Элла.

Я тоже. Я никогда не спрашивал Себа и Сойера об их отношениях. В глазах всего мира Лорен – девушка Сойера, и мне плевать, что происходит за закрытыми дверями.

За нашими спинами раздаются шаги, и я напрягаюсь, когда на террасе появляется отец.

– Рид, как дела?

– Хорошо, – отвечаю я, не глядя на него.

Повисает неловкая тишина. Элла рассказала мне, что говорила с отцом, и с тех пор я не могу смотреть ему в глаза. Сегодня утром она пришла в больницу с виноватым видом, сильно нервничая, и призналась мне во всем, а я, слушая ее, боролся с охватившими меня чувствами вины и изумления.

Папа знает про Брук. И про меня. Судя по тому, что рассказала Элла, ему все известно уже несколько недель – но он ничего не спрашивал у меня. Наверное, такой у Ройалов способ выживания: избегать разговоров начистоту, не говорить о своих чувствах. И часть меня даже рада этому. Не знаю, что бы я сделал, если бы отец заговорил со мной про Брук. Но он пока молчит. Зато Элла рассказала мне, что папа организовал проведение теста на отцовство, так что рано или поздно ему придется мне что-то сказать.

У нас будет очень странный разговор. Чем позже он случится, тем лучше.

Папа откашливается.

– Вы скоро нагуляетесь? – Он смотрит на бассейн и на шезлонги. – Я подумал, что нам всем неплохо было бы где-нибудь поужинать. Самолет уже заправлен и готов.

– Самолет? – Глаза Лорен становятся размером с блюдца. – Куда мы собираемся лететь?

Каллум улыбается ей.

– В Вашингтон. По-моему, там вам должно понравиться. – Он поворачивается к Элле. – Ты когда-нибудь бывала в Вашингтоне?

Она качает головой.

Я слышу, как Лорен шипит близнецам:

– Кто летает в другой штат, чтобы просто *поужинать*?

– Ройалы, – шепчет ей Соьер.

– Кажется, я еще не готов для путешествия, – признаюсь я неохотно, потому что ненавижу признаваться в собственной слабости, но обезболивающие уже перестают действовать. Меня совсем не привлекает мысль, что нужно вставать и куда-то лететь. – Но вы можете ужинать без меня. Я лучше останусь дома.

– Тогда я тоже останусь, – говорит Элла.

Я касаюсь ее колена и замечаю, как папин взгляд следит за движением моей руки.

– Нет, прогуляйся с ними, – хриплым голосом говорю я. – Ты не отходишь от меня с семи утра. Тебе не мешает смена обстановки.

Элла выглядит недовольной.

– Я не оставляю тебя одного.

– Ой, да с ним все будет нормально! – говорит Ист.

Он уже вскочил со стула, что меня ничуть не удивляет. Я заметил, что брат устал и психует из-за того, что целый день провел дома. Истон не из тех, кому нравится сидеть на одном месте и ничего не делать.

– Давай, – уговариваю я Эллу. – Тебе понравится, поверь мне.

– Сестренка, мы увидим монумент Вашингтона с высоты птичьего полета, – спрашивает ее Истон. – Он похож на огромный член.

– Истон, – с упреком говорит Каллум.

Нам удается уболтать Эллу, и все расходятся по комнатам, чтобы переодеться. Я перебираюсь с шезлонга на диван в игровой комнате, куда спустя двадцать минут входит Элла.

– Ты уверен, что все будет нормально, если останешься один? – Она тревожно кусает нижнюю губу.

Я поднимаю пульт.

– Детка, со мной все будет в порядке. Посмотрю игру и вздремну.

Она подходит ко мне и нежно целует.

– Пообещай, что позвонишь, если тебе что-то понадобится. Я заставлю Каллума поторопиться.

– Обещаю, – отвечаю я, чтобы ублажить ее.

Поцеловав меня еще раз, Элла уходит. Из холла до меня доносятся шаги и голоса, но вскоре все звуки исчезают, и в доме становится тихо, как на кладбище.

Я вытягиваюсь на диване и смотрю, как Каролина зарабатывает тачдаун за тачдауном, потому что защита у Нового Орлеана ни к черту. Конечно, здорово, что моя команда выигрывает, но это лишний раз напоминает мне о том, что в составе «Райдерс» я пропущу как минимум две игры в плей-офф, и от этого портится настроение.

Вздыхнув, я выключаю телевизор и решаю немного вздремнуть. Но не успеваю закрыть глаза, как звонит мой телефон.

Брук.

Дерьмо.

Но она забрасает меня сообщениями, если я не возьму трубку, поэтому я нажимаю кнопку «принять вызов» и недовольно спрашиваю:

– Чего тебе?

– Я только что вернулась из Парижа. Мы можем поговорить?

Она кажется подавленной, и это меня настораживает.

– Я думал, ты вернешься только на следующей неделе.

– Приехала раньше. И что?

Да, с ней явно что-то не то. Я осторожно сажусь.

– Я не в настроении выслушивать тебя. Надоедай кому-нибудь другому.

– погоди! Не вешай трубку. – Она судорожно вздыхает. – Я готова заключить с тобой сделку.

Мои плечи напрягаются.

– И что это, черт побери, означает?

– Просто приходи. Мы поговорим, – умоляет Брук. – Только ты и я, Рид. Не приводи с собой ни Эллу, ни братьев.

Я усмехаюсь.

– Если таким образом ты пытаешься меня соблазнить...

– Я не хочу тебя соблазнять, маленький ты гаденыш! – Она делает вдох, чтобы успокоиться. – Я хочу заключить с тобой сделку. Если ты не передумал и хочешь, чтобы я уехала, предлагаю тебе притащить свой зад ко мне!

Мое отвращение только растет. Она явно что-то задумала, какую-то очередную игру, в которую у меня нет никакого желания ввязываться.

Но... если есть хоть малейший шанс, что сейчас она говорит серьезно, стоит ли мне игнорировать ее?

Помедлив несколько секунд, я отвечаю:

– Буду через двадцать минут.

Глава 33

Элла

Ужин в Вашингтоне – это, конечно, классно, но я испытываю радостное облегчение, когда самолет садится на частную взлетно-посадочную полосу. Я скучала по Риду, и мне не хочется думать о том, что он мог бы провести ночь в одиночестве, мучаясь от боли.

– Хочешь посмотреть кино со мной и Ридом? – спрашиваю я Истона, когда мы вылезаем из лимузина.

Он собирается согласиться, но вдруг его телефон жужжит. Один взгляд на экран, и Истон качает головой.

– Уэйд зовет к себе. У него там подруга, которой нравятся зрители.

Каллум ускоряет шаг, чтобы не слушать про планы сына. У меня же нет выбора.

– Будь осторожен, – говорю я Истону и, поднявшись на носочки, целую его в щеку.

В ответ он ерошит мне волосы.

– Как всегда. Я никогда не забываю о презиках, – и он кричит вслед отцу, – как меня учили!

В сумерках плохо видно, но, по-моему, Каллум, не оборачиваясь, показывает ему средний палец.

– Ты тоже будь осторожна, – дразнит меня Истон. – Как знать, вдруг Рид попытается захомутать тебя, сделав ребеночка.

Я морщусь, и он вздрагивает.

– Прости мой глупый язык.

– Ладно, все в порядке. Кстати, ей предстоит сделать тест на отцовство, и мы узнаем, кто отец этого исчадия, всего через несколько дней. Ну, через неделю.

Истон медлит с ответом.

- Ты точно уверена, что не Рид?

- Он клянется, что ребенок не его.

- Значит, папин?

Теперь мой черед медлить. Как бы мне хотелось не знать все эти секреты! И почему Каллум не расскажет своим сыновьям про вазэктомию?

- Нет, не думаю.

Истон выдыхает.

- В доме есть место еще только для одного Ройала, и оно - твое.

Потом он нежно целует меня в лоб и убегает к своему пикапу.

Я вхожу в дом. Близнецы где-то пропадают. В кабинете Каллума горит свет. Коридор на втором этаже, тот, что ведет к моей спальне и спальне Рида, тоже подсвечен мягким светом. На лестнице, по которой я поднимаюсь наверх, стоит тишина, и это до жути напоминает мне ту ночь, когда я застала Рида с Брук. Остановившись на верхней ступеньке, я смотрю в длинный коридор, и мое сердце начинает биться быстрее.

Я напоминаю себе, что все было не так, как я думала, и в комнате Рида не может быть никого, кроме него самого. Но когда я подхожу к двери, сердце продолжает бешено колотиться, а ладони становятся мокрыми от пота.

- Рид! - зову я.

- В ванной, - отзывается его приглушенный голос.

Я с облегчением выдыхаю и поворачиваю ручку. В комнате темно, но из полуоткрытой ванной просачивается свет. Я просовываю голову в щель и ахаю.

Рид снял повязку, на раковине лежат окровавленные марлевые салфетки.

- Боже мой! Что случилось?

- Порвал несколько швов. Делаю перевязку. - Он бросает розовые бинты в мусорную корзину и прикладывает к ране чистую белую ткань. - Поможешь мне забинтоваться?

В ту же секунду я оказываюсь рядом с ним и, хмурясь, беру с тумбочки бинт.

- Как это случилось? Ты много двигался?

- Да не особо.

Я с подозрением смотрю на него. Это не отрицание, а отговорка.

- Лжец.

- Хорошо, я двигался, - неохотно соглашается он. - Подумаешь!

Его голубые глаза потемнели и затуманились. Он был внизу и бил по груше? Снова изводил себя до изнеможения из-за Брук? Отрывая лейкопластырь, я украдкой смотрю на его костяшки, но на них нет следов ударов.

- Так и знала, что мне надо было остаться дома, - ворчу я. - Я нужна тебе. И чем ты занимался, пока меня не было? Поднимал штангу?

Вместо ответа Рид наклоняется и целует меня, быстро, но крепко. Отстранившись, он говорит:

- Клянусь, ничего особенного. Просто потянулся, чтобы кое-что взять, почувствовал, как лопаются швы - вот и все.

Я надуваю губы.

- Ты недоговариваешь. Я думала, между нами больше не будет секретов.

- Детка, давай не будем ссориться. - Он хватает меня за запястье и тащит за собой из ванной к кровати. - Seriously, ничего особенного. Я выпил таблетку и скоро буду опять чувствовать себя как пьяный.

Рид криво улыбается, но в глазах улыбки нет. Я изучаю его лицо, чтобы найти ответ, но замечаю лишь, как сильно он сжимает челюсти - наверное, из-за боли. Что бы ни произошло сегодня вечером, оно может подождать до завтра. Ему нужно отдохнуть.

- Мне не нравится смотреть, как ты корчишься от боли, - признаюсь я, когда мы устраиваемся на постели.

- Я знаю, но, клянусь, болит не так сильно.

- Ты должен был отдыхать. - Я хлопаю по повязке, стараясь не обращать внимания на то, как он морщится. - Видишь, тебе больно.

- Еще бы, детка! Если помнишь, меня ударили ножом. - Рид берет мои руки и притягивает меня еще ближе к себе.

Его грудь размеренно поднимается и опускается. Можете забрать у меня все: машины, самолеты, ужины в роскошных ресторанах, но потерю Рида я пережить не смогу. Желудок неприятно скручивает, когда я вспоминаю, почему на самом деле так расстраиваюсь.

- Я виновата, что на тебя тогда напали.

Уголки его губ опускаются.

- Неправда. Не смей так говорить!

- Нет, правда. Дэниел не стал бы заказывать тебя, если бы не я.

Я рассеянно поглаживаю твердые мышцы его живота, провожу по ребрам, радуясь тому, что ранение не такое серьезное.

– Чушь. Я избил его и сказал Кэссиди, что она ужинает с насильником. Конечно, он возненавидел меня.

– Наверное. – Я в это не верю, но понимаю, что спор мне не выиграть. – Остается лишь радоваться, что его здесь больше нет.

– Папа позаботился о нем. Не волнуйся. – Рид гладит мою спину. – Как ужин?

– Хорошо. Совершенно роскошный. В меню было полно слов, которые я даже произнести не могу. – Фуа-гра. Лангустин. Нори.

Рид широко улыбается.

– И что ты заказала?

– Лобстера. Вкусный был. – Как и лангустин, который оказался тоже лобстером, только поменьше. А вот фуа-гра (это утиная печень) и нори (водоросли) я заказывать не стала, потому что они показались мне противными даже на слух.

– Я рад, что ты хорошо провела время.

Руки Рида замедляются, его успокаивающие ласки превращаются во все более... возбуждающие.

Я пытаюсь отодвинуться, смущенная тем, что он с такой легкостью заводит меня. Не хочу ничего такого, пока он не в порядке.

– Я скучала по тебе, – признаюсь я.

Он опять быстро целует меня.

– Я тоже по тебе скучал.

– В следующий раз ты присоединишься к нам. Тебя нельзя оставлять одного!

Он делает глубокий вдох и прижимает меня к себе.

– Заметано. Когда папа опять куда-нибудь полетит, мы полетим все вместе.

– И все-таки это безумие.

– Что именно?

– Самолет. – Я целую его в плечо. – А то, что мы будем вместе, мне понравилось.

– Сильно понравилось?

Единственный свет в комнате – тот, что пробивается из полуоткрытой двери в ванную. Он отбрасывает на тело Рида причудливые тени. Я провожу носом вдоль его шеи, вдыхая запахи мыла и шампуня.

– Очень сильно.

- Детка... - Он откашливается. - Тебе лучше перестать это делать.

- Делать что?

Рид смотрит на меня сверху вниз, а я растерянно смотрю на него.

- Гладить мою грудь. *Нюхать* меня, - охрипшим голосом говорит он. - Из-за тебя у меня в голове рождаются всякие плохие мысли.

Уголки моих губ поднимаются.

- Плохие мысли?

- Грязные, - поправляет себя Рид.

Моя улыбка становится еще шире. Правда ли это или он просто хотел меня отвлечь, но его слова сработали. Я наклоняюсь, позволяя моим волосам покрывалом накрыть наши лица, и целую его в губы. Рид проводит языком по моей нижней губе, беззвучно спрашивая разрешения. Я приоткрываю губы, и он сразу же пользуется этим, проникая в мой рот языком.

- Нам лучше этого не делать, - шепчу я. - Тебе больно.

Он с улыбкой отстраняется.

- Тогда сделай так, чтобы я почувствовал себя лучше.

- Это вызов?

Рид смеется, и я снова прижимаюсь к его рту своими губами. Теперь я терзаю его своим языком, жадно целую его до тех пор, пока он не забывает, как дышать. Моя рука тоже начинает двигаться, ползет по его груди к поясу трусов. Я проскальзываю в его боксеры и нахожу свидетельство того, насколько ему стало лучше: горячее, твердое, массивное.

Когда он со стоном выгибается на кровати, я тут же поднимаю на него глаза.

- Ты в порядке?

- Не смей останавливаться, - рычит он.

- И что у тебя болит? - лукаво спрашиваю я.

Мне нравится видеть Рида вот таким: податливым, послушным в моих руках.

- Все. Seriously, у меня болит все тело. Особенно здесь, - он хлопает по паху. - Поцелуй там, помоги мне.

- Ты хочешь, чтобы я поцеловала его? - Я притворяюсь оскорбленной.

- О да. Я хочу, чтобы ты по-настоящему, жадно, с языком поцеловала меня прямо там... если ты сама этого хочешь. - В его последних словах сквозит неуверенность.

Спрятав улыбку, я сдвигаюсь вниз и встаю на колени между его ног.

Его руки поспешно стягивают трусы, полностью обнажая член для меня. Рид обхватывает себя одной рукой и выжидающе, с надеждой смотрит на меня.

- Бедный малыш, - мурлычу я и провожу кончиком пальца по тыльной стороне его руки.

Я опускаю голову, и он тотчас протягивает руку, чтобы убрать мои волосы с лица. Как только мой рот смыкается вокруг его члена, Рид стонет от удовольствия.

- О черт, да!

В его голосе - мучение, но сейчас муки вызываю я. Это сладкое, сильное чувство власти. Его дрожащие пальцы снова впиваются в мои волосы.

- Детка... Элла... - сдавленно говорит он и больше не произносит ни слова, только звуки.

Хриплые стоны, судорожные вздохи, страдальческие мольбы. Он так сильно тянет меня за волосы, что я поднимаю на него глаза и вижу на его лице страсть... и даже, наверное, любовь.

Я снова опускаюсь, вбирая его член в рот - настолько, насколько могу. Он большой, массивный, но его тяжесть на моем языке, на моих губах возбуждает меня так сильно, что я такое даже представить себе не могла. Я чувствую его отчаяние, его жажду. Меня наполняет головокружительное ощущение власти. Если я сейчас остановлюсь, Рид, наверное, пообещает мне все что угодно.

Но я ничего не хочу. Только его. И, зная, что он тоже хочет меня, я схожу с ума от желания. Руками, языком, губами я подталкиваю Рида к самому краю.

- Остановись... Я сейчас кончу, - стонет он и вяло тянет меня за волосы.

Мои улыбающиеся губы вокруг него. Я хочу, чтобы он кончил, чтобы потерял контроль. Удвоив старания, я сосу и лизу до тех пор, пока его огромная фигура не напрягается и Рид не изливается мне в рот.

Когда его тело наконец расслабляется, он притягивает меня к себе.

- Рид, - шепчу я.

- Что? - Его голос похож на шорох гравия.

- Я люблю тебя.

- Я... тоже тебя люблю. - Он утыкается лицом в мою шею. - Ты даже не представляешь, как сильно. Я...

Рид тихо ругается.

- Ты знаешь, что я сделаю для тебя все что угодно? Абсолютно все, только чтобы ты была в безопасности.

По телу разливается тепло.

- Правда?

- Все что угодно, – хриплым голосом повторяет Рид, а потом целует меня до тех пор, пока мы оба не начинаем задыхаться.

Глава 34

Часы на телефоне показывают два ночи, и это не сигнализация, по крайней мере, не в моей комнате. Но где-то в доме что-то продолжает непрерывно звенеть. Я проверяю, не проснулся ли Рид, но он распростерся на кровати, заняв две трети матраса, и спит как убитый.

Кладу подушку на голову и закрываю глаза, но звон не прекращается. Больше того, к нему присоединяется звук бегущих по коридору шагов, за которым следует громкий стук в одну из дверей.

Рид садится на кровати, его темные волосы торчат в разные стороны, глаза сонные.

- Что за черт...

С первого этажа до нас доносится разгневанный голос.

- Проклятье! Одну минуту.

Похоже на Каллума, но сложно разобрать, что именно он говорит.

- Я же сказал вам, что сам приведу его.

Ох, черт. Мы с Ридом вскакиваем с кровати. Даже если Каллум знает про нас, вряд ли он обрадуется, обнаружив нас спящими в одной постели. Я почти натянула на себя джинсы, а Рид – футболку, когда шаги останавливаются рядом с моей дверью.

Мы оба застываем на месте, услышав возмущенный крик Каллума.

- Это комната моей семнадцатилетней воспитанницы, и вы не войдете туда, пока она не приведет себя в порядок!

Вы не войдете?

- Кто там? – шепчу я Риду.

Он растерянно смотрит на меня, округлив глаза.

- Элла, – рявкает Каллум из коридора, – у нас гости. Одевайся и спускайся вниз как можно быстрее.

Я откашливаюсь.

- Ладно, хорошо. Скоро буду.

И тут же морщусь, осознав, что мой голос доносится из комнаты Рида.

Помедлив, Каллум добавляет:

- Разбуди Рида - и спускайтесь вместе.

Попались. Я быстро натягиваю джинсы и хватаю из комода свитер. Рид и не думает торопиться.

- Детка, все будет хорошо. Ты еще девственница. Я скажу папе.

Я подлетаю к нему и закрываю ему рот ладошкой.

- О боже! Ничего ты ему не скажешь! Мы не будем обсуждать это с Каллумом. Никогда.

Рид закатывает глаза и убирает мою руку с лица.

- Да не волнуйся ты. Он только поорет на нас - и все.

- Ему для этого приспичило разбудить нас посреди ночи? - спрашиваю я.

- Так драматичнее. Он собирается поговорить о том, что нам нужно быть осторожными - и все такое.

Рид морщится, когда я тащу его к двери.

Я сразу отпускаю его руку.

- Бок болит?

Рид делает медленные вращения рукой, проверяя рану.

- Есть немного. Но я поправлюсь и буду в полной боевой готовности через несколько дней, не переживай.

Теперь морщусь я.

- Я и не думала об этом. Ты что-то натворил, пока мы ужинали, да?

Рид лишь пожимает плечом.

- Да ничего особенного я не делал. Сказал же, просто разошлась пара швов, ничего страшного.

Каллум встречает нас на лестничном пролете, который отделяет его крыло от нашего и ведет на лестницу на первый этаж. Он одет в брюки и белую рубашку, но пуговицы на ней застегнуты вразнобой.

- Папа, - настороженно спрашивает Рид, - что случилось?

Его отец дикими глазами смотрит то на него, то на меня.

– Где ты был вчера вечером? – Он вздыхает. – Нет, не говори. Чем меньше я сейчас знаю, тем лучше.

Рид делает шаг вперед.

– Что, черт побери, происходит?

Каллум проводит руками по волосам.

– Приехала полиция. Они хотят узнать у тебя, где ты был вчера вечером. Не говори ничего, пока не приедет Гриер.

Я помню, что эта фамилия была среди выложенных золотыми буквами имен на двери адвокатской конторы, где зачитывали завещание Стива.

– Это из-за Дэниела? Они поймали парня в капюшоне? – взволнованно спрашиваю я.

Молчание. Оно затягивается невообразимо надолго, оставляя мне массу времени, чтобы придумывать себе самые страшные, самые шокирующие сценарии. Но ни один из них не сравнится с тем, что наконец сообщает нам Каллум:

– Брук мертва...

Что?

– ...и Рида подозревают в ее убийстве, – стиснув зубы, говорит он.

Его глаза прикованы к лицу Рида, который вдруг стал белее простыни.

О боже!

Мой взгляд бессознательно опускается на бок Рида, где его повязка уже, наверное, пропиталась кровью. Потом я поднимаю глаза на Каллума, мой рот открывается и закрывается, открывается и закрывается.

– *Как это случилось?*

– *Я двигался... Подумаешь!*

Как только эта мысль приходит мне в голову, мне хочется ударить себя за то, что вообще подумала об убийстве. Нет. Ни за что. Как бы сильно он ни ненавидел ее, Рид никогда бы... он никогда бы...

Или все же?..

Ты же знаешь, что я сделаю для тебя все что угодно? Абсолютно все, только чтобы ты была в безопасности.

– Мистер Ройал, – кричит голос снизу. Усталый мужчина в помятом костюме кладет руку на перила и ставит ногу на нижнюю ступеньку. – Ордер подписан. Вашему сыну придется отправиться с нами.

- Кто подписал этот бред? – требовательно спрашивает Каллум, быстро спускаясь по ступенькам.

Мужчина протягивает ему бумагу.

- Судья Делакуорт.

Когда Каллум выхватывает бумагу из его руки, мужчина устремляется вверх по лестнице в сопровождении двух полицейских, которых я раньше не замечала. Один из них хватается молчаливого Рида, поворачивает его и толкает к перилам.

- В этом нет никакой необходимости. – Каллум поднимается обратно. – Он пройдет с вами добровольно.

- Простите, мистер Ройал. Стандартная процедура, – объясняет мужчина, но выглядит он слишком самодовольно. До чего же противно.

- Не говори ни слова, – наказывает Каллум сыну. – Ни слова.

Рид переводит взгляд на меня, и его глаза вспыхивают.

Я люблю тебя.

Я тоже тебя люблю.

Я сделаю все что угодно.

Нам нужно найти способ избавиться от нее.

Я хочу, чтобы Брук исчезла из нашей жизни.

Я люблю тебя.

- Я люблю тебя, – шепчу я, и полицейский тащит его прочь.

На лице Рида мелькает яростная решимость, но он не произносит ни слова. И я не знаю, то ли это потому, что он боится что-то сказать, то ли потому, что следует наставлениям отца.

Я начинаю дрожать. Каллум обнимает меня одной рукой.

- Ступай и обуйся, я отвезу тебя в полицейский участок.

- Мальчики, – слабым голосом говорю я. – Надо разбудить их всех.

Мне кажется, он хочет сказать «нет», но так будет неправильно.

- Нужно показать Риду, что мы, его семья, поддерживаем его. И они все равно захотели бы поехать.

Наконец Каллум кивает.

- Разбуди их.

Я поворачиваюсь и бегу по коридору, стуча сначала в дверь Истона, потом близнецов.

- Ребята, просыпайтесь! - кричу я. - Просыпайтесь.

Снова звенит дверной звонок. Я бросаюсь вниз, почему-то решив, что это Рид и все было просто плохой шуткой, дурацким приколом, ранним первоапрельским розыгрышем.

Каллум подходит к двери и быстрым движением распахивает ее. Сделав шаг вперед, он застывает на месте, да так неожиданно, что я врезаюсь прямо в его одеревеневшую спину.

- Господи Иисусе, - выдыхает он.

Я понятия не имею, почему Каллум остановился, из-за его широкоплечей фигуры мне ничего не видно.

Пока он стоит там как статуя, я выглядываю из-за его плеча и испуганно моргаю.

У подножия мраморных ступенек стоит мужчина. Светлые сальные волосы падают ему на плечи. Большая борода скрывает почти все лицо. Защитного цвета брюки и рубашка поло висят на худощавой фигуре, как будто они на два размера больше, чем нужно.

Он почему-то кажется мне знакомым, хотя я абсолютно уверена, что никогда в жизни не видела этого мужика.

Я смотрю ему в глаза. Они светло-голубые и обрамлены темными ресницами.

Сердце начинает колотиться как сумасшедшее, потому что теперь я начинаю сомневаться в своей правоте. Мне кажется, я все-таки *знаю* его. Мне кажется, это...

- *Стив?* - восклицает Каллум.